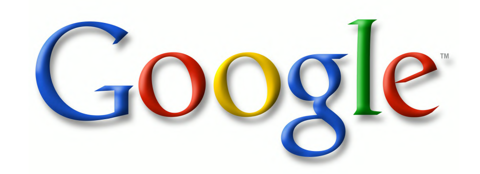

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИСТОРІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

№ 112

А. В. Мезіеръ

ВЪ ПОИСКАХЪ ПРАВДЫ И СМЫСЛА ЖИЗНИ

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО МАСОНСТВА

Издательство
О. Н. ПОПОВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Невскій, 54

ИСТОРІЯ и ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

№ 112

А. В. Мезіеръ

ВЪ ПОИСКАХЪ ПРАВДЫ
И
СМЫСЛА ЖИЗНИ

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО МАСОНСТВА).

„Призваніе всякаго человѣка въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни". (А. Чеховъ—„Домъ съ мезониномъ").

„Въ поискахъ за правдой люди дѣлаютъ два шага впередъ, шагъ назадъ. Страданія, ошибки и скука жизни бросаютъ ихъ назадъ, но жажда правды и упрямая воля гонятъ впередъ и впередъ... И кто знаетъ?.. Быть можетъ, доплывутъ до настоящей правды".
А. Чеховъ—„Дуэль".

Издательство
О. Н. ПОПОВОЙ

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Невскій, 54

Типографія Спб. акц. общ. „СЛОВО“. Ул. Жуковскаго, 21

ГЛАВА I.

Таинственный домъ *).

На одной изъ отдаленныхъ и глухихъ улицъ Петербурга стоялъ въ началѣ XIX стол. мрачный красный домъ. Днемъ онъ угрюмо молчалъ. Никто не входилъ въ него и не выходилъ, точно тамъ не было жильцовъ. Но вечеромъ въ немъ начиналась какая-то таинственная жизнь. Глухая улица оживлялась: по ней быстро мчались экипажи, подъѣзжали къ дому, высаживали сѣдоковъ, исчезавшихъ въ темныхъ воротахъ, и такъ же быстро уѣзжали. Только глубоко за полночь начинался разъѣздъ, и мрачный домъ погружался снова въ угрюмое молчаніе...

Какою жизнью жилъ этотъ домъ? Что дѣлали въ немъ его таинственные посѣтители?

Это было давно. Нужды нѣтъ. Пороемся въ старыхъ архивахъ и постараемся возстановить по пожелтѣвшимъ бумагамъ прошлаго правду о мрачномъ красномъ домѣ.

* * *

Однажды морознымъ февральскимъ вечеромъ кучеръ, правившій щегольскими санями, въ которыхъ сидѣло двое, одинъ—молодой, другой—старикъ, осадилъ взмы-

---

*) Глава составлена съ измѣненіями и дополненіями по ром. *Жеромскаго* „Пепелище" (Р. Б. 1903 г., 8) и ром. *Л. Н. Толстого* „Война и миръ".

ленную пару у воротъ таинственнаго краснаго дома. Молодой выпрыгнулъ первымъ и почтительно помогъ старику.

— Пріѣдешь за мной, какъ всегда,—сказалъ этотъ послѣдній кучеру.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Тотъ, кого называли сіятельствомъ, и юноша скрылись въ темномъ проходѣ подъ воротами. Князь шелъ впереди; Рафаилъ Ольбромскій (такъ звали юношу) за нимъ. Такъ они дошли черезъ дворъ до двери. На стукъ князя дверь открылъ старый, сгорбленный старичокъ-слуга. Взявъ шубы пріѣзжихъ, онъ молча указалъ рукой на темный коридоръ, освѣщенный только однимъ фонаремъ, слабо мерцавшимъ вдали. Юноша смущенно застегивалъ пуговицы своего чернаго фрака и нервно прижималъ къ груди шляпу. Князь, спокойный и торжественный, не торопясь, пошелъ впередъ, видимо прекрасно зная расположеніе.

По коридору они дошли до двери, которую князь, не постучавшись, открылъ. Они вошли въ маленькую залу, гдѣ князь оставилъ своего спутника однсго, а самъ куда-то быстро ушелъ. Однако, минуты черезъ двѣ онъ снова явился, но въ преображенномъ видѣ: на немъ былъ, какъ всегда, фракъ, застегнутый на всѣ пуговицы, черные чулки и полуботинки со стальными пряжками, но изъ подъ-фрака свѣшивался бѣлый кожаный передникъ, а черезъ лѣвое плечо былъ перекинутъ широкій бѣлый шарфъ. Руки были въ бѣлыхъ перчаткахъ. Князь подошелъ къ Ольбромскому, пригнулъ его къ себѣ, поцѣловалъ и, взявъ за руку, молча повелъ.

Молча прошли они черезъ двѣ пустыя и совершенно темныя комнаты и остановились передъ новой запертой дверью. Князь опустилъ руку юноши и отступилъ въ темноту. Въ то же мгновеніе дверь съ шумомъ раскрылась... Кто-то тихонько толкнулъ Рафаила, и онъ очутился въ такой же темной комнатѣ, одинъ, такъ какъ быстро захлопнувшаяся дверь отдѣлила его отъ его спутника.

Оглядѣвшись, онъ увидалъ, что стоитъ въ сводчатой залѣ, обитой чернымъ сукномъ. На черномъ столѣ

странной формы въ чемъ-то бѣломъ горѣла свѣча, а передъ ней лежала раскрытая книга. Подойдя ближе, юноша увидалъ, что книга была Евангеліе, а то бѣлое, въ чемъ горѣла свѣча, былъ человѣческій черепъ съ зіяющими впадинами вмѣсто глазъ и оскаленными зубами. Тамъ и сямъ по угламъ комнаты, у стѣнъ, бѣлѣли человѣческіе скелеты, черепа, кости... За столомъ стоялъ большой черный гробъ съ костями. Чѣмъ-то таинственнымъ, жуткимъ вѣяло отъ этой странной обстановки... Таинственность еще усугублялась тишиной... Черная комната съ черепами и костями, притаившись, молчала, и это молчаніе заставляло какъ-то особенно настораживаться, прислушиваться и чего-то ждать.

Вдругъ, среди мрака и тишины, откуда-то рядомъ понеслись звуки пѣсни. Слышенъ былъ только напѣвъ, торжественный, зовущій... Пѣснь еще звучала, когда изъ сосѣдней комнаты тихо открылась дверь и блеснулъ свѣтъ. Въ дверяхъ показались трое, одѣтые такъ же, какъ и князь. Средній держалъ на плечѣ обнаженную шпагу. Приблизившись къ юношѣ, онъ тихимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ:

— Для чего вы пришли сюда? Чего хотите вы отъ насъ? Премудрости, добродѣтели, просвѣщенія?..

— Я ищу истины и хочу обновленія,—тихо отвѣтилъ юноша.

— Какое понятіе имѣете вы, ищущій, о франкъ-масонствѣ?

— Я полагаю, что франкъ-масонство *) есть братство и равенство людей, соединенныхъ съ цѣлью поддерживать другъ друга на пути добродѣтели.

— Вы ищете истины для того, чтобы слѣдовать въ жизни ея законамъ,—слѣдовательно, вы ищете премудрости и добродѣтели,—не такъ ли?

— Да, да,—подтвердилъ юноша.

Незнакомецъ прокашлялся, сложилъ на груди руки въ перчаткахъ и началъ говорить:

---

*) Франкъ-масонство въ переводѣ значитъ вольное каменщичество, франкъ-масонъ—вольный каменщикъ.

— Я долженъ открыть вамъ главную цѣль нашего ордена, и ежели цѣль эта совпадаетъ съ вашею, то вы съ пользою вступите въ наше братство. Первая главнѣйшая цѣль и купно основаніе нашего ордена, на которомъ онъ утвержденъ, и котораго никакая сила человѣческая не можетъ низвергнуть, есть сохраненіе и преданіе потомству нѣкоего важнаго таинства... отъ самыхъ древнѣйшихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго таинства, можетъ быть, зависитъ судьба рода человѣческаго. Но такъ какъ сіе таинство такого свойства, что никто не можетъ его знать и имъ пользоваться, если долговременнымъ и прилежнымъ очищеніемъ самого себя не пріуготовилъ, то не всякъ можетъ надѣяться скоро обрѣсти его. Поэтому мы имѣемъ вторую цѣль, которая состоитъ въ томъ, чтобы пріуготовлять нашихъ членовъ, сколько возможно исправлять ихъ сердца, очищать и просвѣтлять ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ преданіемъ открыты отъ мужей, потрудившихся въ исканіи сего таинства, и тѣмъ учинять ихъ способными къ воспріятію онаго. Очищая и исправляя нашихъ членовъ, мы стараемся, въ-третьихъ, исправлять и весь человѣческій родъ, предлагая ему въ членахъ нашихъ примѣръ благочестія и добродѣтели, и тѣмъ стараемся всѣми силами противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ. Подумайте объ этомъ, и я опять приду къ вамъ,—прибавилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Съ нимъ исчезли и два его спутника, оставивъ Рафаила опять одного. Комната снова погрузилась во мракъ и въ жуткую тишину. Прошло съ полчаса... Но вотъ дверь опять отворилась—и въ ея свѣтломъ четыреугольникѣ показались опять тѣ же лица. Стоявшій посрединѣ *риторъ* (такъ назывался въ масонствѣ братъ, приготовлявшій *ищущаго* къ вступленію въ братство) заговорилъ о семи добродѣтеляхъ, соотвѣтствующихъ семи ступенямъ храма Соломона, о тѣхъ семи добродѣтеляхъ, которыя долженъ былъ воспитывать въ себѣ каждый масонъ. Добродѣтели эти были: скромность, соблюденіе тайны ордена, повиновеніе

высшимъ чинамъ ордена, добронравіе, любовь къ человѣчеству, мужество, щедрость и любовь къ смерти. Риторъ долго и пространно разъяснялъ Рафаилу значеніе каждой добродѣтели и закончилъ вопросомъ: хочетъ ли онъ принадлежать къ обществу, стремящемуся къ этимъ добродѣтелямъ? Юноша отвѣтилъ утвердительно. Тогда риторъ сдѣлалъ знакъ—и два его спутника подошли къ Рафаилу, сняли съ него фракъ, жилетъ, обнажили лѣвую сторону груди, сняли съ лѣвой ноги башмакъ, чулокъ и обнажили ногу до колѣна, засучивъ панталоны; потомъ большимъ, толстымъ платкомъ завязали ему глаза.

— Я беру у васъ вашу шляпу и шпагу и, кромѣ того, въ знакъ щедрости, прошу васъ отдать мнѣ всѣ ваши драгоцѣнныя вещи—часы, кольца, деньги,—словомъ, всякій металлъ...

Ольбромскій поспѣшно отдалъ все требуемое и стоялъ въ ожиданіи.

— Послѣдній разъ говорю вамъ,—услышалъ онъ снова голосъ ритора:—обратите все ваше вниманіе на самого себя, наложите цѣпи на свои чувства и ищите блаженства не въ страстяхъ, а въ своемъ сердцѣ. Источникъ блаженства не внѣ, а внутри насъ...

Дверь тихо скрипнула. Кто-то взялъ его за руку и повелъ. Они шли довольно долго, какъ показалось Ольбромскому, поворачивая взадъ и впередъ, и, наконецъ, остановились очевидно передъ какою-то дверью. Тотъ, кто велъ его за руку, кашлянулъ; въ отвѣтъ за дверьми застучали молотками; затѣмъ дверь отворилась, раздался чей-то громкій голосъ, троекратное хлопанье въ ладоши и восклицанье хора. Ольбромскій почувствовалъ, что по бокамъ его стоятъ двое, а впереди третій; груди его коснулось холодное остріе шпаги... Чей-то басистый голосъ спросилъ:

— Чего тебѣ нужно здѣсь?

— Я хочу быть принятымъ въ среду вольныхъ каменщиковъ...

— Твое желаніе будетъ исполнено, можетъ быть, на горе тебѣ же. Помни, что я говорю.

Потомъ его опять повели впередъ. Шедшій впе-

рели куда-то постучалъ, и Ольбромскій услышалъ новый голосъ, спрашивавшій: кто онъ? изъ какой страны? сколько ему лѣтъ? отдалъ ли весь металлъ? не измѣнилъ ли желанія вступить въ братство? Когда юноша отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, дверь съ шумомъ отворилась, и сопровождавшіе его толкнули его въ объятія двухъ стражей, восклицая:

— Прочь, несчастный! Предаемъ тебя судьбѣ твоей...

Въ комнатѣ, въ которую теперь попалъ Рафаилъ, было очень тепло и, какъ ему казалось, много народу.

— Дерзкій свѣтскій человѣкъ!—услышалъ онъ.—Что влечетъ тебя сюда? Можетъ быть, простое любопытство? Можетъ быть, желаніе проникнуть тайну? Трепещи! трепещи, несчастный! Ты стоишь на краю пропасти, которая грозитъ тебѣ гибелью. Отвѣчай! Не простое ли любопытство привело тебя сюда?

— Нѣтъ.

— Словъ недостаточно. Братъ сторожъ, приложи конецъ шпаги къ груди дерзкаго. Вели ему въ поискахъ свѣта совершить путь съ запада на востокъ и, если замѣтишь хотя слабое сопротивленіе, пронзи насквозь предательское сердце!

Ольбромскій опять почувствовалъ остріе шпаги у груди, противъ сердца. Кто-то взялъ его за руку и повелъ, не развязывая ему глазъ. Во время ходьбы ему говорили аллегоріи о трудахъ его путешествія, о священной дружбѣ, о предвѣчномъ Спасителѣ міра, о мужествѣ, съ которымъ онъ долженъ переносить труды и опасности. Его называли то *ищущимъ*, то *страждущимъ*, то *требующимъ* и различно стучали при этомъ молотками и шпагами. Въ одномъ мѣстѣ проводникъ велѣлъ ему сдѣлать глубокій поклонъ; черезъ нѣсколько шаговъ приказалъ низко нагнуться, какъ будто они проходили подъ сводомъ; потомъ—поднять выше ногу, точно для того, чтобы перешагнуть препятствіе. Когда, наконецъ, его привели, повидимому, на прежнее мѣсто, раздался глухой ударъ деревяннаго молотка и тотчасъ же шумъ, крикъ, громъ оружія. Послѣ второго удара все стихло...

— Какъ велъ себя пришлецъ?—спросилъ кто-то, на что другой голосъ отвѣтилъ: „мужественно".

— Проведите его подъ стальнымъ сводомъ...

Ольбромскій услышалъ звонъ множества шпагъ, ударявшихъ надъ его головой одна о другую, и, согнувшись, пошелъ туда, куда тянула его рука проводника, пока его опять не остановили. Опять все тотъ же неизвѣстный заговорилъ:

— Ведите его въ то страшное мѣсто, къ которому мы сами съ трепетомъ приближаемся. Велите ему испытать дѣйствіе огня. Да, братья мои, дайте испытать ему силу всякихъ стихій и, если онъ задрожитъ, бросьте его въ бездну!

Рафаилъ почувствовалъ, что около его лица горитъ смола, а съ обѣихъ сторонъ дуютъ на него изъ мѣховъ. Затѣмъ его положили въ тачку и повезли по неровной наклонной плоскости. Послѣ всѣхъ этихъ испытаній опять раздался прежній голосъ:

— Велите ему согнуть лѣвое колѣно и положить правую руку на Евангеліе; дайте ему циркуль въ руку. Пусть приложитъ конецъ его къ своему сердцу...

Послышался стукъ деревяннаго молотка. Въ то же мгновенье на темя Рафаила опустились холодные концы нѣсколькихъ десятковъ шпагъ, и чей-то мягкій, добрый голосъ сталъ читать слова присяги, которыя юноша долженъ былъ повторять.

— Передъ Богомъ Всемогущимъ, Строителемъ всего міра, клянусь я своимъ спасеніемъ, своею незапятнанною честью, что сохраню съ величайшимъ стараніемъ тайну каменщиковъ. Клянусь, что, пока живъ, не дамъ повода распространиться тайнѣ, не допущу, чтобы она стала извѣстной людямъ путемъ письма, картины или другимъ способомъ. Клянусь и обѣщаю свято охранять и, въ случаѣ необходимости, до послѣдней капли крови защищать великое общество. Въ случаѣ нарушенія мною присяги да будетъ мое горло перерѣзано, сердце и внутренности вырваны и брошены въ морскую бездну, тѣло мое обращено въ пепелъ и развѣяно на всѣ четыре стороны свѣта. Да поможетъ мнѣ Всемогущій

Строитель міра! Въ подтвержденіе присяги цѣлую слова Спасителя моего...

Едва только новый каменщикъ произнесъ послѣднія слова, какъ прежній голосъ, принадлежавшій очевидно такъ называемому *мастеру каѳедры*, произнесъ:

— Братъ посвящающій, приблизь чашу къ крови!

Къ сердцу Рафаила приложили холодный чугунный сосудъ. Кто-то прижалъ остріе циркуля къ лѣвой сторонѣ груди новопосвящаемаго и сказалъ:

— Во имя Всемогущаго Строителя міра...

Потомъ еще крѣпче нажалъ циркуль второй и третій разъ и громче произнесъ:

— Дарованною мнѣ властью, съ соизволенія всѣхъ братьевъ, принимаю тебя въ *ученики* каменщиковъ. Встань!.. Ведите его на западъ.

По бокамъ опять стали двое.

— Братъ сторожъ,—послышался снова голосъ мастера,—спроси его, желаетъ ли онъ достигнуть первой ступени свѣта.

— Хочу...—отвѣтилъ Ольбромскій.

Запахло чадомъ погашенныхъ свѣчей и смолы, послышались шаги по направленію къ нему, и онъ снова почувствовалъ острія нѣсколькихъ шпагъ на своей груди.

— Братъ сторожъ, дай ему первую степень свѣта,— сказалъ мастеръ, ударяя молоткомъ.

Съ глазъ Рафаила немного сдвинули повязку. Онъ увидѣлъ пламя спирта, горѣвшаго на возвышеніи. Тамъ сидѣлъ мастеръ, лицо котораго было странно освѣщено этимъ мерцающимъ въ полумракѣ пламенемъ. Противъ Рафаила стояли нѣсколько человѣкъ въ такихъ же фартукахъ, какъ и риторъ, и держали шпаги, направленныя на его грудь. Новый ударъ молотка—и еще выше сдвинули повязку. Послѣ третьяго удара раздались опять грозныя слова мастера:

— Трепещи, если окажешься клятвопреступникомъ! Трепещи! Всѣ обращенныя къ тебѣ шпаги пронзятъ твое предательское сердце, если ты нарушишь присягу!

Ложа постепенно освѣщалась. Водворилась торже-

ственная тишина. Ольбромскій все еще оставался между двумя стражами.

— Чего ты хочешь?—опять спросилъ мастеръ.

— Свѣта,—отвѣтилъ Рафаилъ.

— Стражи, дайте новопосвященному большой свѣтъ,—сказалъ мастеръ и три раза ударилъ молоткомъ. Съ Рафаила совсѣмъ сняли повязку.

— Братъ мой,—произнесъ мастеръ нѣжнымъ, радостнымъ голосомъ,—ты принятъ ученикомъ въ нашу среду. Если будешь достоинъ, то не только обнаженное здѣсь оружіе, но оружіе всѣхъ братьевъ на землѣ поднимется на твою защиту.

Новый каменщикъ съ любопытствомъ оглядѣлъ обитую чернымъ сукномъ залу. Въ глубинѣ ея стоялъ алтарь съ золотыми украшеніями. На алтарѣ лежали Евангеліе и черепъ. По бокамъ алтаря возвышались двѣ гранитныя колонны, одна съ буквою В, другая—съ У. Возлѣ колоннъ стояли два большихъ подсвѣчника съ горящими свѣчами, а рядомъ съ алтаремъ—третій. Передъ собой Рафаилъ увидалъ коверъ страннаго рисунка: тутъ были изображенія солнца, луны, молотка, отвѣса, лопаты, циркуля, дикаго и кубическаго камня, столба, трехъ оконъ и т. д. Человѣкъ двѣнадцать каменщиковъ сидѣло за длиннымъ столомъ, покрытымъ чернымъ. Всѣ они были въ такихъ же одѣяніяхъ, какъ и тѣ, которыхъ Ольбромскій видѣлъ раньше. Посерединѣ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидѣлъ мастеръ съ молоткомъ въ рукѣ. Въ стѣнѣ, за столомъ, была вдѣлана горящая звѣзда. Коверъ со странными рисунками приходился съ одной стороны стола, алтарь—съ другой. Кругомъ стола было семь большихъ, вродѣ церковныхъ, подсвѣчниковъ.

— Къ порядку!—раздалась опять команда мастера. Всѣ вложили шпаги въ ножны. Новаго ученика подвели къ алтарю, поставили его ноги въ прямоугольное положеніе и приказали ему лечь, говоря, что онъ повергается къ вратамъ храма. Когда онъ пролежалъ нѣсколько времени, ему велѣли встать и подвели его къ ковру.

— Поставьте его,—сказалъ мастеръ,—на циркуль мудрости, на угломѣръ искренности, на звѣзду любви...

Потомъ церемоніймейстеръ подалъ мастеру на подушкѣ бѣлый кожаный фартукъ, лопату и три пары бѣлыхъ же перчатокъ. Одинъ изъ братьевъ надѣлъ на Рафаила фартукъ и далъ ему въ руки лопату и перчатки, а мастеръ при этомъ говорилъ, чтобъ онъ старался не запятнать бѣлизну фартука, представляющаго крѣпость и непорочность; что лопатой онъ долженъ очищать свое сердце отъ пороковъ и снисходительно заглаживать ею сердце ближняго. Про первыя, мужскія, перчатки онъ сказалъ, что ученикъ не можетъ знать ихъ значенія, но долженъ ихъ хранить; что касается вторыхъ, тоже мужскихъ, перчатокъ, то онъ долженъ надѣвать ихъ въ собраніяхъ, а третьи—женскія—отдать той женщинѣ, которую будетъ почитать больше всѣхъ. „Симъ даромъ,—прибавилъ мастеръ,—вы увѣрите въ непорочности сердца вашего ту, которую изберете себѣ въ достойную каменщицу. Но соблюди, любезный братъ, да не украшаютъ перчатки сіи рукъ нечистыхъ“. Затѣмъ Рафаилу показали его мѣсто въ ложѣ, знакъ ученика, состоявшій въ прикладываніи сложенныхъ въ видѣ наугольника рукъ къ горлу, сказали входное слово и научили братскому привѣтствію. Церемонія закончилась поцѣлуемъ мастера, послѣ чего одинъ изъ братьевъ сталъ читать по тетради длинное и вычурное объясненіе всѣхъ рисунковъ ковра, и только по окончаніи чтенія новому каменщику позволили сѣсть. Великій мастеръ приступилъ къ чтенію устава. Уставъ былъ длиненъ и кончался слѣдующими словами:

„Въ нашихъ храмахъ мы не знаемъ другихъ степеней, кромѣ тѣхъ, которыя находятся между добродѣтелью и порокомъ. Берегись дѣлать какое-нибудь различіе, могущее нарушить равенство. Лети на помощь брату, кто бы онъ ни былъ; наставь заблуждающагося, подними упадающаго и не питай никогда злобы или вражды на брата. Будь ласковъ и привѣтливъ. Возбуждай во всѣхъ сердцахъ огнь добродѣтели. Дѣли счастіе съ ближнимъ твоимъ, и да не возмутитъ никогда зависть чистаго сего наслажденія. Прощай врагу тво-

ему, не мсти ему, развѣ дѣланіемъ ему добра. Исполнивъ такимъ образомъ высшій законъ, ты обрящешь слѣды древняго, утраченнаго тобой, величества".

Кончивъ, мастеръ привсталъ, обнялъ новаго брата-масона, поцѣловалъ его и, опять ударивъ молоткомъ, спросилъ:

— Братъ первый сторожъ, который часъ?

— Полночь.

— Разъ уже полночь, то объяви въ рядахъ своихъ, что я рѣшилъ закрыть тремя ударами эту прекрасную ложу учениковъ и открыть столовую ложу.

Троекратный стукъ мастера, повторенный стражами, возвѣстилъ, что засѣданіе закрыто. Всѣ пошли по коридору въ другую залу, гдѣ уже были накрыты столы. Это была длинная комната съ голыми стѣнами. Столы были поставлены въ видѣ подковы. Мастеръ каѳедры сѣлъ посерединѣ. Новый каменщикъ видѣлъ съ своего мѣста всѣхъ братьевъ. Онъ думалъ, что теперь уже кончатся всѣ обрядности, но ошибся. Какъ только всѣ заняли свои мѣста, мастеръ, обратившись къ стражамъ, торжественно объявилъ: „Столовая ложа ученика открыта", и ударилъ молоткомъ. Молчавшіе до сихъ поръ братья стали разговаривать. Кушанья разносили тоже братья, а не прислуга. Около тарелокъ стояли бутылки съ виномъ и круглые стаканы странной формы, съ какими-то символами и дномъ толщиною въ палецъ.

Послѣ третьяго блюда мастеръ, стукнувъ молоткомъ, сказалъ:

— Братья, зарядите ружья крѣпкимъ порохомъ!

Братья-прислужники наполнили стаканы бѣлымъ виномъ.

— Всѣ ли заряжены?—спросилъ мастеръ.

— Всѣ,—отвѣтилъ одинъ изъ стражей.

— Откроемъ огонь прежде всего за здоровье нашего всемилостивѣйшаго монарха. Правая рука къ ружью, ружье къ губамъ, пли!

Дальше слѣдовала команда:

— Ружье на лѣвую сторону груди, на правую, на середину груди, дважды сдѣлать треугольникъ!

Братья, разомъ выполняя эту команду, пили вино. Ставя стаканы, они одновременно громко стучали ими о столъ. Такимъ же образомъ выпили за здоровье великаго мастера, мастера каѳедры, членовъ ложи „Золотой Подсвѣчникъ“, за процвѣтаніе открывающейся ложи сестеръ-масонокъ. Затѣмъ мастеръ всталъ со слѣдующими словами:

— Этотъ послѣдній разъ выстрѣлимъ за здоровье всѣхъ масоновъ, отъ одного полюса до другого! Какъ символъ этой общей тайной лиги, образуйте цѣпь, соединивши звено со звеномъ.

Всѣ запѣли:

Единство есть краеугольный камень
И превосходный храмъ,
Гдѣ Безсмертный Строитель
Ждетъ вѣчной славы отъ насъ.
Здѣсь моральные каменщики,
Презрѣвъ предразсудки міра,
Ставятъ алтарь добродѣтели
И лишь въ добродѣтельномъ видятъ брата...

Всѣ встали и подали другъ другу руки, мастеръ—стражамъ, они — братьямъ-прислужникамъ, тѣ — прочимъ членамъ и притомъ такъ, что локоть правой руки каждаго изъ братьевъ касался лѣваго локтя сосѣда...

Столовая ложа закрылась... Братья-масоны стали по очереди расходиться... Мрачный красный домъ погрузился въ тишину...

* *
*

Среди сосѣдей о мрачномъ красномъ домѣ ходили самые фантастическіе слухи и разсказы. Болѣе любопытные пробовали узнать что-нибудь черезъ сгорбленнаго старичка-слугу, но онъ былъ глухъ. Оставалось самимъ догадываться. Такъ досужіе люди и дѣлали... Раскинувъ умомъ, они рѣшили, что пріѣзжаютъ въ домъ не иначе, какъ *фармазоны* (испорченное слово „франкъ-масоны“),—опасные люди!.. заговорщики... нарушители основъ! Услужливая фантазія, опираясь на слышанное здѣсь и тамъ про этихъ опасныхъ людей, создала вокругъ краснаго „фармазонскаго“ дома и его ночныхъ посѣтителей рядъ легендъ... То были двад-

цатые годы царствованія Александра I,—роковые, печальные годы, годы разгула темныхъ силъ, когда на Руси „сырая, осенняя мгла надолго кругомъ залегла“; когда извѣты, доносы сыпались отовсюду; когда охранители всякаго рода били тревогу и во всякомъ шагѣ, сколько-нибудь не похожемъ на шагъ другихъ, видѣли подрываніе основъ; когда всюду шло разыскиваніе корней и нитей и уничтоженіе „крамолы“. Въ такіе дни красный домъ, съ его легендарнымъ настоящимъ и не менѣе легендарнымъ прошлымъ, не могъ не обратить на себя сугубое вниманіе. Однажды ночью на него сдѣлала набѣгъ полиція, перерыла все, увезла бумаги... Говорили потомъ, что бумаги вернули, что государь былъ недоволенъ полиціей, что будто бы даже сказалъ министру, завѣдывавшему полиціей, что имъ, масонамъ, эти бумаги нужнѣе, чѣмъ полиціи... Однако, въ 1822 г. красный домъ опечатали, и онъ угрюмо замолчалъ, чтобы уже никогда не возвращаться къ прежнему.

Это событіе въ таинственномъ домѣ очень взволновали улицу. Но такъ какъ послѣ ночного набѣга полиціи ночныя посѣщенія прекратились, то о домѣ стали понемногу забывать, тѣмъ болѣе, что пришли новыя событія и своею тревожностью и неожиданностью всколыхнули обывательское болото и покрыли старое съ его неразгаданной тайной. Потомъ, правда, это старое еще не разъ всплывало, но всякій разъ становилось все неуловимѣе, все загадочнѣе и неопредѣленнѣе. Слова „масонъ“, „фармазонъ“ не теряли способности пугать россійскаго обывателя, и долго въ сознаніи общества масонство жило облеченнымъ въ тайну, окруженнымъ преслѣдованіемъ, долго являлось чѣмъ-то неяснымъ, отрывочнымъ, неопредѣленнымъ. Общество невольно вспоминало о немъ, такъ какъ при присягѣ отъ каждаго требовалась торжественная клятва въ непринадлежности къ масонству. Разъ непринадлежность къ масонству вошла въ формулу присяги, значитъ въ масонствѣ и вправду было что-то преступное,—думало долго большинство русскаго общества. Ему не приходило въ голову, что масонство могло имѣть право на существованіе, потому что выражало извѣстную духовную потребность

общества, что оно было формой нашего общественнаго движенія, и что только обстоятельства времени и безсмысліе правительства сдѣлали изъ масоновъ напрасныя жертвы, а изъ масонства—страшный образъ заговорщическаго тайнаго общества.

„Для нашего времени,—говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ*),—масонство кажется обыкновенно чѣмъ-то далекимъ, чуждымъ, немножко страннымъ и смѣшнымъ... Намъ трудно представить себѣ, какую огромную роль сыграло оно въ исторіи нашего общественнаго развитія“...

Вотъ эту-то роль мы и хотѣли бы выяснить читателю. Но прежде чѣмъ объяснять, чѣмъ было масонство для русскаго общественнаго развитія, намъ необходимо познакомить читателя съ условіями времени, въ которыхъ пришлось жить и дѣйствовать русскимъ масонамъ; мы должны дать ему хотя бы бѣглый очеркъ жизни русскаго общества въ XVIII вѣкѣ, когда началось русское масонское движеніе.

Посмотримъ же, изъ кого состояло тогдашнее русское общество, чѣмъ жили тогдашніе русскіе люди и что составляло содержаніе тогдашней умственной жизни.

---

*) *Милюковъ.*

ГЛАВА II.

«Грубость чувствъ и мыслей тогда была общей».

„Я рискую прослыть за лгуна, — писалъ 25-го мая 1726 г. иностранецъ Лефортъ въ донесеніи своему правительству,—когда описываю образъ жизни русскаго двора. Кто могъ бы подумать, что дворъ этотъ проводитъ цѣлую ночь въ ужасномъ пьянствѣ и расходится, уже самое раннее, въ пять или семь часовъ утра. Болѣе о дѣлахъ не заботятся“...

„Дворъ—это настоящій Вавилонъ,—читаемъ мы въ письмахъ на родину другого иностранца, испанскаго дука-де-Лиріа:—вы не можете себѣ вообразить роскошь этого двора. Я былъ при многихъ дворахъ, но могу васъ увѣрить, что здѣшній дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ даже самые богатѣйшіе, потому что здѣсь все богаче, чѣмъ даже въ Парижѣ“... „Недовольныхъ здѣсь теперь, — читаемъ въ другомъ мѣстѣ, въ письмахъ того же иностранца,—безчисленное множество: всѣ жалуются, всѣ въ отчаяніи отъ худого управленія, потому что каждый воруетъ, сколько можетъ“...

Да не подумаетъ читатель, что такую картину рисуютъ одни иностранцы;—вовсе нѣтъ: тѣ же картины, тѣ же жалобы—и въ запискахъ, и въ воспоминаніяхъ русскихъ современниковъ, хотя бы, напримѣръ, въ извѣстной запискѣ знаменитаго князя Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“. Въ этой запискѣ

авторъ, исторіографъ и публицистъ, человѣкъ образованный, писавшій не для публики, а для себя, собралъ свои воспоминанія, наблюденія и размышленія о нравственной жизни высшаго русскаго общества XVIII вѣка и закончилъ нарисованную имъ мрачную картину словами: „плачевное состояніе, о коемъ только должно просить Бога, чтобы лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было". Та же мрачная картина и въ трудахъ и въ изслѣдованіяхъ позднѣйшихъ историковъ и бытописателей этой эпохи, писавшихъ свои изслѣдованія на основаніи документовъ и записокъ, сохранившихся отъ изображаемой эпохи. „Вино и званые обѣды,—пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ *),—заполняли пустую жизнь испорченнаго вѣка... Сластолюбіе разливалось повсюду, и волокитство было общимъ развлеченіемъ и цѣлью жизни. Молодой человѣкъ погрязалъ въ пустотѣ праздной и безцѣльной жизни. Онъ жилъ изо дня въ день и ничѣмъ, кромѣ чувственныхъ наслажденій, не увлекался. Хорошо поѣсть, разсѣять скуку шатаніемъ изъ дома въ домъ, поиграть въ карты, посплетничать—вотъ вся цѣль, которую суждено было ему преслѣдовать". „Для утоленія жажды чувственныхъ наслажденій, — говоритъ другой бытописатель этой эпохи **),—общество приносило въ жертву честь и совѣсть: казнокрадство, взяточничество и безумное угнетеніе народа служатъ обильнымъ источникомъ средствъ для разгульной жизни. Изъ этихъ источниковъ черпаютъ совершенно легкомысленно, не думая, что они могутъ изсякнуть". Даже любимый внукъ Екатерины II, потомъ ставшій ея вторымъ преемникомъ, смотритъ на придворное общество и на положеніе дѣлъ въ государствѣ не свѣтлѣе князя Щербатова: „Въ нашихъ дѣлахъ,—пишетъ онъ своему другу Кочубею за полгода до смерти Екатерины ***),—господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ

*) *Дубровинъ, Н. Ѳ.* „Пугачовъ и его сообщники".
**) *Незеленовъ, А.* „Николай Ивановичъ Новиковъ".
***) *Ключевскій, В.* „Императрица Екатерина II". (Р. М. 96 г. 11).

отовсюду... Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоящихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша".

При воровствѣ, взяткахъ, подкупахъ и милостяхъ, которыя расточались любимцамъ, пріобрѣтались, конечно, громадныя состоянія. Такъ, у Меньшикова, послѣ его паденія, было найдено до 3-хъ милліоновъ деньгами и драгоцѣнностями,—и это въ то время, когда весь государственный бюджетъ немногимъ превышалъ эту сумму. Примѣръ временщиковъ дѣйствовалъ заразительно и на всѣхъ остальныхъ чиновниковъ, ибо, какъ выразился графъ Воронцовъ, „не всякій имѣетъ въ себѣ столько твердости души, чтобы худымъ примѣрамъ не послѣдовать, особенно когда они многія пріятности въ жизни доставляютъ". Но „никогда чиновное самовластіе и злоупотребленія чиновнаго вельможества не доходили до такого размѣра, какъ въ блестящій екатерининскій вѣкъ. При Петрѣ былъ одинъ Меньшиковъ, не всегда строго разграничивавшій свой личный интересъ отъ интереса государственнаго, при Екатеринѣ же были десятки подобныхъ Меньшиковыхъ, бравшихъ изъ казны, сколько имъ нужно было,—точно это ихъ контора"*). Даже самые знаменитые и прославленные „орлы Екатерины" отличались полною распущенностью. Такъ, великолѣпный князь Тавриды (Потемкинъ) тратилъ милліоны и держалъ вокругъ себя цѣлый дворъ. Безцеремонность Потемкина была такъ велика, что изъ 18.000.000 рублей, данныхъ ему Екатериною на построеніе Херсона, онъ взялъ себѣ большую часть. Пенсія, назначенная Сагибъ Гирею за уступку Крыма, вся шла въ карманъ Потемкина.

Образованныхъ, въ европейскомъ смыслѣ слова, людей въ этомъ чиновномъ и высшемъ обществѣ было очень мало, въ особенности въ первую половину XVIII вѣка. Даже знающихъ хорошо русскую грамоту, и тѣхъ было

*) *Шемуновъ*. „Государственный классицизмъ". Соч., т. I.

немного. Грибовскій, бывшій статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II въ послѣдніе годы ея царствованія, говоритъ, что изъ всѣхъ современныхъ ему вельможъ только двое знали русское правописаніе: князь Потемкинъ и графъ Безбородко. Словомъ, хотя при дворѣ и въ высшихъ кругахъ меблировали квартиры, ѣли, пили, развлекались и вели себя на балахъ, какъ европейцы, но и дворъ, и высшая знать переняли, за рѣдкими исключеніями, только внѣшній блескъ европейскихъ дворовъ, внѣшній лоскъ манеръ и утонченное обращеніе, а внутренняго содержанія подъ этой блестящей оболочкой вовсе не было, и большинство на верхахъ русскаго общества коснѣло въ невѣжествѣ. Прежняя грубость царила рядомъ съ заимствованными поверхностными формами европейской свѣтскости. Меньше всего это общество могло похвалиться развитіемъ нравственной стороны личности, мягкостью и человѣчностью отношеній, пониманіемъ и признаніемъ правъ человѣческаго достоинства. Поэтому-то въ общественныхъ удовольствіяхъ оно искало прежде всего удовлетворенія грубымъ наклонностямъ; поэтому-то въ семейной жизни царили деспотизмъ и грубость, а въ обращеніи съ низшими—произволъ и полное неуваженіе человѣческаго достоинства и законности. Екатерина II должна была не разъ указами подтверждать своимъ придворнымъ, чтобы они лакеевъ по лицу не били при каждомъ сдѣланномъ тѣми промахѣ или ошибкѣ.

Впрочемъ, откуда было этому обществу набраться пониманія человѣческаго достоинства, откуда научиться человѣчности отношеній и уваженію къ закону? Вѣдь ближайшее прошедшее русской жизни было вовсе не таково, чтобы оно могло оказать благотворное вліяніе на нравы: дворцовые перевороты со смерти Петра I до вступленія на престолъ Екатерины II ужъ, во всякомъ случаѣ, не могли воспитать въ обществѣ чувства законности. Эти перевороты открывали, наоборотъ, широкій просторъ случайности и произволу, да еще, пожалуй, будили презрѣніе къ опасности и жажду грубыхъ матеріальныхъ наслажденій. Даже „лучшіе люди первой половины XVIII

вѣка были поэтому развиты преимущественно умомъ и притомъ его практическою стороною. Въ своей тревожной жизни они закалили въ себѣ волю, изострили ловкую изворотливость, но едва ли успѣли выработать нравственныя убѣжденія" *). Въ самомъ дѣлѣ, „со смертью Петра верхи русскаго общества,—по свидѣтельству историка **),—сейчасъ же раздѣлились на два враждебныхъ лагеря: съ одной стороны стояли люди случая, „птенцы Петровы", вызванные царемъ изъ мрака и неизвѣстности на поверхность государственной жизни, съ другой — обломки родовитой знати, всѣ завѣты которой были опрокинуты тѣмъ же Петромъ. Первые хотѣли сберечь занятую при Преобразователѣ позицію, хотѣли сохранить близость къ трону; вторые спѣшили возстановить свой упавшій престижъ. Передъ тѣми и другими стояла сложная ожесточенная борьба за политическое первенство. И первая половина XVIII вѣка вся полна тревожными событіями, полна шумомъ этой партійной борьбы. Трудно сказать, „кто въ этой борьбѣ наступаетъ, кто обороняется". Въ выборѣ средствъ для борьбы не стѣсняются—лишь бы побѣдить. Обѣ партіи имѣютъ союзниковъ: птенцы Петровы опираются на государственныя учрежденія и на гвардію, которую стараются всѣми силами прикармливать; старо-боярская партія находитъ опору въ средѣ недовольнаго петровскими порядками дворянства, стремящагося превратиться изъ „людей служилыхъ", людей, закрѣпощенныхъ государствомъ, въ привилегированный общественный классъ; вѣдь Петръ призвалъ въ той или иной формѣ всѣ силы русскаго общества къ обязательному и пожизненному отправленію различныхъ государственныхъ повинностей; вѣдь онъ довелъ старый до-петровскій принципъ закрѣпощенія всѣхъ общественныхъ классовъ государственному тяглу до наивысшаго напряженія. То была крайне изнурительная для общества система, хотя она и покоилась на

*) *Ешевскій.* Сочиненія.

**) *Кизеветтеръ.* „Реформа Петра Великаго въ сознаніи русскаго общества". (Р. Б. 96 г. 10).

принципѣ общественной справедливости, такъ какъ ея тяжесть была разложена на все общество сверху донизу, безъ всякихъ ограниченій и изъятій. Со смертью Петра изъ всѣхъ общественныхъ классовъ дворянство первое дѣлаетъ попытку сбросить съ себя путы этого закрѣпощеннаго состоянія. Во главѣ этого дворянскаго движенія и становится старо-боярская партія, овладѣваетъ имъ и старается воспользоваться для своихъ цѣлей, но слишкомъ неумѣло. Попытка государственной реформы въ смыслѣ ограниченія верховной власти въ пользу аристократическихъ верховъ, сдѣланная ею при воцареніи Анны, оканчивается полнымъ пораженіемъ. Масса дворянъ отшатывается тогда отъ своихъ вождей, и дворянское движеніе идетъ вразбродъ; однако, совсѣмъ оно не глохнетъ и даже скоро снова пробивается наружу, но уже подъ инымъ флагомъ и внѣ всякой связи съ олигархическими притязаніями старо-боярской партіи. Зато старая партійная борьба съ воцареніемъ Анны глохнетъ. Правящія сферы прилагаютъ всѣ усилія, чтобы пресѣчь всякую возможность возобновленія только что улегшихся волненій. Съ этою цѣлью создается диктатура *нѣмца* Бирона съ его системой террора. „Бироновщина" была вдвойнѣ горька русскому обществу: къ жуткому сознанію необезпеченности и беззащитности положенія присоединилось, какъ это ни странно, оскорбленное національное чувство. Русское общество не могло простить, что терроръ былъ созданъ и поддерживался *иностранцами.* Это чувство заставило даже недавнихъ враговъ—старыхъ бояръ и новую петровскую аристократію—соединиться и создать общую *національную* партію, поставившую своей ближайшей задачей сверженіе иностраннаго ига. Торжествомъ этой *національной* политики было воцареніе Елизаветы. Въ оффиціальномъ перечисленіи преступленій осужденнаго Остермана было прямо сказано, что онъ „къ важнымъ дѣламъ, которыя до цѣлости всего государства касались, *въ предосужденіе всего россійскаго народа* употреблялъ чужихъ націй людей, а не россійскихъ природныхъ, и, будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все го-

сударственное правленіе въ своихъ рукахъ, многія славныя и древнія россійскія фамиліи опровергать и искоренять... и жестокія и неслыханныя мученія и экзекуціи какъ надъ знатными, такъ и надъ незнатными... въ дѣйство производить старался"...

До какой приниженности дошли верхи русскаго общества въ эпоху „бироновщины", черезъ какую тягостную школу подобострастія пришлось имъ пройти, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. При Аннѣ нѣкоторые изъ числа самыхъ даровитыхъ русскихъ людей—такіе, какъ князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій, какъ графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ и князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, внукъ знаменитаго Василья Васильевича, сподвижника царевны Софіи—были сдѣланы ни болѣе, ни менѣе какъ придворными шутами, носили шутовской нарядъ и колпакъ съ погремушками и... не къ чести ихъ будь сказано, безропотно покорились своей участи. Какое странное понятіе о собственномъ достоинствѣ царило въ умахъ тогдашнихъ русскихъ людей, можно судить и по слѣдующему случаю: въ одномъ изъ своихъ писемъ придворный поэтъ Тредьяковскій сообщаетъ: „Имѣлъ счастіе читать государынѣ императрицѣ свое стихотвореніе, стоя у камина на колѣняхъ предъ ея величествомъ, и по окончаніи онаго чтенія *удостоился* получить изъ собственныхъ ея императорскаго величества рукъ *всемилостивѣйшую оплеушину*". Не безъ основанія, слѣдовательно, иностранецъ Лефортъ въ своемъ донесеніи отъ 26-го февраля 1732 г. писалъ, что „русскіе принижены до послѣдней степени: они готовы исполнять любое требованіе правительства, которое находится въ рукахъ иностранцевъ".

Въ оцѣнкѣ того вліянія, какое оказывалъ на русское общество водворившійся при всесильномъ Биронѣ порядокъ, сходятся всѣ наиболѣе безпристрастные и наблюдательные изъ современниковъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, Зумъ, пишетъ: „Въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ общества и не столько по недостатку людей, сколько по недостатку общительности. Не легко опредѣлить, нужно ли искать причину отсутствія этой общительности единственно только въ характерѣ и нравахъ націи,

еще жесткихъ и грубыхъ, или этому содѣйствуетъ до нѣкоторой степени и характеръ правительства? Я склоняюсь къ убѣжденію, что наиболѣе дѣйствуетъ вторая причина".

„Даже издали, на разстояніи почти полутора вѣка,— пишетъ позднѣйшій историкъ этой эпохи *),—страшно представить это ужасное, мрачное и тяжелое время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками! Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія,— вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ Москву, въ Петербургъ, неизвѣстно куда! За что? Когда-то, годъ-два назадъ, онъ разговаривалъ съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ! *О чемъ* разговаривали—вотъ изъ-за чего всѣ тревоги, страхи и пытки! Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечеромъ, нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собою никакой вины".

И съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны въ жизни верховъ русскаго общества не произошло замѣтныхъ измѣненій. „За внѣшнимъ блескомъ, за румянами, фижмами и бриллiантами попрежнему крылись вполнѣ азіатскія неопрятность и неряшество"**). Само правительство было тоже не на высотѣ положенія. Оно какъ будто бы боролось съ жестокостью и грубостью нравовъ, для чего отмѣняло смертную казнь, но въ то же время само прибѣгало къ жестокимъ пыткамъ и вело такія дѣла, какъ знаменитое лопухинское, подвергая женщинъ (Наталью Ѳедоровну Лопухину и Анну Гавриловну Бестужеву) унизительнымъ и публичнымъ наказаніямъ изъ-за рѣзкихъ отзывовъ о домашней жизни императрицы. Оно предписаніями поощряло бережливость и ставило преграды расточительности и разврату, и въ то же время при дворѣ, у всѣхъ на виду, царили безумная роскошь и самое беззастѣнчивое, чтобы не сказать больше, веселье.

---

*) *Чистовичъ.* „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время".
**) *Васильчиковъ.* „Семейство Разумовскихъ".

Если таковы были верхи русскаго общества и русскихъ командующихъ классовъ, то что же представляли изъ себя средніе и низшіе слои населенія? Но прежде чѣмъ рисовать физіономію этихъ слоевъ, скажемъ, какова была вообще соціальная физіономія тогдашней Россіи. Къ серединѣ XVIII вѣка она уже не походила на соціальную физіономію Россіи до-петровской. Создавались новыя условія для развитія народнаго труда—нарождалась промышленность, раньше не существовавшая: „русскій пейзажъ все чаще сталъ осложняться любопытною подробностью—высокими трубами фабрики" *). Правда, промышленность еще только нарождалась, крупныхъ фабрикъ было еще очень немного, но и при самомъ нарожденіи ей уже пришлось столкнуться съ господствовавшимъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ крѣпостнымъ строемъ. Попытки организовать и промышленныя предпріятія на принудительномъ крѣпостномъ трудѣ, какъ было организовано помѣщичье хозяйство, давали плохіе результаты: помѣщикъ-вотчинникъ со своимъ натуральнымъ хозяйствомъ, удовлетворявшимъ всѣ его нужды, мѣшалъ купцу-предпринимателю, стремящемуся развить мѣновыя отношенія. Деревня начинала мѣшать городу. Наряду съ этимъ, по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства, становились все болѣе и болѣе необходимыми свобода личности и уничтоженіе излишнихъ стѣсненій и обязанностей: сословія, до сихъ поръ *обязанныя* службою государству, стремятся раскрѣпоститься и пріобрѣсти свои особыя права, несвойственныя другимъ сословіямъ. Это стремленіе заставляетъ ихъ отгораживаться отъ другихъ сословій, замыкаться въ своемъ кругу, образовывать какъ бы особую касту. Дворянство, напримѣръ, владѣющее землей, крѣпостными крестьянами и, вслѣдствіе преобладанія въ Россіи земледѣльческаго хозяйства, являющееся господствующимъ сословіемъ, отгораживается отъ купечества и крестьянства цѣлымъ рядомъ условностей и стремится только за собой сохранить право владѣнія крѣпостными; въ свою очередь ку-

*) *Кизеветтеръ*. „Изъ исторіи законодательства въ Россіи".

печество и вообще городское сословіе стараются только за собой закрѣпить все торговое и промышленное движеніе, устранивъ отъ него, путемъ принудительныхъ предписаній и карательныхъ мѣръ, дворянство и крестьянство, и въ то же время хотятъ и для себя получить право владѣть крѣпостными. Раскрѣпощеніе идетъ медленно и начинается съ верховъ общества, съ дворянства, такъ какъ дворяне, заинтересованные въ личномъ веденіи земледѣльческаго хозяйства, не могутъ уже нести постоянныхъ служебныхъ обязанностей. Одновременно, вслѣдствіе роста торговли и промышленности, раскрѣпощается понемногу и сословіе городское. Что же касается крестьянства, то въ XVIII вѣкѣ, хотя и поднимается вопросъ объ его раскрѣпощеніи, но на дѣлѣ оно закрѣпощается еще сильнѣе. Пропасть, и раньше существовавшая между помѣщикомъ и крестьяниномъ, еще расширяется. Деревня интересуетъ и государство, и помѣщиковъ постольку, поскольку она исправно платитъ подати, отбываетъ барщину, повинности и рекрутчину. Закрѣпощеніе массъ растетъ, по мѣрѣ того, какъ освобождается дворянство. Екатерининская жалованная грамота дворянству 1785 г., предоставившая дворянамъ между прочимъ свободу отъ податей и рекрутской повинности, свободу распоряженія всѣмъ имуществомъ, право не только владѣть крѣпостными крестьянами, но и ссылать ихъ въ Сибирь, раскрѣпощаетъ верхній общественный слой и даетъ толчокъ къ еще большему закрѣпощенію низовъ. XVIII вѣкъ можетъ быть названъ эпохой наибольшаго развитія крѣпостного права. Новыя и новыя жертвы захватываютъ крѣпостныя цѣпи, не имѣетъ предѣла помѣщичій произволъ и единственной защитой отъ него становится кровавое отмщеніе, и не въ-одиночку, а „міромъ“. „Если не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго наказанія, то и противъ воли сами оную (свободу) возьмутъ рано или поздно“. Такъ писала Екатерина II въ 1767 г. Начавшееся вскорѣ возстаніе Пугачова, во время котораго погибло болѣе 1.500 дворянъ, подтвердило слова Екатерины. Но и это не умѣрило жесто-

кости. Такія событія, какъ пугачовщина, были не часты. Послѣ грозной вспышки деревня надолго опять умолкала и не подавала голоса до тѣхъ поръ, пока ея не доводили „до крайней степени страданія".

Крѣпостническія отношенія наложили свою печать и на помѣщика, и на крестьянина, развративъ того и другого. Да и могло ли быть иначе тамъ, гдѣ ни человѣческое достоинство, ни женская честь, ни трудовая собственность, ни самая жизнь крестьянина не были ограждены отъ произвола помѣщика. Такова ужъ была сила безконтрольной власти, что даже наиболѣе образованные (по-тогдашнему) и добрые помѣщики злоупотребляли этою властью. Такъ, Болотовъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ помѣщиковъ прошлаго столѣтія, не затруднялся порою жестоко обращаться съ крестьянами. Въ оставленныхъ имъ запискахъ встрѣчаются извѣстія о тѣлесныхъ наказаніяхъ, которымъ онъ подвергалъ своихъ крестьянъ. Болѣе того: этотъ долго жившій за-границею образованный и мягкій помѣщикъ велѣлъ насильно кормить вора, не хотѣвшаго назвать соучастника, самою соленою селедкою и запереть въ теплую баню. Воръ, мучимый жаждою, не вытерпѣлъ пытки и указалъ на сообщника. Тогда, по приказанію Болотова, обоихъ воровъ раздѣли догола, намазали дегтемъ и въ такомъ видѣ повели по деревенской улицѣ; крестьянъ выгоняли за ворота смотрѣть, а мальчишкамъ велѣно было кричать „воры!" и бросать въ нихъ грязью. И Болотовъ въ такомъ поступкѣ своемъ не видѣлъ ничего дурного: его поведеніе было повтореніемъ того, что дѣлало значительное большинство и въ гораздо худшей формѣ; безсознательно онъ дѣлалъ то, что не менѣе безсознательно жило въ его современникахъ. Грубость чувствъ и мыслей была тогда общей.

Да и могло ли быть иначе тамъ, гдѣ само правительство поддерживало и развивало въ обществѣ грубые, безчеловѣчные инстинкты? Потому что чему другому, кромѣ холодной жестокости, могла научить жестокость правительственныхъ мѣръ и казней, розыски съ пристрастіемъ и тайныя канцеляріи? Какія нравственныя понятія могло правительство привить народу

доносами, возведенными въ систему ради укрѣпленія понятія законности въ народѣ? Сложилась даже народная поговорка: „Богъ любитъ праведника, а царь—ябедника“. Доносы сыпались со всѣхъ сторонъ. И даже ужасающія подробности тогдашняго допроса съ пристрастіемъ не останавливали доносчиковъ. Въ 1723 г., напримѣръ, де-Геннингъ писалъ извѣстному Ромадановскому, начальнику страшнаго Преображенскаго приказа: „Нынѣ шутя употребляютъ бездѣльники „слово и дѣло государево“ въ кабакахъ и на улицахъ, грозя добрымъ людямъ: ежели не дашь гривну на вино, то ты хочешь ли со мной ѣхать въ Преображенское? И уже добрые люди опасаются въ городъ ѣздить отъ такихъ клеветниковъ“ *). „Желая сдѣлать и духовенство органомъ реформы,—говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ церкви **),—правительство втянуло и его въ свою систему доносовъ, такъ какъ считало эту систему лучшей поддержкой указовъ государственной власти. И зло достигло такого развитія, что синоду пришлось заботиться о томъ, чтобы воздерживать духовенство отъ злоупотребленія „словомъ и дѣломъ“.

Пойдя въ услуженіе политикѣ, содѣйствуя угнетенію общества и личности, рядовые служители церкви выродились въ орудіе насилія и стали внушать однимъ страхъ, другимъ презрѣніе. Служа угнетенію, они и сами подвергались тому же. Помѣщики били своихъ деревенскихъ поповъ по щекамъ и сѣкли ихъ на конюшнѣ вмѣстѣ съ дворовыми. И по законамъ русскимъ вплоть до 1802 г. бѣлое духовенство не было избавлено отъ тѣлеснаго наказанія: поповъ и дьяконовъ сѣкли кнутомъ на площади и не только за уголовныя преступленія, но и съ цѣлью исправительной. Грубое, невѣжественное и малограмотное, рядовое низшее духовенство влачило жалкое существованіе, не имѣя никакого значенія въ народѣ и не будучи принимаемо ни въ какомъ обществѣ.

Жестокость правительственныхъ мѣръ и казней не

---

*) *Гольцевъ*. „Законодательство и нравы“.
**) *Знаменскій* (см. *Гольцевъ*—„Законодательство и нравы“).

огла ни воспитать чувства законности въ народѣ, ни
безпечить этому народу безопасности въ государствѣ.
азбойники хозяйничали не только на большихъ доро-
ахъ, но даже и въ столицахъ, грабили и убивали на
лицахъ и въ домахъ. Чего, впрочемъ, можно было
ребовать отъ массъ, когда сами блюстители закона и
орядка, и высшіе и низшіе, являлись первыми нару-
ителями этого закона и порядка, широко практикуя
якій произволъ и насиліе, грабя казенное и обыва-
ельское добро, не останавливаясь ни передъ самымъ
езастѣнчивымъ вымогательствомъ, ни передъ возму-
ительнѣйшими преступленіями и безобразнѣйшими по-
упками. Разумѣется, самая возможность существова-
я такихъ властей обусловливалась низкимъ уровнемъ
ственнаго и нравственнаго развитія народа. Однако,
ричину злоупотребленій администраціи надо искать
кже и въ самой постановкѣ вопроса о власти. Эта
ласть руководилась не столько закономъ, сколько
смотрѣніемъ. „Между закономъ и распоряженіемъ,
ежду юстиціей и полиціей, между правомъ и произ-
оломъ у насъ не было въ XVIII вѣкѣ сколько-нибудь
предѣленныхъ границъ" *). Не только деревня, вся
оссія страдала правовымъ голодомъ, отсутствіемъ
вства законности. „Если я уважаю законъ, то и за-
онъ долженъ оказать мнѣ уваженіе" **). Такого ува-
енія русскому человѣку законъ въ прошломъ вѣкѣ
е оказывалъ. У насъ не было прочнаго правового по-
ядка, того порядка, который, по прекрасному выраже-
ю К. Д. Кавелина, „работаетъ въ руку нравствен-
ому развитію" ***).

---

*) *Гольцевъ*. „Законодательство и нравы".
**) Слова *Чичерина*. (Тамъ же).
***) *Гольцевъ*. „Законодательство и нравы".

ГЛАВА III.

Первые проблески иныхъ чувствъ и иныхъ мыслей.

Но какъ ни темна и жестока, какъ ни безправна и развращенна была русская жизнь—все же и въ ней нѣтъ-нѣтъ да и появлялись свѣтлыя искры, все же и въ русскомъ обществѣ нѣтъ-нѣтъ да и сказывались сначала неясныя, а потомъ все болѣе опредѣленныя стремленія исправить жизнь, сдѣлать ее сознательнѣй, смягчить грубые нравы, внести свѣтъ въ умы. И чѣмъ чаще становились наши сношенія съ Западомъ, чѣмъ ближе дѣлалось наше духовное общеніе съ нимъ, тѣмъ рѣзче выступали эти стремленія. Западъ, его жизнь и его идеи зарождали въ умахъ русскаго общества вопросы, отвѣты на которые русскій человѣкъ искалъ все на томъ же Западѣ. Западъ давалъ толчки спящей русской мысли, и, подъ вліяніемъ этихъ толчковъ, русское общество стало понемногу,—правда, очень тихо и едва замѣтно,--но всетаки пробуждаться.

Замѣтнѣе это пробужденіе дѣлается въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Тогда былъ открытъ въ Москвѣ первый русскій университетъ съ гимназіей; другая гимназія была основана въ Казани, а въ обѣихъ столицахъ и во многихъ провинціальныхъ городахъ открылись частные пансіоны, правда, только для дѣтей дворянъ. Что касается университета, то, по настоянію Ломоносова, онъ былъ открытъ для всѣхъ сословій: путь къ просвѣщенію былъ открытъ каждому, „лишь бы желающій былъ человѣкъ, имѣющій непо-

врежденный умъ". Словомъ, общество стало проявлять нѣкоторую потребность въ знаніяхъ.

Въ 1757 г., въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, русское правительство было вовлечено въ тяжелую семилѣтнюю войну съ Пруссіей. „Эта тяжелая война,—говоритъ Чечулинъ,—кончилась безъ видимыхъ выгодъ для Россіи, но безплодной для насъ она все-таки не осталась: эта война много содѣйствовала распространенію просвѣщенія среди нашего дворянства. Впервые русскіе люди вели войну съ европейскимъ цивилизованнымъ государствомъ не у себя въ землѣ и не на крайнемъ сѣверѣ, а, можно сказать, въ самомъ центрѣ Европы. Значительная часть нашей арміи оставалась почти пять лѣтъ въ государствѣ цивилизованномъ и благоустроенномъ. За это время чуть не всѣ молодые русскіе дворяне, которыми была тогда наполнена армія во всѣхъ чинахъ, побывали за-границей, увидали тамъ совершенно иную жизнь, болѣе развитое общество; имѣли подъ руками обширную литературу и пользовались ею; узнали, наконецъ, новые, лучшіе способы хозяйства. Они писали въ Россію о томъ, что видѣли тутъ новаго. Съ нѣкоторыми офицерами жили въ тогдашней столицѣ Пруссіи, Кёнигсбергѣ *), и ихъ семейства. Сюда же пріѣзжало по разнымъ дѣламъ изъ Россіи много народу—дворянъ, купцовъ. Наконецъ, сначала изъ Московскаго университета, а потомъ и такъ изъ богатыхъ домовъ присылали молодыхъ людей учиться въ Кёнигсбергскій университетъ. Кромѣ того, во время войны усилились вообще наши сношенія съ Вѣной, съ Парижемъ. Въ свитѣ пословъ, гонцами немало тамъ побывало нашихъ дворянъ, которые безъ этого случая никогда туда не попали бы".

Возвращаясь домой, они привозили съ собой вкусъ къ иной жизни и иныя идеи, невѣдомыя на родинѣ. Новыя идеи, очень часто вкривь и вкось понятыя, тѣмъ

*) Съ 1758 г. русскія войска укрѣпились въ Пруссіи, и восточная Пруссія съ Кёнигсбергомъ управлялась русскимъ губернаторомъ.

доносами, возведенными въ систему ради укрѣпленія понятія законности въ народѣ? Сложилась даже народная поговорка: „Богъ любитъ праведника, а царь—ябедника“. Доносы сыпались со всѣхъ сторонъ. И даже ужасающія подробности тогдашняго допроса съ пристрастіемъ не останавливали доносчиковъ. Въ 1723 г., напримѣръ, де-Геннингъ писалъ извѣстному Ромадановскому, начальнику страшнаго Преображенскаго приказа: „Нынѣ шутя употребляютъ бездѣльники „слово и дѣло государево“ въ кабакахъ и на улицахъ, грозя добрымъ людямъ: ежели не дашь гривну на вино, то ты хочешь ли со мной ѣхать въ Преображенское? И уже добрые люди опасаются въ городъ ѣздить отъ такихъ клеветниковъ“ *). „Желая сдѣлать и духовенство органомъ реформы,—говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ церкви **),—правительство втянуло и его въ свою систему доносовъ, такъ какъ считало эту систему лучшей поддержкой указовъ государственной власти. И зло достигло такого развитія, что синоду пришлось заботиться о томъ, чтобы воздерживать духовенство отъ злоупотребленія „словомъ и дѣломъ“.

Пойдя въ услуженіе политикѣ, содѣйствуя угнетенію общества и личности, рядовые служители церкви выродились въ орудіе насилія и стали внушать однимъ страхъ, другимъ презрѣніе. Служа угнетенію, они и сами подвергались тому же. Помѣщики били своихъ деревенскихъ поповъ по щекамъ и сѣкли ихъ на конюшнѣ вмѣстѣ съ дворовыми. И по законамъ русскимъ вплоть до 1802 г. бѣлое духовенство не было избавлено отъ тѣлеснаго наказанія: поповъ и дьяконовъ сѣкли кнутомъ на площади и не только за уголовныя преступленія, но и съ цѣлью исправительной. Грубое, невѣжественное и малограмотное, рядовое низшее духовенство влачило жалкое существованіе, не имѣя никакого значенія въ народѣ и не будучи принимаемо ни въ какомъ обществѣ.

Жестокость правительственныхъ мѣръ и казней не

*) *Гольцевъ*. „Законодательство и нравы“.

**) *Знаменскій* (см. *Гольцевъ*—„Законодательство и нравы“).

скія различнаго содержанія, „въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ всякому житію нравоученіемъ". На публикацію откликнулась тогдашняя интеллигентная молодежь—ученики академической гимназіи и университета и кадеты перваго корпуса. Молодежь принялась искать свѣжаго матеріала для переводовъ въ популярныхъ произведеніяхъ заграничной литературы. Переводились книги не только по заказу и для денегъ, но и просто изъ интереса къ литературной работѣ. Больше всего, конечно, переводилось романовъ, но переводились и книги иного, болѣе серьезнаго содержанія. „Разъ пробужденная любознательность,—говоритъ по этому поводу нашъ историкъ Ешевскій *),—требовала себѣ удовлетворенія, быть можетъ, даже съ большею настойчивостью, чѣмъ въ наше время, и жадно бросалась на всякую умственную пищу. Безчисленное множество иностранныхъ сочиненій всякаго рода переводилось, печаталось и переписывалось людьми всякаго званія. Все, что было тогда сколько-нибудь замѣчательнаго въ числѣ произведеній современной французской или нѣмецкой литературы, можно смѣло искать въ русскомъ переводѣ. Болотовъ **), переводящій какое-то нѣмецкое сочиненіе въ лагерѣ, наканунѣ битвы, и притомъ безъ всякой мысли объ изданіи, можетъ служить лучшимъ образчикомъ этихъ любознательныхъ людей прошлаго (XVIII) столѣтія".

Кадеты-переводчики, разъѣзжаясь потомъ по полкамъ, развозили во всѣ углы Россіи книжки, рукописныя тетрадки стиховъ и возбуждали и тамъ, въ этихъ уголкахъ, интересъ къ чтенію, къ новымъ мыслямъ и идеямъ, принесеннымъ съ Запада.

Словомъ, западная наука опять, какъ при Петрѣ, призывалась въ Россію, но на этотъ разъ къ ней обращались не ради удовлетворенія нуждъ государства, а ради удовлетворенія потребности общества, которое

---

*) Ешевскій. Сочиненія Т. [illegible], стр. [illegible]

**) Болотовъ, помѣщикъ и авторъ [illegible] „Жизнь и приключенія Андрея Болотова, [illegible] для своихъ потомковъ" 1738—1793.

искало, чѣмъ бы ему освѣтить свою темную жизнь, которое начинало страдать отъ культурнаго голода.

Смерть Елизаветы Петровны и восшествіе на престолъ Петра III не остановили потока идей, шедшаго съ Запада. Наоборотъ, одно обстоятельство даже нѣсколько расчистило путь для перенесенія западныхъ идей въ болѣе широкіе круги.

18-го февраля 1762 г. Петръ III издалъ манифестъ о вольности дворянства. Это было то, чего такъ добивалось дворянство со смерти Петра I: дворянинъ перестал быть служилымъ человѣкомъ. Манифестомъ разрѣшалось дворянамъ служить и выходить въ отставку по собственному желанію, жить, гдѣ угодно, въ Россіи и за-границей, и учить дѣтей, чему и какъ кто хочетъ. Словомъ, дворянство изъ сословія служилаго, закрѣпощеннаго государству, становилось сословіемъ привилегированнымъ, надѣленнымъ особыми правами. Въ обыкновенное, мирное время на дворянъ не возлагалось теперь никакихъ обязанностей. Давно тяготились службой дворяне, давно желали освободиться отъ нея— и потому не замедлили воспользоваться предоставленной имъ теперь свободой. Тотчасъ всѣ дороги изъ Петербурга и Москвы покрылись дворянами, оставившими службу: дворяне спѣшили по домамъ. Въ провинціи, по усадьбамъ, появились люди еще не старые,—какими, бывало, пріѣзжали дворяне въ деревню прежде,—люди еще живые, насмотрѣвшіеся петербургской, а то и заграничной жизни, привыкшіе къ ней; были между ними и такіе, которыхъ, по своему времени, можно было назвать людьми образованными; были большіе любители книгъ, собиравшіе библіотеки и, такъ какъ книги тогда доставать было вовсе не легко, то даже переписывавшіе ихъ собственноручно. „Если и прежде, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, говоритъ Чечулинъ,—пріѣхавшему изъ Петербурга деревенскіе дворяне казались „сущими шутами и простаками", то теперь тѣмъ болѣе. Въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія по усадьбамъ немало еще встрѣчалось такихъ прежнихъ людей, „старичковъ простенькихъ, ничего почти не значащихъ", съ которыми „нельзя было молвить разумнаго словца и побесѣдовать

врежденный умъ“. Словомъ, общество стало проявлять нѣкоторую потребность въ знаніяхъ.

Въ 1757 г., въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, русское правительство было вовлечено въ тяжелую семилѣтнюю войну съ Пруссіей. „Эта тяжелая война,—говоритъ Чечулинъ,—кончилась безъ видимыхъ выгодъ для Россіи, но безплодной для насъ она все-таки не осталась: эта война много содѣйствовала распространенію просвѣщенія среди нашего дворянства. Впервые русскіе люди вели войну съ европейскимъ цивилизованнымъ государствомъ не у себя въ землѣ и не на крайнемъ сѣверѣ, а, можно сказать, въ самомъ центрѣ Европы. Значительная часть нашей арміи оставалась почти пять лѣтъ въ государствѣ цивилизованномъ и благоустроенномъ. За это время чуть не всѣ молодые русскіе дворяне, которыми была тогда наполнена армія во всѣхъ чинахъ, побывали за-границей, увидали тамъ совершенно иную жизнь, болѣе развитое общество; имѣли подъ руками обширную литературу и пользовались ею; узнали, наконецъ, новые, лучшіе способы хозяйства. Они писали въ Россію о томъ, что видѣли тутъ новаго. Съ нѣкоторыми офицерами жили въ тогдашней столицѣ Пруссіи, Кёнигсбергѣ *), и ихъ семейства. Сюда же пріѣзжало по разнымъ дѣламъ изъ Россіи много народу—дворянъ, купцовъ. Наконецъ, сначала изъ Московскаго университета, а потомъ и такъ изъ богатыхъ домовъ присылали молодыхъ людей учиться въ Кёнигсбергскій университетъ. Кромѣ того, во время войны усилились вообще наши сношенія съ Вѣной, съ Парижемъ. Въ свитѣ пословъ, гонцами немало тамъ побывало нашихъ дворянъ, которые безъ этого случая никогда туда не попали бы“.

Возвращаясь домой, они привозили съ собой вкусъ къ иной жизни и иныя идеи, невѣдомыя на родинѣ. Новыя идеи, очень часто вкривь и вкось понятыя, тѣмъ

*) Съ 1758 г. русскія войска укрѣпились въ Пруссіи, и восточная Пруссія съ Кёнигсбергомъ управлялась русскимъ губернаторомъ.

не менѣе заинтересовывали еще кое-кого въ родныхъ мѣстахъ, передавались, шли дальше. Кромѣ того, за время пребыванія на чужбинѣ, въ чужихъ городахъ и чужомъ обществѣ, у нихъ успѣлъ создаться навыкъ къ книгѣ и къ обмѣну мыслей; имъ не хотѣлось уже и дома отказываться отъ этого навыка; въ то же время и заинтересованные ими на родинѣ тоже жадно потянулись за книгой. Но книгъ почти не было.

Правда, русскій читатель еще при Петрѣ Великомъ получилъ свѣтскую книгу, напечатанную гражданскимъ шрифтомъ. Но ни содержаніе, ни языкъ этой книги не могли привлечь къ ней симпатій читателя. Петръ Великій, перестраивая Россію, потребовалъ отъ высшихъ служащихъ классовъ новыхъ знаній, выходившихъ далеко за предѣлы древне-русскаго книжнаго кругозора и заставилъ читать новыя книги преимущественно учебнаго характера. Такимъ образомъ „при Петрѣ читали для ученья, а учились по долгу службы". Книги печатались и переводились по личному выбору Петра. Этотъ выборъ соотвѣтствовалъ его цѣлямъ, но нисколько не соотвѣтствовалъ вкусамъ тогдашняго читателя. У кого былъ вкусъ къ чтенію, тотъ стремился удовлетворить его старыми духовно-нравственными произведеніями конца XVII вѣка, повѣстями „умильными", „потѣшными" или „чудными". Ихъ перепечатывали; они распространялись въ рукописныхъ спискахъ. А любознательность къ учебникамъ поддерживалась только экзаменною провѣркою и служебною отвѣтственностью. „Со смертью Петра всѣ эти повелительно втиснутыя царемъ-преобразователемъ въ руки временно-обязанныхъ читателей руководства исторіи, политики, артиллеріи, фортификаціи, съ книгами мірозрѣнія (космографіи), марсовыми, архитектурными и слюзными, попали сейчасъ же на полки и покрылись толстымъ слоемъ пыли *). При Елизаветѣ Петровнѣ, для удовлетворенія спроса на книгу, Академія пригласила черезъ „С.-Петербургскія Вѣдомости" желающихъ переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги граждан-

*) *Ключевскій.* „Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ". (Р. М.).

скія различнаго содержанія, „въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ свѣтскому житію нравоученіемъ“. На публикацію откликнулась тогдашняя интеллигентная молодежь—ученики академической гимназіи и университета и кадеты перваго корпуса. Молодежь принялась искать свѣжаго матеріала для переводовъ въ популярныхъ произведеніяхъ заграничной литературы. Переводились книги не только по заказу и для денегъ, но и просто изъ интереса къ литературной работѣ. Больше всего, конечно, переводилось романовъ, но переводились и книги иного, болѣе серьезнаго содержанія. „Разъ пробужденная любознательность,—говоритъ по этому поводу нашъ историкъ Ешевскій *),—требовала себѣ удовлетворенія, быть можетъ, даже съ большею настойчивостью, чѣмъ въ наше время, и жадно бросалась на всякую умственную пищу. Безчисленное множество иностранныхъ сочиненій всякаго рода переводилось, печаталось и переписывалось людьми всякаго званія. Все, что было тогда сколько-нибудь замѣчательнаго въ числѣ произведеній современной французской или нѣмецкой литературы, можно смѣло искать въ русскомъ переводѣ. Болотовъ **), переводящій какое-то нѣмецкое сочиненіе въ лагерѣ, наканунѣ битвы, и притомъ безъ всякой мысли объ изданіи, можетъ служить лучшимъ образчикомъ этихъ любознательныхъ людей прошлаго (XVIII) столѣтія“.

Кадеты-переводчики, разъѣзжаясь потомъ по полкамъ, развозили во всѣ углы Россіи книжки, рукописныя тетрадки стиховъ и возбуждали и тамъ, въ этихъ углахъ, интересъ къ чтенію, къ новымъ мыслямъ и идеямъ, принесеннымъ съ Запада.

Словомъ, западная наука опять, какъ при Петрѣ, призывалась въ Россію, но на этотъ разъ къ ней обращались не ради удовлетворенія нужды *государства*, а ради удовлетворенія потребности *общества*, которое

*) *Ешевскій*. Сочиненія. М. 1900 г., стр. 184.

**) Болотовъ — помѣщикъ и авторъ извѣстныхъ записокъ: „Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ“ (1738—1793).

нымъ, условіямъ, пересталъ соотвѣтствовать условіямъ, вновь создавшимся.

Въ XVIII столѣтіе западно-европейскія государства перешли въ видѣ феодальныхъ монархій, покоившихся на сословномъ, общественномъ строѣ съ абсолютнымъ, самодержавнымъ монархомъ во главѣ. Наверху общественной лѣстницы всюду стояли еще два первыхъ сословія—дворянство и духовенство, внизу—третье сословіе, или народъ, такъ какъ въ это сословіе входили всѣ, кто не принадлежалъ къ первымъ двумъ сословіямъ. Дворянство было связано съ абсолютнымъ монархомъ, во-первыхъ, узами родства, во-вторыхъ—соціальными узами феодальной, ленной зависимости. Король былъ самымъ крупнымъ феодаломъ и въ то же время—какъ повелитель государства—безконтрольнымъ хозяиномъ государственныхъ доходовъ. Дворянство и духовенство, какъ верхи общества, пользовались всяческими привилегіями и не платили податей; платили подати одни низы, но привилегій никакихъ не имѣли. Выходило такъ: кто ничего не платилъ государству, тотъ имѣлъ льготы и вольности; кто платилъ, тотъ не имѣлъ ничего. Дѣйствительно, лица третьяго сословія не принимали участія въ управленіи и не допускались на государственныя должности; въ арміи они не могли идти выше унтеръ-офицера, въ рядахъ духовенства—выше приходскаго священника; всѣ высшія мѣста при дворѣ, въ администраціи, въ арміи, въ церкви принадлежали дворянству; оно же владѣло землей и получало оброки и подати съ крестьянъ, обрабатывавшихъ эту землю. Однако, два первыхъ сословія не представляли сплоченной массы: и тамъ были свои верхи и свои низы. Верхи составлялись, съ одной стороны, изъ дворянства придворнаго и крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, съ другой—изъ высшихъ сановниковъ церкви и монастырей, вышедшихъ изъ того же дворянства. Что касается низовъ, то въ его ряды входило дворянство среднее и мелкое, захудалое, а изъ духовныхъ — священники приходскіе. Интересы этихъ верховъ и низовъ были различны, какъ различны были и ихъ привилегіи и права.

прямо дружески",—людей, не бравшихъ книги въ руки. Почти все деревенское общество еще составляли нерѣдко люди, занятые исключительно собаками, страстные охотники до боевыхъ гусей и другіе подобные типы. Общество было разрозненное, знакомствъ водили мало. Разумѣется, вновь понаѣхавшіе дворяне не могли помириться съ тѣмъ, что они увидали въ деревнѣ, и постарались передѣлать деревенскую жизнь по-своему. Это была не Богъ знаетъ какая передѣлка и притомъ, главнымъ образомъ, передѣлка внѣшняя: измѣнилась обстановка помѣщичьяго дома, сталъ больше кругъ знакомствъ, и знакомые чаще видались между собою, такъ какъ явилась потребность во взаимномъ общеніи. И хотя попрежнему центръ умственной жизни околотка вертѣлся вокругъ какой-нибудь тяжбы, чьей-нибудь свадьбы или смерти, но всетаки жизнь стала разнообразнѣе, и общество нѣсколько сблизилось, а это уже было своего рода прогрессомъ, облегчало дальнѣйшее движеніе впередъ".

Болѣе опредѣленно это движеніе сказалось уже въ царствованіе Екатерины II. „Общій фонъ жизни и въ это царствованіе оставался не особенно яркимъ, тѣмъ не менѣе какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи жизнь уже не была неподвижной, и на общемъ сѣроватомъ фонѣ ея тѣмъ рѣзче и рельефнѣе выдѣлялись отдѣльные кружки и личности, захваченные шедшимъ съ Запада потокомъ идей... Съ тревожною пытливостью и суровой критикой вглядывались они въ родную дѣйствительность и приходили въ ужасъ отъ ея грѣховъ и недостатковъ" *). Мириться съ ней они уже не могли. А разъ нельзя было мириться, приходилось такъ или иначе съ этою дѣйствительностью бороться. Первая попытка борьбы была сдѣлана съ помощью печатнаго слова; оружіемъ для борьбы была выбрана сатира. „Сатира екатерининскаго вѣка была средствомъ новой Россіи противъ старой Россіи... Все молодое, свѣжее и прогрессирующее бросилось теперь изобличать и

*) *В. Мякотинъ*. „Изъ исторіи русскаго общества (Дворянскій публицистъ екатерининской эпохи").

себѣ. Это стремленіе верховной власти все подчинить себѣ началось съ тѣхъ поръ, какъ въ обществѣ сталъ утверждаться новый капиталистическій, иначе говоря, массовой, товарный способъ производства.

Древнее и во многихъ случаяхъ средневѣковое государства состояли изъ ряда самостоятельныхъ общинъ и областей, совершенно независимыхъ другъ отъ друга въ экономическомъ, хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ онѣ сами производили почти всѣ продукты, необходимые для удовлетворенія ихъ потребностей. Не только экономическая, но и политическая жизнь была раздроблена между множествомъ разнородныхъ общинъ. Но съ развитіемъ товарнаго производства и торговли общины и области стали въ зависимость отъ тѣхъ нѣсколькихъ экономическихъ центровъ, въ которыхъ это товарное производство и торговля сосредоточились. Зависимость экономическая быстро повела за собой и зависимость политическую,—другими словами, положила конецъ политической самостоятельности общинъ и областей: самостоятельныя общины и области сдѣлались частью цѣлаго, постепенно утратили свои особенныя права и подчинились одинаковымъ законамъ, однимъ и тѣмъ же судамъ, одной и той же администраціи единаго государства. Государствомъ сталъ править единый монархъ черезъ посредство своихъ чиновниковъ, организованныхъ и дисциплинированныхъ, опираясь на постоянное войско, отдѣленное отъ народа и не представлявшее собой національной силы, а служившее орудіемъ власти въ рукахъ государя.

Новое—централизованное—государство стремилось превратить своихъ подданныхъ въ послушныхъ и покорныхъ слугъ, а въ то же время различные классы этихъ подданныхъ, толкаемые самою жизнью и успѣвшіе такъ или иначе возвыситься надъ другими классами, стремились завоевать себѣ тѣ права, которыя имъ еще не принадлежали, и которыя казались имъ необходимыми для существованія. Словомъ, силы различныхъ классовъ общества измѣнились, а въ политическомъ устройствѣ соотвѣтственныхъ измѣненій не произошло. Буржуазія выросла, но не возвысилась.

ГЛАВА IV.

Западъ и новыя идеи *).

А на Западѣ въ это время жизнь кипѣла ключомъ. Тамъ началось и шло, нарастая, движеніе общественной мысли, росъ оппозиціонный духъ и постепенно превращался въ революціонный. Особенно замѣтно было это во Франціи. „Во всеобщемъ движеніи, охватившемъ умы во Франціи, страна эта представляла собою какъ бы театръ, въ которомъ ежеминутно одна неожиданная сцена слѣдовала за другой, увлекая за собой и публику, и актеровъ все скорѣе и скорѣе къ окончательной развязкѣ“**).

Чѣмъ же было вызвано такое движеніе общественной мысли? А вызвано оно было тѣмъ, что люди начали сознавать, что существующія общественныя учрежденія неразумны и несправедливы, начали сознавать, что то, что прежде казалось разумнымъ, теперь стало безсмысленнымъ, что казалось благомъ, то превратилось во зло. А начали люди все это сознавать только потому, что общественный строй, приспособленный къ прежнимъ экономическимъ, т. е. хозяйствен-

---

*) Глава составлена по *К. Каутскому*—„Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г.“; *Бельтову*—„Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“; *Рокэну*—„Движеніе общественной мысли во Франціи передъ революціей“; *Милюкову*—„Очерки по исторіи русской культуры“ и *Ключевскому*—„Императрица Екатерина II“. (Р. М., 96 г., 11).

**) *Рокэнъ*. „Движеніе общественной мысли во Франціи“.

нымъ, условіямъ, пересталъ соотвѣтствовать условіямъ, вновь создавшимся.

Въ XVIII столѣтіе западно-европейскія государства перешли въ видѣ феодальныхъ монархій, покоившихся на сословномъ, общественномъ строѣ съ абсолютнымъ, самодержавнымъ монархомъ во главѣ. Наверху общественной лѣстницы всюду стояли еще два первыхъ сословія—дворянство и духовенство, внизу—третье сословіе, или народъ, такъ какъ въ это сословіе входили всѣ, кто не принадлежалъ къ первымъ двумъ сословіямъ. Дворянство было связано съ абсолютнымъ монархомъ, во-первыхъ, узами родства, во-вторыхъ—соціальными узами феодальной, ленной зависимости. Король былъ самымъ крупнымъ феодаломъ и въ то же время—какъ повелитель государства—безконтрольнымъ хозяиномъ государственныхъ доходовъ. Дворянство и духовенство, какъ верхи общества, пользовались всяческими привилегіями и не платили податей; платили подати одни низы, но привилегій никакихъ не имѣли. Выходило такъ: кто ничего не платилъ государству, тотъ имѣлъ льготы и вольности; кто платилъ, тотъ не имѣлъ ничего. Дѣйствительно, лица третьяго сословія не принимали участія въ управленіи и не допускались на государственныя должности; въ арміи они не могли идти выше унтеръ-офицера, въ рядахъ духовенства—выше приходскаго священника; всѣ высшія мѣста при дворѣ, въ администраціи, въ арміи, въ церкви принадлежали дворянству; оно же владѣло землей и получало оброки и подати съ крестьянъ, обрабатывавшихъ эту землю. Однако, два первыхъ сословія не представляли сплоченной массы: и тамъ были свои верхи и свои низы. Верхи составлялись, съ одной стороны, изъ дворянства придворнаго и крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, съ другой—изъ высшихъ сановниковъ церкви и монастырей, вышедшихъ изъ того же дворянства. Что касается низовъ, то въ его ряды входило дворянство среднее и мелкое, захудалое, а изъ духовныхъ — священники приходскіе. Интересы этихъ верховъ и низовъ были различны, какъ различны были и ихъ привилегіи и права.

Третье сословіе тоже не представляло сплоченной массы, и оно также было не менѣе разъединено и разорвано на отдѣльные классы, такъ какъ къ третьему сословію принадлежали капиталисты, ремесленники, крестьяне, городской пролетаріатъ и такъ называемый Lumpenproletariat, т. е. босяки, люди деклассированные, а ко всему этому еще люди такъ называемыхъ свободныхъ профессій, интеллигенція, т. е. врачи, адвокаты, учителя, писатели и т. д. Разумѣется, интересы всѣхъ этихъ, столь различныхъ по своему общественному и имущественному положенію, людей не могли быть одинаковы; въ то время, какъ одни достигли извѣстнаго и даже очень значительнаго благосостоянія и, благодаря обезпеченному матеріальному положенію, пользовались даже извѣстнымъ вліяніемъ на общественную жизнь, другіе влачили жалкое звѣроподобное существованіе и были лишь орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто такъ или иначе надъ ними возвышался.

Словомъ, къ началу XVIII вѣка европейское общество уже представляло сложный и все болѣе усложняющійся организмъ съ самыми разнообразными классами и съ самыми разнообразными интересами, противорѣчія между которыми становились, чѣмъ далѣе, тѣмъ все острѣе. Эти противорѣчія порождали борьбу какъ внутри сословій, между классами, такъ и отдѣльныхъ сословій другъ съ другомъ,—иначе говоря: борьбу болѣе привилегированныхъ съ менѣе привилегированными и безправными и борьбу такъ или иначе возвысившихся съ тѣми, кто стоялъ еще выше, и съ тѣми, кто былъ внизу. Всякій возвышающійся классъ, если онъ былъ лишенъ политическихъ правъ, пытался такъ или иначе ихъ пріобрѣсти, боролся за нихъ. А между тѣмъ тотъ государственный строй, въ предѣлахъ котораго развивались всѣ эти противорѣчія и эта борьба, представлялъ абсолютную монархію, т. е. такую монархію, которая воспрещала своимъ подданнымъ всякую политическую дѣятельность, которая стремилась держать каждый изъ существующихъ классовъ въ повиновеніи, прекращая всякую политическую борьбу между ними и всѣхъ заставляя служить только

ровъ отъ двора, оппозиціонное настроеніе нашло себѣ отраженіе и въ художественной литературѣ, и въ наукѣ.

Преобладающее мѣсто заняли сочиненія философскаго, политическаго и политико-экономическаго характера. Идеи, которыя были пущены въ обращеніе этими сочиненіями, уже бродили въ обществѣ; заслуга новыхъ работниковъ мысли заключалась въ томъ, что они собрали ихъ въ единое цѣльное ученіе. Ступивъ на путь оппозиціи, эти работники мысли „подвергли самой безпощадной критикѣ господствовавшіе въ то время взгляды на религію, на природу, общество и государственное устройство. Все это должно было—либо оправдать свое существованіе передъ судомъ разума, либо совершенно отказаться отъ дальнѣйшаго существованія“ *). Они направили первыя стрѣлы свои противъ религіи, противъ церкви. Церковь, чуждая терпимости, давно возмущала общественную совѣсть, жаждавшую свободы; къ тому же образъ дѣйствій высшаго духовенства вызывалъ въ обществѣ настоящія бури. Недовольство церковью проникало всѣ классы общества, и потому общество съ жадностью прислушивалось къ новымъ рѣчамъ новыхъ философовъ. А они, разрушая и отрицая старыя преданія, основанныя исключительно на вѣрѣ, указывали *на права разума и просвѣщенной мысли*; они звали въ ряды оппозиціи *не во имя вѣры, а во имя разума*. Они срывали маску со старыхъ суевѣрій и предразсудковъ, старательно надѣтую церковью, и создавали новую науку о душѣ, о добрѣ и злѣ. „Работа мысли человѣка и вся его душевная жизнь,—говорили они,—зависятъ всецѣло отъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ человѣкомъ *изъ окружающей его среды*. Значитъ, „всѣ представленія, всѣ понятія и чувства человѣка являются результатомъ воздѣйствія на него окружающей среды, т. е., во-первыхъ, результатомъ воздѣйствія *природы*, а во-вторыхъ—*общества*. Если же человѣкъ зависитъ отъ окружающей его среды, если онъ обязанъ ей всѣми свойствами своего характера, то ей онъ обязанъ, между прочимъ, и своими

*) *Энгельсъ*. „Отъ утопіи къ научной теоріи“.

Абсолютная власть попрежнему требовала безусловнаго подчиненія существующему порядку; въ обществѣ же безусловно подчиняться абсолютной власти готовы были развѣ только тѣ, чьи матеріальныя выгоды были связаны съ существующимъ порядкомъ, кто искалъ въ жизни лишь достающихся безъ труда наслажденій, кто сидѣлъ на щедро оплачиваемыхъ мѣстахъ при дворѣ, въ церкви, арміи и администраціи, кто получалъ королевскія подачки и сообща со своимъ господиномъ пользовался безконтрольно народными богатствами,— словомъ, подчиняться готово было развѣ задолженное и алчное дворянство, растерявшее свои земельныя богатства въ безмѣрно роскошной жизни и ухватившееся за теплыя мѣста при дворѣ, въ церкви, въ рядахъ бюрократіи и войска. Но и среди дворянства далеко не всѣ скоро оказались готовыми подчиняться безусловно. Помѣстное сельское дворянство, не жившее при дворѣ и не состоявшее въ администраціи—и потому не пользовавшееся королевскими милостями и не участвовавшее въ хищеніяхъ, вовсе не намѣрено было смотрѣть на себя, только какъ на слугъ короля: оно было недовольно чрезмѣрными земельными обложеніями, разорявшими его подчиненныхъ — крестьянъ. Не на сторонѣ абсолютной власти оказались и всѣ лучшіе люди изъ дворянства, въ которыхъ тяжелое положеніе народныхъ массъ вызвало чувство человѣческаго состраданія. Противники абсолютной власти явились и въ церкви, въ рядахъ низшаго, непривилегированнаго духовенства, пополнявшагося изъ третьяго сословія; явились и въ арміи, среди унтеръ-офицеровъ, поставляемыхъ тѣмъ же третьимъ сословіемъ. А въ самомъ третьемъ сословіи, среди всѣхъ его многочисленныхъ классовъ, скоро не оказалось ни одного, который можно было бы назвать безусловнымъ сторонникомъ стараго порядка. Каждый изъ этихъ классовъ желалъ реформъ; но такъ какъ интересы этихъ классовъ были очень различны, то каждый классъ желалъ такихъ реформъ, какія именно ему были выгодны и не требовали отъ него никакихъ жертвъ. Наиболѣе состоятельные слои третьяго сословія, такъ называемая *крупная буржуа-*

зія, т. е. городскіе капиталисты и финансисты, крупные представители промышленности и торговли, хотѣли, разумѣется, совсѣмъ не такихъ реформъ, какъ средняя и мелкая буржуазія, или какъ пролетаріатъ и крестьянство. Но и крупная, и средняя буржуазія, и недовольные среди дворянства и духовенства понимали, что сами по себѣ они слишкомъ слабы численно, чтобы добиться какихъ-нибудь реформъ; только въ союзѣ съ народными массами, только опираясь на народъ въ городѣ и въ деревнѣ, они способны создать движеніе и заставить власть пойти на нужныя имъ уступки. Но чтобы получить поддержку массъ, надо, чтобы и на долю этихъ массъ пали реформы, надо и имъ дать что-нибудь или, по крайней мѣрѣ, пообѣщать что-нибудь. А для этого надо узнать жизнь массъ, надо взглянуть на нее поближе, попытаться заслужить довѣріе народа, подслушать его завѣтныя думы и желанія. Такъ возникла пора народолюбія. Въ буржуазіи многіе искренно заинтересовались народомъ,—по крайней мѣрѣ, имъ это казалось такъ: они мечтали о томъ, какъ они пойдутъ дальше рука объ руку съ этимъ народомъ, какъ будутъ болѣть его болѣзнями, горевать его горемъ. Тогда это еще казалось многимъ вполнѣ возможнымъ; тогда „все и вся подавлялось правительствомъ; классовыя противоположности не могли развернуться открыто; правительство препятствовало свободно защищать свои интересы не только эксплоатируемымъ классамъ, но и эксплоатирующимъ. Въ лагерѣ оппозиціи были всѣ—какъ промышленные капиталисты, такъ и вся масса трудящихся классовъ“ *).

Эпоха народолюбія отразилась прежде всего на литературѣ, и художественной, и научной. Художественная литература, говорившая до сихъ поръ языкомъ изящнаго придворнаго круга, рисовавшая давно отжившій міръ героевъ Греціи и Рима съ ихъ страстями и стремленіями, заговорила теперь совсѣмъ инымъ языкомъ и спустилась изъ свѣтскихъ гостиныхъ и дворцовъ къ простому быту и нравамъ средняго, мѣщан-

*) *Каутскій.* „Соціальный переворотъ“.

роль, прежде только приказывавшій, долженъ былъ выступить въ защиту и оправданіе собственной власти: „Всеобщность, полнота и нераздѣльность власти пребываютъ,—говорилъ онъ,—въ лицѣ короля; право народа ничѣмъ не отличается отъ законовъ, источникомъ и основою которыхъ служитъ онъ самъ, король, и что, если онъ воспользовался въ духѣ справедливости и разума принадлежащею ему абсолютною властью, то нельзя говорить, что онъ шелъ неправильнымъ путемъ". Сторонники королевской власти „радовались, что король заговорилъ тономъ настоящаго государя, чего ужъ не бывало съ давняго времени"; въ дѣйствительности же такой отвѣтъ короля показывалъ, что пора безапелляціонныхъ приказовъ прошла, что настало время защищать и оправдывать власть, что вовсе не было признакомъ силы, потому что власть только тогда защищается, когда чувствуетъ себя поколебленною" *).

Въ то время, какъ общество зачитывалось, захлебываясь, произведеніями философовъ, люди, стоявшіе близко къ властямъ, относились ко всѣмъ новымъ писателямъ, какъ къ *общественнымъ отравителямъ*. „Дѣло дошло до того,—писалъ Гриммъ,—что въ настоящее время нѣтъ ни одного человѣка, занимающаго казенное мѣсто, который не смотрѣлъ бы на успѣхи философіи среди насъ, какъ на источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. Всѣ думали, что причины, которыя привели къ пораженіямъ при Росбахѣ и Минденѣ, которыя вызвали уничтоженіе и потерю нашихъ флотовъ **), довольно извѣстны и ясны, но если вы поговорите о нихъ при дворѣ, то вамъ скажутъ, что всѣ эти несчастья должны быть приписаны новой философіи, что это она погасила военный духъ, слѣпое повиновеніе и вообще все то, что порождало прежде великихъ людей и славныя дѣла Франціи" ***).

---

*) *Рокэнъ*. „Движеніе общественной мысли во Франціи"

**) Ссылка на несчастную войну, начатую правительствомъ Людовика XV противъ Англіи и Пруссіи и приведшую Францію къ ряду неудачъ и униженій.

***) *Рокэнъ*.

ровъ отъ двора, оппозиціонное настроеніе нашло себѣ отраженіе и въ художественной литературѣ, и въ наукѣ.

Преобладающее мѣсто заняли сочиненія философскаго, политическаго и политико-экономическаго характера. Идеи, которыя были пущены въ обращеніе этими сочиненіями, уже бродили въ обществѣ; заслуга новыхъ работниковъ мысли заключалась въ томъ, что они собрали ихъ въ единое цѣльное ученіе. Ступивъ на путь оппозиціи, эти работники мысли „подвергли самой безпощадной критикѣ господствовавшіе въ то время взгляды на религію, на природу, общество и государственное устройство. Все это должно было—либо оправдать свое существованіе передъ судомъ разума, либо совершенно отказаться отъ дальнѣйшаго существованія“ *). Они направили первыя стрѣлы свои противъ религіи, противъ церкви. Церковь, чуждая терпимости, давно возмущала общественную совѣсть, жаждавшую свободы; къ тому же образъ дѣйствій высшаго духовенства вызывалъ въ обществѣ настоящія бури. Недовольство церковью проникало всѣ классы общества, и потому общество съ жадностью прислушивалось къ новымъ рѣчамъ новыхъ философовъ. А они, разрушая и отрицая старыя преданія, основанныя исключительно на вѣрѣ, указывали *на права разума и просвѣщенной мысли*; они звали въ ряды оппозиціи *не во имя вѣры, а во имя разума*. Они срывали маску со старыхъ суевѣрій и предразсудковъ, старательно надѣтую церковью, и создавали новую науку о душѣ, о добрѣ и злѣ. „Работа мысли человѣка и вся его душевная жизнь,—говорили они,—зависятъ всецѣло отъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ человѣкомъ *изъ окружающей его среды*. Значитъ, „всѣ представленія, всѣ понятія и чувства человѣка являются результатомъ воздѣйствія на него окружающей среды, т. е., во-первыхъ, результатомъ воздѣйствія *природы*, а во-вторыхъ—*общества*. Если же человѣкъ зависитъ отъ окружающей его среды, если онъ обязанъ ей всѣми свойствами своего характера, то ей онъ обязанъ, между прочимъ, и своими

*) *Энгельсъ*. „Отъ утопіи къ научной теоріи“.

недостатками; слѣдовательно, для борьбы съ этими недостатками надо видоизмѣнить окружающую его среду, и притомъ именно среду *общественную*, потому что природа не дѣлаетъ человѣка ни злымъ, ни добрымъ"... Въ природѣ нѣтъ ни добра, ни зла: добро есть то, что согласно съ общимъ интересомъ, а зло есть то, что вредитъ обществу. „Поставьте людей въ разумныя общественныя условія, при которыхъ инстинктъ самосохраненія каждаго изъ нихъ перестанетъ толкать его на борьбу съ остальными, согласите интересъ отдѣльнаго человѣка съ интересами всего общества—и добродѣтель явится сама собою, какъ самъ собою падаетъ на землю камень, лишенный подпоры. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что религіозная мораль—напримѣръ, заповѣдь о любви къ ближнему—хотя отчасти содѣйствовала нравственному улучшенію людей. Добродѣтель надо *не проповѣдывать, а подготовлять* разумнымъ устройствомъ общественныхъ отношеній" *). Одинъ изъ новыхъ философовъ, Гельвецій, даже сдѣлалъ попытку объяснить общественное и умственное развитіе человѣчества *матеріальными нуждами*; эта мысль, впрочемъ, была едва намѣчена имъ, а серьезную разработку получила уже много позднѣе, въ XIX вѣкѣ.

Такъ ниспровергалось то, что такъ долго и съ такими усиліями старалась внѣдрить въ умы человѣчества церковь. Напрасно присуждали къ сожженію философскія сочиненія, въ которыхъ, по словамъ защитниковъ церкви и стараго міросозерцанія, подрывались „основы всякой религіи и всякой добродѣтели", въ которыхъ „съ напускнымъ притворствомъ ставились всѣ религіи на одинъ уровень, чтобы не признавать въ концѣ концовъ ни одной изъ нихъ". Осужденіе не только не вредило такимъ книгамъ, но, напротивъ, содѣйствовало ихъ успѣху. Одинъ и тотъ же экземпляръ переходилъ черезъ множество рукъ, и всѣ спрашивали другъ друга: „читали вы такую-то книгу?"

Вслѣдъ за нападками на церковь посыпались на-

*) *Бельтовъ*. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію".

цузской просвѣтительной литературой считается признакомъ невѣжества. Прусскій король Фридрихъ Великій не хочетъ писать свои произведенія иначе, какъ на французскомъ языкѣ; онъ даже изумленъ, узнавъ, что у нѣмцевъ есть свои литераторы. Ученые труды Берлинской (нѣмецкой) академіи издаются тоже на языкѣ французскомъ, а не на нѣмецкомъ. Европа увлекается не только французской просвѣтительной литературой и французскими идеями, но и французскими обычаями и модами.

Естественно, что и русскіе, черпавшіе свое просвѣщеніе въ Европѣ, поддались тому же французскому вліянію. Уже при Елизаветѣ Петровнѣ въ высшемъ свѣтѣ и при дворѣ царили безраздѣльно французскій языкъ и французскія моды. Что касается новыхъ идей, то многое изъ того, что было вполнѣ доступно европейскому обществу, было совсѣмъ не по плечу обществу русскому. Вѣдь между содержаніемъ просвѣтительной литературы XVIII вѣка и умственнымъ багажомъ русскаго общества лежала цѣлая пропасть. Немудрено, что русское общество перенимало новыя идеи лишь по внѣшности, а не по духу; немудрено, что на нихъ набрасывались, какъ на модную новинку, наравнѣ съ новымъ фасономъ платья, съ новыми пуговицами и пряжками. Увлеченіе новыми идеями стало особенно замѣтнымъ съ царствованія Екатерины. Извѣстно, что сама императрица увлекалась западными идеями. Въ молодости она много работала надъ своимъ образованіемъ и рано запаслась разнообразными свѣдѣніями. Пріобрѣтенный запасъ она старалась пополнять и на престолѣ. Ей хотѣлось стоять въ уровень съ умственнымъ движеніемъ вѣка, и потому она съ жадностью хваталась за всякую новинку такъ называемой просвѣтительной литературы. Она изучала Монтескье, Беккарія и многихъ другихъ, въ особенности же Вольтера, котораго даже называла своимъ учителемъ и состояла съ нимъ въ перепискѣ. Онъ былъ властителемъ думъ молодой княгини, а потомъ императрицы; онъ сталъ скоро и властителемъ думъ на верхахъ русскаго общества. Его произведеніями зачитывались; не знать ихъ было при-

знакомъ не только невѣжества, но и дурного тона. Вольтеръ сталъ моднымъ писателемъ. Стать *вольтерьянцемъ* сдѣлалось признакомъ такого же хорошаго тона, какъ говорить по-французски и слѣдовать французской модѣ. О силѣ вліянія Вольтера на русское общество лучше всего, можетъ быть, свидѣтельствуетъ образовавшееся въ нашемъ языкѣ вышеприведенное слово *вольтерьянецъ*. Но понимали ли русскіе „вольтерьянцы" великаго французскаго философа и могли ли даже понять его? На это приходится отвѣтить отрицательно.

Вѣдь всякое общественное движеніе опредѣляется господствующими интересами общества и его различныхъ слоевъ, а господствующіе интересы тогдашняго русскаго общества, какъ мы видѣли выше, имѣли слишкомъ мало общаго съ тѣмъ, что происходило на Западѣ. Тамъ общественное и умственное развитіе совершалось подъ властнымъ напоромъ совершенно иныхъ матеріальныхъ, хозяйственныхъ нуждъ народа, чѣмъ у насъ, въ Россіи; тамъ взаимныя имущественныя отношенія между различными слоями общества были совсѣмъ не таковы, какъ у насъ, какъ совсѣмъ не такова была и группировка общественныхъ слоевъ. А между тѣмъ Вольтеръ и вся просвѣтительная литература Запада были костью отъ кости и плотью отъ плоти господствовавшихъ на Западѣ общественныхъ интересовъ,—вотъ почему наши россійскіе „вольтерьянцы" не могли тогда понимать Вольтера; вотъ почему тогдашніе руководящіе слои русскаго общества, разные вельможные и сіятельные прожигатели народныхъ денегъ и силъ, ставшіе „вольтерьянцами" по требованію моды, а не жизни, сумѣли найти въ страстныхъ и рѣзкихъ нападкахъ Вольтера на ходячую нравственность и мораль, на сухую церковную обрядность, на роль церкви, какъ гасительницы свѣта и свободы, только оправданіе своей легкомысленности и безнравственности, только насмѣшку надъ религіей, семьей и нравственностью, и одно это сочли новымъ, остроумнымъ, забавнымъ и достойнымъ подражанія. Лишь на небольшую кучку мыслящихъ русскихъ людей Воль-

теръ и другіе философы Запада оказали иное вліяніе. Эта кучка читала западныхъ философовъ не только ради моды: въ ней западные мыслители пробудили мысль, уже искавшую выхода изъ того тупика, въ какой загнала этихъ людей русская дѣйствительность. Но и изъ этой кучки скоро многихъ испугало французское „вольномысліе“: сознаніе, что они „дерзнули забыть вѣру, въ которой родились, и страхъ Божій“, повергло многихъ, по выраженію одного современника, „въ сердечный трепетъ“. Но такъ какъ примириться съ русскою дѣйствительностью они уже не могли, то, убоявшись французскаго вольномыслія, кинулись искать иного выхода. Они нашли его въ масонствѣ.

ГЛАВА V.

Что такое масонство.

Масонство, или, вѣрнѣе, франкъ-масонство, появляется впервые въ Россіи въ тридцатыхъ годахъ XVIII стол., въ царствованіе императрицы Анны Ивановны. А въ царствованіе Елизаветы Петровны существованіе кружка масоновъ въ Петербургѣ уже подтверждается оффиціально. Къ императрицѣ отъ маіора Алсуфьева поступаетъ доносъ, указывающій на кружокъ масоновъ въ Петербургѣ,—кружокъ, въ составъ котораго входятъ многія лица изъ русской знати. Тогда же нѣкоторымъ масонамъ изъ знатныхъ фамилій былъ произведенъ допросъ. Таково первое оффиціальное извѣстіе о масонствѣ въ Россіи.

Что касается Западной Европы, то тамъ франкъ-масонство стало распространяться въ обществѣ болѣе чѣмъ на цѣлую четверть вѣка раньше. Появленіе масонства на Западѣ надо отнести къ самому началу XVIII вѣка. Первыя масонскія *ложи*, или собранія братьевъ-масоновъ, появляются въ Англіи и уже оттуда распространяются и на другія государства.

Что же представляютъ изъ себя эти ложи? Кто имѣетъ въ нихъ доступъ и кто можетъ стать масономъ? И что вообще значитъ слово масонъ или франкъ-масонъ?

Масонъ, масонство — слова не русскія. Въ одномъ старинномъ русскомъ стихотвореніи о масонствѣ говорится:

Что же значитъ такое масонъ по-французски?
Не иное что другое—вольный каменщикъ по-русски.

цузской просвѣтительной литературой считается признакомъ невѣжества. Прусскій король Фридрихъ Великій не хочетъ писать свои произведенія иначе, какъ на французскомъ языкѣ: онъ даже изумленъ, узнавъ, что у нѣмцевъ есть свои литераторы. Ученые труды Берлинской (нѣмецкой) академіи издаются тоже на языкѣ французскомъ, а не на нѣмецкомъ. Европа увлекается не только французской просвѣтительной литературой и французскими идеями, но и французскими обычаями и модами.

Естественно, что и русскіе, черпавшіе свое просвѣщеніе въ Европѣ, поддались тому же французскому вліянію. Уже при Елизаветѣ Петровнѣ въ высшемъ свѣтѣ и при дворѣ царили безраздѣльно французскій языкъ и французскія моды. Что касается новыхъ идей, то многое изъ того, что было вполнѣ доступно европейскому обществу, было совсѣмъ не по плечу обществу русскому. Вѣдь между содержаніемъ просвѣтительной литературы XVIII вѣка и умственнымъ багажомъ русскаго общества лежала цѣлая пропасть. Немудрено, что русское общество перенимало новыя идеи лишь по внѣшности, а не по духу; немудрено, что на нихъ набрасывались, какъ на модную новинку, наравнѣ съ новымъ фасономъ платья, съ новыми пуговицами и пряжками. Увлеченіе новыми идеями стало особенно замѣтнымъ съ царствованія Екатерины. Извѣстно, что сама императрица увлекалась западными идеями. Въ молодости она много работала надъ своимъ образованіемъ и рано запаслась разнообразными свѣдѣніями. Пріобрѣтенный запасъ она старалась пополнять и на престолѣ. Ей хотѣлось стоять въ уровень съ умственнымъ движеніемъ вѣка, и потому она съ жадностью хваталась за всякую новинку такъ называемой просвѣтительной литературы. Она изучала Монтескье, Беккарія и многихъ другихъ, въ особенности же Вольтера, котораго даже называла своимъ учителемъ и состояла съ нимъ въ переепискѣ. Онъ былъ властителемъ думъ молодой княгини, а потомъ императрицы; онъ сталъ скоро и властителемъ думъ на верхахъ русскаго общества. Его произведеніями зачитывались; не знать ихъ было при-

видѣли средство для измѣненія этихъ условій не въ реформахъ общества и государства, какъ новые философы, а въ самоусовершенствованіи каждаго отдѣльнаго человѣка, и потому возлагали на человѣка прежде всего задачу внутренняго самопознанія и работу надъ самимъ собою.

Свои основныя положенія, столь простыя и ясныя для всякаго, масонство съ самаго начала своего существованія облекло въ тайну. Зачѣмъ? Да, вѣроятно, затѣмъ, что въ таинственности много заманчиваго, привлекательнаго; и этою заманчивостью и привлекательностью тайны масоны—можетъ быть, даже и безсознательно—надѣялись привлечь къ себѣ больше послѣдователей, потому что культурный уровень тогдашняго общества еще не былъ таковъ, чтобы это общество могло удовлетвориться одной голой истиной. Вотъ почему, весьма вѣроятно, масоны и призвали себѣ на помощь тѣ символическіе образы, которые уже много вѣковъ баловали и восхищали человѣческую фантазію. Вотъ почему масонство стало обществомъ тайнымъ, съ тайными обрядами и таинственными собраніями.

Самое свое происхожденіе масонство облекло въ тайну, окружило символическими легендами и образами и отнесло къ глубокой древности. Масонство возводилось ни болѣе, ни менѣе, какъ къ Адаму. По ученію масоновъ, человѣкъ въ настоящее время есть „гнилой и вонючій сосудъ, наполненный всякою мерзостью“; но было время, когда онъ былъ совершеннымъ. Онъ палъ и потерялъ свою чистоту и всѣ тѣ знанія о Богѣ и природѣ, которыя вложилъ въ него самъ Богъ. Послѣ грѣхопаденія отъ этихъ знаній у ветхаго человѣка—Адама—всетаки уцѣлѣла, по милосердію Божьему, „искорка“ свѣта. Но эта искорка не стала достояніемъ всѣхъ людей, а лишь отдѣльныхъ избранниковъ. Она озаряла умъ избранника такими божественными познаніями, о которыхъ люди обыкновенные и понятія не имѣли; она открывала ему тайны Божества и давала ключъ къ познанію тайнъ природы. Но чтобы стать обладателемъ этой искорки свѣта, надо было стремиться къ достиженію утраченнаго Адамомъ со-

вершенства, что было доступно далеко не для всѣхъ, а лишь для исключительныхъ личностей, вродѣ патріарховъ, мудрецовъ, пустынножителей. Изъ устъ въ уста передавали они пріобрѣтенную тайну познанія; одинъ избранникъ зажигалъ искру свѣта въ другомъ, который, въ свою очередь, передавалъ ее новому избраннику. Съ теченіемъ времени устное преданіе стало письменнымъ. Нѣкій Іосифъ-пустынножитель первый записалъ то, что пока передавалось устно, что было великой тайной. Но и запись не сняла покрова съ тайны: свѣтъ остался по прежнему достояніемъ избранниковъ, такъ какъ запись была символической, непонятной для непосвященныхъ. Смарагдовыя таблицы, на которыхъ Іосифъ-пустынножитель записалъ то, что зналъ, были положены имъ въ Мемфисскомъ храмѣ, въ Египтѣ. Тамъ онѣ хранились египетскими мудрецами и магами. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію избранниковъ, таинственная запись дошла до Соломона. Онъ первый привелъ записанное въ систему и первый же основалъ братство „вольныхъ каменщиковъ"—строителей жизни. Задумавъ постройку извѣстнаго храма, долженствовавшаго имѣть символическое значеніе, онъ пригласилъ 130.000 каменщиковъ разныхъ націй и раздѣлилъ ихъ на три разряда, или на три степени, и каждой изъ этихъ степеней далъ извѣстную организацію: то были степени мастеровъ, товарищей и учениковъ. Каждая изъ этихъ степеней получила свои правила и отличающіе ее отъ прочихъ знаки и слова; причемъ правила, слова и знаки высшихъ степеней не были извѣстны низшимъ.

Такова легенда, сказка, придуманная масонами для объясненія древности происхожденія масонства.

Въ дальнѣйшемъ, по объясненію масоновъ, исторія масонства была такова: братства вольныхъ каменщиковъ существовали и въ языческой Греціи, и въ языческомъ Римѣ, главнымъ образомъ, среди людей, занимавшихся строительнымъ искусствомъ. Существовали вольные каменщики и среди христіанъ Рима. Спасаясь отъ преслѣдованій, эти христіане-масоны перебрались будто бы изъ Рима въ Англію и перенесли свое ученіе

въ тамошнюю корпорацію мастеровыхъ. Изъ Англіи ученіе распространилось на сосѣднія Шотландію и Ирландію, охвативъ, такимъ образомъ, всю Великобританію. Здѣсь ученіе вольныхъ каменщиковъ получило скоро вполнѣ стройную организацію и, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, превратилось въ нравственное ученіе, основнымъ положеніемъ котораго стало слѣдующее правило: „противодѣйствуй злу не зломъ, а добромъ".

Но какова бы ни была легенда о происхожденіи масонства, изъ исторіи мы знаемъ положительно, что первыя масонскія ложи хотя и возникли дѣйствительно въ Англіи, но не далѣе начала XVIII стол. Отсюда масонское ученіе тогда же перешло на европейскій материкъ, въ другія государства.

Разсмотримъ теперь подробнѣе, каково было это ученіе и въ чемъ оно заключалось, такъ какъ выше мы намѣтили лишь въ общихъ чертахъ духъ ученія.

Масонское ученіе раздѣляется на двѣ части: одну изъ нихъ можно назвать духовно-нравственной, другую—научной, философской. Первая, указывая на нестроенія жизни, говорила, что эти нестроенія есть результатъ человѣческой испорченности, и, взывая противъ упадка нравственности, указывала истинные пути къ спасенію; вторая стремилась удовлетворить другой потребности общества—дать пищу любознательному уму. Сообразно съ этимъ раздѣленіемъ на двѣ части, масонство преслѣдовало и двѣ цѣли: 1) познаніе самого себя и 2) познаніе Бога и природы.

Духовно-нравственный отдѣлъ масонскаго ученія очень обширенъ. Онъ указываетъ человѣку идеалы, къ которымъ онъ долженъ стремиться. Какіе же это идеалы? На своемъ образномъ, символическомъ языкѣ масоны говорили, что они хотятъ возстановить Соломоновъ храмъ. Но для возсозданія этой благолѣпной святыни нужны не камни тлѣнные, а самъ человѣкъ; должно очистить сердца людей, и изъ людского братства, воздвигнутаго на началахъ вѣры и любви, составится храмъ Соломона. Поэтому первая цѣль истиннаго свободнаго каменщика—самоусовершенствованіе. „Всѣ человѣче-

Дѣйствительно, масонъ значитъ каменщикъ, а франкъмасонъ — вольный каменщикъ. Откуда произошло такое названіе и какой смыслъ оно въ себѣ заключало, читатель увидитъ ниже.

Масономъ могъ стать каждый *человѣкъ*. Масонская ложа была открыта одинаково для людей всѣхъ исповѣданій и всѣхъ положеній; масонство привѣтствовало каждаго—къ какой бы кто сектѣ, званію, народу ни принадлежалъ — *только человѣкомъ*. Оно создавало братскій союзъ во имя *человѣческаго равенства*, во имя дѣятельной любви къ ближнему. Масонство желало внести *терпимость* въ область религіозныхъ убѣжденій, *равноправность* — въ общественныя отношенія. Эти воззрѣнія были желанными для европейскаго общества послѣ кровавыхъ религіозныхъ войнъ, потрясавшихъ Западную Европу въ теченіе всего XVI и всего XVII столѣтій Масонство съ его проповѣдью любви и терпимости явилось въ Европѣ на смѣну непреложнымъ правиламъ вѣры или такъ называемой *догмы*, изъ-за которой преслѣдовались и гнались во имя Христа всѣ тѣ, кто смѣлъ свое сужденіе имѣть.

Воззрѣнія, которыя проповѣдывались масонами, во многомъ походили на воззрѣнія новой философской школы, выдвинутой XVIII вѣкомъ—школы такъ называемыхъ *деистовъ*, къ которой примыкалъ и знаменитый Вольтеръ. И для деистовъ, и для масоновъ догматическія тонкости не имѣли значенія. *Свобода мысли и вѣры* стояла и на знамени деистовъ, и на знамени масоновъ. Основной идеей масонства было нравственное перерожденіе человѣка путемъ вѣры, *просвѣтленной разумомъ*; что касается новыхъ философовъ, то выше мы видѣли, какое мѣсто разуму отводили они въ новомъ обществѣ. Но если, съ одной стороны, воззрѣнія масоновъ во многомъ походили на воззрѣнія новой философской школы, то, съ другой, они во многомъ же и рѣзко отличались отъ нихъ. Масонское ученіе, какъ и новая философія, несомнѣнно возникло, какъ протестъ противъ существующихъ условій жизни; и масоны, и деисты стремились обновить общество, создать для него лучшія жизненныя условія; но масоны

видѣли средство для измѣненія этихъ условій не въ реформахъ общества и государства, какъ новые философы, а въ самоусовершенствованіи каждаго отдѣльнаго человѣка, и потому возлагали на человѣка прежде всего задачу внутренняго самопознанія и работу надъ самимъ собою.

Свои основныя положенія, столь простыя и ясныя для всякаго, масонство съ самаго начала своего существованія облекло въ тайну. Зачѣмъ? Да, вѣроятно, затѣмъ, что въ таинственности много заманчиваго, привлекательнаго; и этою заманчивостью и привлекательностью тайны масоны—можетъ быть, даже и безсознательно—надѣялись привлечь къ себѣ больше послѣдователей, потому что культурный уровень тогдашняго общества еще не былъ таковъ, чтобы это общество могло удовлетвориться одной голой истиной. Вотъ почему, весьма вѣроятно, масоны и призвали себѣ на помощь тѣ символическіе образы, которые уже много вѣковъ баловали и восхищали человѣческую фантазію. Вотъ почему масонство стало обществомъ тайнымъ, съ тайными обрядами и таинственными собраніями.

Самое свое происхожденіе масонство облекло въ тайну, окружило символическими легендами и образами и отнесло къ глубокой древности. Масонство возводилось ни болѣе, ни менѣе, какъ къ Адаму. По ученію масоновъ, человѣкъ въ настоящее время есть „гнилой и вонючій сосудъ, наполненный всякою мерзостью"; но было время, когда онъ былъ совершеннымъ. Онъ палъ и потерялъ свою чистоту и всѣ тѣ знанія о Богѣ и природѣ, которыя вложилъ въ него самъ Богъ. Послѣ грѣхопаденія отъ этихъ знаній у ветхаго человѣка—Адама—всетаки уцѣлѣла, по милосердію Божьему, „искорка" свѣта. Но эта искорка не стала достояніемъ всѣхъ людей, а лишь отдѣльныхъ избранниковъ. Она озаряла умъ избранника такими божественными познаніями, о которыхъ люди обыкновенные и понятія не имѣли; она открывала ему тайны Божества и давала ключъ къ познанію тайнъ природы. Но чтобы стать обладателемъ этой искорки свѣта, надо было стремиться къ достиженію утраченнаго Адамомъ со-

вершенства, что было доступно далеко не для всѣхъ, а лишь для исключительныхъ личностей, вродѣ патріарховъ, мудрецовъ, пустынножителей. Изъ устъ въ уста передавали они пріобрѣтенную тайну познанія; одинъ избранникъ зажигалъ искру свѣта въ другомъ, который, въ свою очередь, передавалъ ее новому избраннику. Съ теченіемъ времени устное преданіе стало письменнымъ. Нѣкій Іосифъ-пустынножитель первый записалъ то, что пока передавалось устно, что было великой тайной. Но и запись не сняла покрова съ тайны: свѣтъ остался по прежнему достояніемъ избранниковъ, такъ какъ запись была символической, непонятной для непосвященныхъ. Смарагдовыя таблицы, на которыхъ Іосифъ-пустынножитель записалъ то, что зналъ, были положены имъ въ Мемфисскомъ храмѣ, въ Египтѣ. Тамъ онѣ хранились египетскими мудрецами и магами. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію избранниковъ, таинственная запись дошла до Соломона. Онъ первый привелъ записанное въ систему и первый же основалъ братство „вольныхъ каменщиковъ"—строителей жизни. Задумавъ постройку извѣстнаго храма, долженствовавшаго имѣть символическое значеніе, онъ пригласилъ 130.000 каменщиковъ разныхъ націй и раздѣлилъ ихъ на три разряда, или на три степени, и каждой изъ этихъ степеней далъ извѣстную организацію: то были степени мастеровъ, товарищей и учениковъ. Каждая изъ этихъ степеней получила свои правила и отличающіе ее отъ прочихъ знаки и слова; причемъ правила, слова и знаки высшихъ степеней не были извѣстны низшимъ.

Такова легенда, сказка, придуманная масонами для объясненія древности происхожденія масонства.

Въ дальнѣйшемъ, по объясненію масоновъ, исторія масонства была такова: братства вольныхъ каменщиковъ существовали и въ языческой Греціи, и въ языческомъ Римѣ, главнымъ образомъ, среди людей, занимавшихся строительнымъ искусствомъ. Существовали вольные каменщики и среди христіанъ Рима. Спасаясь отъ преслѣдованій, эти христіане-масоны перебрались будто бы изъ Рима въ Англію и перенесли свое ученіе

въ тамошнюю корпорацію мастеровыхъ. Изъ Англіи ученіе распространилось на сосѣднія Шотландію и Ирландію, охвативъ, такимъ образомъ, всю Великобританію. Здѣсь ученіе вольныхъ каменщиковъ получило скоро вполнѣ стройную организацію и, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, превратилось въ нравственное ученіе, основнымъ положеніемъ котораго стало слѣдующее правило: „противодѣйствуй злу не зломъ, а добромъ".

Но какова бы ни была легенда о происхожденіи масонства, изъ исторіи мы знаемъ положительно, что первыя масонскія ложи хотя и возникли дѣйствительно въ Англіи, но не далѣе начала XVIII стол. Отсюда масонское ученіе тогда же перешло на европейскій материкъ, въ другія государства.

Разсмотримъ теперь подробнѣе, каково было это ученіе и въ чемъ оно заключалось, такъ какъ выше мы намѣтили лишь въ общихъ чертахъ духъ ученія.

Масонское ученіе раздѣляется на двѣ части: одну изъ нихъ можно назвать духовно-нравственной, другую—научной, философской. Первая, указывая на нестроенія жизни, говорила, что эти нестроенія есть результатъ человѣческой испорченности, и, взывая противъ упадка нравственности, указывала истинные пути къ спасенію; вторая стремилась удовлетворить другой потребности общества—дать пищу любознательному уму. Сообразно съ этимъ раздѣленіемъ на двѣ части, масонство преслѣдовало и двѣ цѣли: 1) познаніе самого себя и 2) познаніе Бога и природы.

Духовно-нравственный отдѣлъ масонскаго ученія очень обширенъ. Онъ указываетъ человѣку идеалы, къ которымъ онъ долженъ стремиться. Какіе же это идеалы? На своемъ образномъ, символическомъ языкѣ масоны говорили, что они хотятъ возстановить Соломоновъ храмъ. Но для возсозданія этой благолѣпной святыни нужны не камни тлѣнные, а самъ человѣкъ; должно очистить сердца людей, и изъ людского братства, воздвигнутаго на началахъ вѣры и любви, составится храмъ Соломона. Поэтому первая цѣль истиннаго свободнаго каменщика—самоусовершенствованіе. „Всѣ человѣче-

скія дѣйствія,—учатъ масоны,—стремятся къ расширенію своихъ совершенствъ, и расширеніе совершенствъ есть та тайная пружина, которая дана Творцомъ человѣку для побужденія его къ достиженію сокрытаго въ немъ паденіемъ совершеннаго образа Божія". Это самоусовершенствованіе называлось на символическомъ языкѣ масоновъ „работой надъ дикимъ камнемъ", т. е. надъ очищеніемъ грѣховнаго человѣка. Для того, чтобы очиститься отъ недостатковъ, человѣкъ долженъ прежде всего стараться *познать самого себя*, узнать, что въ немъ хорошо и что худо, и найти средства исправить дурное. „Мы работаемъ,—говорится въ одномъ старинномъ масонскомъ сборникѣ,—въ трехъ предворіяхъ и притворѣ. Надпись перваго предворія есть: *„познай самого себя"*; надпись второго: *„убѣгай зла"*; надпись третьяго: *„стремись къ добру"*. Въ тѣнистомъ переходѣ притвора: *„ищи въ самомъ себѣ истину"*.

По ученію масоновъ, стремленіе къ добру, убѣганіе зла достигались покореніемъ низменныхъ страстей. Это ученіе, между прочимъ, повело къ обвиненію масоновъ въ полнѣйшемъ отрицаніи земной жизни. Но зломъ масоны вовсе не считаютъ самый міръ, а только его пороки, „которыми одержаны его чада".—„Убѣгай зла"—не значитъ „убѣгай міра". „Человѣкъ, скитающійся по полямъ безъ просвѣщенія и убѣгающій общества,—учатъ масоны,—былъ бы менѣе способенъ къ исполненію намѣреній Провидѣнія и къ достиженію всего блага, ему представленнаго; существо его расширяется посреди ему подобныхъ; разумъ его укрѣпляется стеченіемъ различныхъ мнѣній". „Свободный каменщикъ,—гласитъ одинъ масонскій сборникъ,—никогда не перестаетъ быть человѣкомъ, и свободное каменщичество тѣмъ больше приближаетъ еще каждаго къ человѣчеству". Въ ученіи масоновъ нѣтъ ненависти къ міру,—вездѣ преобладаетъ любовь къ человѣчеству; это ученіе любви: „Ежели нѣжное сердце твое,—читаемъ мы въ „Уставѣ свободныхъ каменщиковъ",—пожелаетъ обнять человѣколюбія огнемъ всѣхъ людей и всѣ народы, ежели, восходя къ общему началу, возревнуешь лобызать нѣжно всѣхъ, имѣющихъ такіе же составы,

акую же въ любви нужду, такое же желаніе быть поезнымъ и одну безсмертную душу, какъ и ты, то иди ъ храмы наши воскурить на жертвенникѣ святого человѣчества! *Вселенная есть отечество каменщика, и зъ принадлежащаго человѣку для него нѣтъ ничего уждаго*“ *).

Что масонство не ставило человѣку однѣ только ичныя цѣли, это видно и изъ слѣдующаго опредѣленія нравственной цѣли, дѣлаемаго однимъ опытнымъ асономъ:

„Масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, коорымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить хъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ аблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимюй любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не реслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: згладить между людьми предразсудки кастъ, условыхъ различій происхожденія, мнѣній и національноcтей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе; искоренить еждународныя вражды и бѣдствія войны; посредтвомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть зарѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи отораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и олному развитію всѣхъ своихъ способностей; споспѣшествовать всѣми силами общему благу и сдѣлать таимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно емейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда“ **).

Конечно, не всѣ масоны усвоили себѣ такое возышенное пониманіе масонства, но по частямъ эта хаактеристика повторяется во множествѣ масонскихъ роизведеній.

Что касается научной, философской стороны масонства, то она была цѣликомъ заимствована изъ средевѣковья. Но то, что было возможно и что даже влялось прогрессомъ въ умственной жизни среднихъ ѣковъ, то представлялось нелѣпымъ и смѣшнымъ въ

*) *Семека.* „Русскіе розенкрейцеры“. стр. 15.
**) *Лонгиновъ.* „Н. И. Новиковъ и московскіе мартинисты“.

Добиться высшихъ степеней было поэтому очень заманчиво. Титулы этихъ степеней бывали обыкновенно очень пышные, что тоже льстило ихъ будущимъ обладателямъ, а впереди мерещилась какая-то великая тайна, обладаніе которой могло уже не только льстить самолюбію, но и было драгоцѣнно, такъ какъ лишь высшія степени вводили ихъ носителя въ кругъ знакомства съ тайными—*мистическими*--науками, вродѣ каббалистики, магіи и алхиміи, открывали тайны златодѣланія и давали въ руки философскій камень. Чему же учила алхимія? Да по ученію алхимиковъ, каждое тѣло состоитъ изъ трехъ началъ: соли, сѣры и меркурія. Поэтому каждый металлъ имѣетъ въ себѣ скрытыми другіе металлы. Золото—самый совершенный металлъ, такъ какъ въ немъ находятся въ одинаковой пропорціи всѣ три начала. Всѣ металлы живутъ тою же жизнью, что и растенія, и стремятся сдѣлаться золотомъ; разница между ними и золотомъ только въ пропорціи. Слѣдовательно, чтобы получить изъ любого металла золото, стоитъ только найти „сѣмя металловъ", извлечь его, высушить, обратить въ порошокъ и примѣшивать полученный порошокъ къ разнымъ металламъ въ различной пропорціи; этотъ порошокъ, или философскій камень, обладалъ, кромѣ того, способностью излѣчивать всѣ болѣзни. Таково въ краткихъ чертахъ ученіе алхимиковъ. На эти фантазіи и бредни было потрачено въ теченіе среднихъ вѣковъ много ученой работы, усилій и даже ума; о нихъ сохранилась цѣлая обширная литература, но потомъ и эти бредни, и книги о нихъ были позабыты и погребены въ пыли архивовъ. Но въ XVIII вѣкѣ ихъ снова извлекли изъ этой пыли масоны. Толстыя старыя книги со странными рисунками и страннымъ языкомъ были переведены трудами масонской братіи и снова выплыли на свѣтъ, увлекая людей, главнымъ образомъ, малосознательныхъ, для которыхъ истинная наука недоступна; впрочемъ, наряду съ малосознательными людьми, странныя бредни эти захватывали и людей дѣйствительно просвѣщенныхъ, людей, жаждавшихъ духовнаго удовлетворенія и не находившихъ или не умѣвшихъ его найти въ окружающей

съ дѣйствительности. Въ своемъ увлеченіи и тѣ, и ;ругіе видѣли за темными, туманными и фантастичекими образами и фразами этихъ старыхъ книгъ какое-) таинственное и заманчивое содержаніе, которое порно пытались разгадать, но — увы! — безуспѣшно.)днако, неудачи не расхолаживали этихъ искателей стины, а заставляли, наоборотъ, еще усерднѣе проэлжать поиски въ туманной старинѣ, въ призрачэмъ знаніи.

Эти странныя фантазіи, наряду съ не менѣе странiми и вычурными обрядами пріема новопосвящаемыхъ › ложу и при переходѣ изъ степени въ степень,— ›рядами, съ которыми мы познакомили читателя выше,— іли ложной стороной масонства. Но мы знаемъ уже, о не только это ложное отражалось въ масонствѣ: › немъ нашли отголосокъ и многія изъ лучшихъ ремленій XVIII вѣка, такъ какъ масонство провозасило уничтоженіе „предразсудковъ кастъ и условіхъ различій происхожденія"; оно проповѣдывало ›атскую любовь и терпимость и хотѣло быть *христіанимъ*, а не церковнымъ. Самый фактъ быстраго рас›остраненія масонства въ Западной Европѣ показыетъ, что оно вѣрно угадало затаенную мысль общева, которое уже тяготилось въ это время сословными ивилегіями, съ негодованіемъ смотрѣло на ожестонную вражду христіанскихъ исповѣданій и сектъ и ло крайне недовольно оффиціальною церковностью, неподвижностью и безжизненностью.

Люди тяготились старою жизнью, задыхались въ ея кихъ рамкахъ и жадно искали новыхъ формъ, когда илось масонство съ его попыткой примѣнить на дѣлѣ выя понятія, бродившія въ томъ вѣкѣ. Немудрено, э эта попытка была встрѣчена сочувственно, и недрено, что масонство стало быстро распространяться. ашли ли въ немъ эти люди то, чего они искали?— о другой вопросъ. Но имъ казалось, что они найдутъ! . не только имъ это казалось. „Развѣ въ этомъ тоариществѣ, — говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ поздѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей литературныхъ

и общественныхъ явленій XVIII вѣка *), — уже не были уничтожены всякія отличія сословій и вѣроисповѣданій? Поэтому легко было сдѣлать еще шагъ дальше и также уничтожить всякія другія рамки, отчуждающія человѣка отъ человѣка, или, еслибы это не удалось, по крайней мѣрѣ, ослабить и смягчить самыя вредныя ихъ стороны. Почему бы изъ этого товарищества не могъ образоваться мало-по-малу союзъ, въ которомъ бы братски встрѣтились люди всѣхъ вѣроисповѣданій, сословій и климатовъ?..“

---

*) *Геттнеръ.*

ГЛАВА VI.

Первые шаги масонства въ Россіи.

Первыя вполнѣ достовѣрныя извѣстія о русскихъ послѣдователяхъ масонства относятся къ концу сороковыхъ годовъ, и эти извѣстія рисуютъ русскихъ масоновъ елизаветинскаго времени такими красками, которыя мало соотвѣтствуютъ вышесдѣланной общей характеристикѣ масонства. Въ Россіи масонство на первыхъ порахъ получило характеръ забавы отъ нечего дѣлать, стало „моднымъ" развлеченіемъ. Въ тѣ времена была „на умы и на знанія мода, какъ на пряжки и на пуговицы". Въ масонскихъ собраніяхъ люди высшаго круга, въ которомъ прежде другихъ распространилось масонство, видѣли лишь занимательныя сборища съ оригинальными обрядами,—сборища, въ которыхъ можно было время провести и людей повстрѣчать. Людей иныхъ, не аристократическихъ круговъ, привлекала къ масонству, съ одной стороны, возможность попасть въ одно общество съ аристократами и съ сильными и вліятельными вельможами, съ другой—надежда получить черезъ масонскія связи повышеніе по службѣ или иначе какъ устроить свои дѣла и дѣлишки. Словомъ, однихъ масонство привлекало потому, что оно было моднымъ ученіемъ и интересной забавой, а другихъ толкали въ масонскія ложи разсчетъ и тщеславіе. Среди первыхъ масоновъ елизаветинской эпохи не было и мысли о томъ, что масонство можетъ стать общественной силой, что имъ, какъ организаціей, можно

воспользоваться для проведенія въ жизнь тѣхъ ид
какія оно проповѣдывало. Весьма вѣроятно, наши п
вые масоны и не подозрѣвали, что въ масонствѣ е
какое-нибудь серьезное содержаніе. Правда, въ ложа
читались поученія, но въ ихъ смыслъ никто не в
калъ и о нихъ быстро забывали за веселыми „сто
выми ложами".

Въ пятидесятыхъ годахъ въ масонскій орденъ вс
пилъ не безызвѣстный въ исторіи русскаго масонс
И. П. Елагинъ. Изъ его записокъ можно почерпн
много любопытныхъ свѣдѣній о тогдашнемъ русск
масонствѣ. По его собственному признанію, всту
въ масонскую ложу, онъ руководился тогда, главнь
образомъ, „побужденіями любопытства и тщеслав
ему хотѣлось узнать сокровенныя тайны масонств
„побыть хотя минуту въ равенствѣ съ такими люд
кои въ обществѣ знамениты, и чинами, и досто
ствами, и знаками отъ меня удалены суть". Друг
словами, онъ не смотрѣлъ на свое вступленіе въ мас
ство серьезно. Поступивъ въ орденъ, Елагинъ быс
убѣдился, что и „вельможи" тоже вовсе не серье
смотрятъ на „братскій" союзъ. Надо сказать, что
пятидесятыхъ годахъ собранія масоновъ носили
вершенно характеръ клубовъ съ обычными клуб
занятіями: билліардомъ, карточной игрой и весел
ужинами въ „столовыхъ ложахъ". Только торжест
ные пріемы новичковъ и посвященія изъ степени
степень напоминали о масонствѣ. Но такое масонс
разумѣется, не давало, по выраженію Елагина, „п
ни уму, ни сердцу". „Не пріобрѣлъ я изъ тогдашн
работъ нашихъ, — пишетъ Елагинъ, — ни тѣни
кого-либо ученія, ниже преподаяній нравственных
видѣлъ только обряды странные, дѣйствія безра
ныя... Въ такомъ безплодномъ упражненіи откры
мнѣ только та истина, что ни я, ни начальники м
новъ иного таинства не знаютъ, какъ развѣ со
пеннымъ видомъ въ открытой ложѣ шутить и при
жественной вечери за трапезой неистовымъ вопл
непонятныя ревѣть пѣсни и насчетъ ближняго х
шимъ упиваться виномъ".

Совершенно разочаровавшись въ масонствѣ, Елагинъ сталъ искать просвѣщенія разума" въ книгахъ „такъ называемыхъ новыхъ философовъ и ансиклопедистовъ, въ славѣ тогда находившихся",—другими словами, удался „въ вольтеріанство", сталъ вольнодумцемъ. Однако, и этотъ путь не удовлетворилъ Елагина: сознаніе, что онъ „дерзнулъ забыть вѣру, въ которой родился, страхъ Божій, повергло его очень скоро въ „сердечный трепетъ". Его встревоженная совѣсть требовала успокоенія, и онъ бросился искать этого успокоенія въ бесѣдахъ „съ просвѣщенными и учеными руководителями". Къ его величайшему удивленію, эти руководители оказались масонами. Такъ, значитъ, онъ, Елагинъ, что-то проглядѣлъ въ масонствѣ; значитъ, въ этомъ столь знакомомъ и пустомъ, какъ ему казалось, ученіи было что-то, что ему осталось неизвѣстнымъ, чего онъ не зналъ! Тогда Елагинъ снова ударяется въ масонство, жадно набрасывается на масонскую литературу, „за безумно истраченныя деньги" собираетъ громаду писаній", вступаетъ въ высшія степени масонства, чтобы проникнуть въ его сокровенныя тайны, входитъ въ сношенія съ заграничными масонами. Но напрасно! Во всемъ этомъ онъ опять-таки не можетъ почерпнуть „ничего удовлетворительнаго", а видитъ токмо разныя человѣческія умствованія, иныя острыя разумныя, другія нелѣпыя и весьма глупыя". Ключъ къ истинной „тайнѣ" масонства опять остается сокрытымъ отъ глазъ Елагина.

А между тѣмъ этотъ ключъ, котораго съ такимъ трудомъ и расходами добивался Елагинъ и ему подобные, былъ гораздо ближе и не тамъ, гдѣ они его искали. Для этого не надо было вовсе ѣздить ни въ Швейцарію, ни въ Англію, ни въ Германію. Не тамъ его слѣдовало искать, а „въ собственномъ сердцѣ и собственной волѣ" *). Тамъ нашли его тѣ, кто дѣйствительно задыхался въ обстановкѣ русской жизни, кто дѣйствительно искалъ выхода изъ ужасной русской дѣйствительности, въ которой такъ безраздѣльно

---

*) ***Милюковъ.*** „Очерки изъ исторіи русской культуры".

влѣзали въ долги, и всѣхъ засасывала пошлость такой жизни.

Новиковъ служилъ тоже въ гвардіи, но онъ не утонулъ въ пошлостяхъ и барской лѣни окружавшаго его общества. Вмѣсто того, чтобы тратить драгоцѣнное время на разгулъ и забавы, онъ, получивъ досугъ, увлекся чтеніемъ и ревностно пополнялъ скудный запасъ своихъ знаній. Одно обстоятельство дало въ то же время сильный толчокъ развитію Новикова.

Въ 1767 г. начали отправлять въ Москву молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ для занятія письмоводствомъ въ знаменитой екатерининской комиссіи депутатовъ для составленія новаго уложенія. Въ числѣ прочихъ былъ взятъ и Новиковъ, какъ человѣкъ, выдававшійся образованіемъ среди товарищей.

Какъ извѣстно, еще до воцаренія и въ первую половину своего царствованія императрица Екатерина увлекалась идеями передовыхъ французскихъ мыслителей и даже пыталась перенести эти идеи съ французской почвы на русскую. Какое вліяніе имѣли на нее идеи французскихъ философовъ, видно изъ собственноручныхъ ея замѣтокъ, веденныхъ ею въ бытность великой княгиней и позднѣе. Въ нихъ, напримѣръ, читаемъ слѣдующее: „Свобода—душа всего на свѣтѣ; безъ тебя все мертво...“ „Хочу повиновенія законамъ, а не рабовъ...“ „Противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать людей (которые всѣ родятся свободными) рабами“. Подъ вліяніемъ французскихъ же мыслителей составляла она и свой знаменитый „Наказъ“ о созывѣ комиссіи для составленія новаго уложенія,—наказъ, ставившій „блаженство всѣхъ и каждаго“ высшей задачей законодателя. Екатерина сознавала, что новые законы—необходимы. „Но какъ узнать, хорошъ или нѣтъ новый законъ?“ „Недостаточно быть просвѣщеннымъ и имѣть наилучшія намѣренія и даже власть исполнить ихъ,—записываетъ Екатерина:—надобны еще обдуманные пріемы дѣйствія, подходящіе исполнители, подготовленные умы и слаженные интересы“. „Мое собраніе депутатовъ вышло удачнымъ,—пишетъ она позднѣе въ другомъ мѣстѣ,—потому что я сказала имъ: знайте, вотъ каковы

ГЛАВА VII.

Новиковъ и начало его дѣятельности.

Сынъ достаточнаго, но небогатаго дворянина, Ни-колай Ивановичъ Новиковъ 16-ти лѣтъ былъ исключенъ изъ дворянской гимназіи при Московскомъ университетѣ за „лѣность“ и „нехожденіе во французскіе классы“. Систематическаго образованія онъ не получилъ никакого. Очутившись на свободѣ, молодой Новиковъ поступилъ, по обычаю большинства молодыхъ людей дворянскаго званія, въ военную службу. Тогда царствовалъ Петръ III. Служба при немъ была очень тяжелой, и молодому Новикову приходилось волей-неволей посвящать все свое время труднымъ и непривычнымъ для него занятіямъ. Однако, обстоятельства измѣнились скоро въ благопріятную для Новикова сторону. 28-го іюня 1762 г. произошелъ государственный переворотъ. Императрицею была провозглашена Екатерина II. При ней военная служба пріобрѣла совсѣмъ иной характеръ: она сдѣлалась не столько службой, сколько свѣтскимъ времяпрепровожденіемъ. Войска, въ особенности гвардію, явно баловали, такъ какъ съ ихъ помощью былъ совершенъ переворотъ. Въ гвардіи празднества смѣнялись празднествами. Офицеры старались превзойти другъ друга въ роскоши и безумныхъ кутежахъ. Жить на широкую ногу, держать карету и, по крайней мѣрѣ, четверку лошадей, роскошную квартиру и толпу дворовой челяди стало для каждаго гвардейца почти обязательностью. Бѣдные тянулись за богатыми и

что всѣ тѣ успѣхи, которыхъ достигла Россія, ограничиваются верхами, поверхностью государственной и общественной жизни, а до глубины не доходятъ. Они показали, что до деревни не дошли ни судъ, ни администрація; что населеніе деревни, безъ различія сословій, остается безъ всякой защиты закона; что, за отсутствіемъ этой защиты, борьба сильнаго и слабаго ведется въ деревнѣ въ формахъ, свойственныхъ самому первобытному обществу: „сильный безсильнаго, богатый небогатаго, кто съ кого сможетъ, тотъ того и разоряетъ" „слабый сильному всегда лучше уступитъ, чѣмъ начать продолжительное и для себя разорительное дѣло". Подобныя замѣчанія не разъ попадаются въ наказахъ. Противъ этого „главнѣйшаго зла" и направленъ единодушный вопль, несущійся изъ провинціи. Провинція жаждетъ получить прежде всего судъ и управленіе, *близкое* къ населенію и доступное для него. Населеніе хочетъ также у себя дома учиться, лечиться, пользоваться кредитомъ; оно требуетъ устройства провинціальныхъ школъ, банковъ, аптекъ, требуетъ лекарей *) Въ тѣхъ же наказахъ вскрылась непримиримая рознь сословныхъ интересовъ. Требовали исключительныхъ привилегій, сословныхъ монополій и только въ одномъ печальномъ желаніи разные классы общества дружно сошлись съ дворянствомъ—въ желаніи имѣть крѣпостныхъ**). Дворянство, купечество и духовенство, по выраженію Соловьева, объединились „въ дружномъ и страшно печальномъ крикѣ: „рабовъ!". Другими словами, крѣпостное право не только защищали, но желали даже его распространенія, такъ какъ купеческіе депутаты и депутаты отъ духовныхъ просили предоставить и имъ право владѣть крестьянами, какъ уже владѣютъ ими дворяне. „Однако, поверхъ всей этой неурядицы противорѣчивыхъ понятій, взаимныхъ сословныхъ недоразумѣній, неслаженныхъ или враждебныхъ интересовъ, дѣлавшихъ невозможнымъ составленіе стройнаго, справедливаго и для всѣхъ безобиднаго

*) *Милюковъ.* „Очерки по исторіи русской культуры".
**) *Ключевскій.* „Императрица Екатерина II". (Р. М. 1896 г. 11).

мои начала; теперь выскажите свои жалобы: гдѣ башмакъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся это поправить; у меня нѣтъ системы,—я желаю только общаго блага".

Депутаты отъ разныхъ мѣстъ и сословій, призванные манифестомъ 14-го декабря 1766 г., должны были привезти съ собой наказы отъ своихъ избирателей съ изложеніемъ мѣстныхъ „общественныхъ нуждъ и отягощеній" и потомъ принять участіе въ трудахъ комиссіи по составленію проекта новаго уложенія. Такимъ образомъ на мѣстныя общества возлагалась задача не только обсудить свое положеніе, свои интересы и потребности, но и согласить ихъ съ положеніемъ и интересами всего государства.

Вызовъ депутатовъ отъ разныхъ сословій для составленія уложенія не былъ новостью для Россіи: онъ не разъ уже практиковался въ до-петровской Руси; къ нему прибѣгали и ближайшіе предшественники Екатерины. Когда Екатерина вступала на престолъ, въ Петербургѣ уже работало собраніе депутатовъ, созванное Елизаветой Петровной; созывались такія собранія и раньше царствованія Елизаветы, такъ что Екатерина не дѣлала тутъ никакого новшества. Но всѣ вызовы депутатовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка были неудачны: вмѣсто „добрыхъ и знающихъ людей", провинція неизмѣнно посылала въ Петербургъ старыхъ и увѣчныхъ, отчасти потому, что относилась къ требованіямъ правительства формально и смотрѣла на посылку депутатовъ, какъ на досадную повинность; отчасти же потому, что подходящихъ людей и не было тогда среди помѣщиковъ, оставшихся жить въ своихъ деревняхъ. Не то вышло на этотъ разъ. Населеніе отнеслось къ выборамъ внимательно: избиратели, очевидно, начали сознавать, хотя бы и смутно, что работа надъ уложеніемъ не есть повинность, а общественный долгъ. Вотъ почему новая комиссія, хотя она и кончилась неудачно, имѣла огромное значеніе для русскаго общества, въ особенности для его мыслящей части.

Съѣхавшіеся депутаты представили наказы отъ своихъ избирателей; и эти наказы развернули передъ русскимъ обществомъ ужасающую картину. Они показали,

что всѣ тѣ успѣхи, которыхъ достигла Россія, огра
чиваются верхами, поверхностью государственно
общественной жизни, а до глубины не доходятъ. (
показали, что до деревни не дошли ни судъ, ни ад
нистрація; что населеніе деревни, безъ различія сос
вій, остается безъ всякой защиты закона; что, за отс
ствіемъ этой защиты, борьба сильнаго и слабаго веде
въ деревнѣ въ формахъ, свойственныхъ самому пер
бытному обществу: „сильный безсильнаго, богатый не
гатаго, кто съ кого сможетъ, тотъ того и разоряет
„слабый сильному всегда лучше уступитъ, чѣмъ
чать продолжительное и для себя разорительное дѣл
Подобныя замѣчанія не разъ попадаются въ наказа
Противъ этого „главнѣйшаго зла" и направленъ е
нодушный вопль, несущійся изъ провинціи. Провин
жаждетъ получить прежде всего судъ и управлен
близкое къ населенію и доступное для него. Населе
хочетъ также у себя дома учиться, лечиться, поль
ваться кредитомъ; оно требуетъ устройства прови
ціальныхъ школъ, банковъ, аптекъ, требуетъ лекарей
Въ тѣхъ же наказахъ вскрылась непримиримая роз
сословныхъ интересовъ. Требовали исключительны
привилегій, сословныхъ монополій и только въ о
номъ печальномъ желаніи разные классы общест
дружно сошлись съ дворянствомъ—въ желаніи имѣ
крѣпостныхъ**). Дворянство, купечество и духовенст
по выраженію Соловьева, объединились „въ дружно
и страшно печальномъ крикѣ: „рабовъ!". Другими сл
вами, крѣпостное право не только защищали, но ж
лали даже его распространенія, такъ какъ купечес
депутаты и депутаты отъ духовныхъ просили пред
ставить и имъ право владѣть крестьянами, какъ у
владѣютъ ими дворяне. „Однако, поверхъ всей эт
неурядицы противорѣчивыхъ понятій, взаимныхъ с
словныхъ недоразумѣній, неслаженныхъ или вражде
ныхъ интересовъ, дѣлавшихъ невозможнымъ состав
ніе стройнаго, справедливаго и для всѣхъ безобидна

---

*) *Милюковъ*. „Очерки по исторіи русской культуры".
**) *Ключевскій*. „Императрица Екатерина II". (Р. М. 1896 г. 1

уложенія, откуда-то шло теченіе, которое несло сѣмена будущаго лучшаго порядка: оно проявлялось въ требованіяхъ изданія закона „къ приведенію разнаго званія народа въ содружество“, всесословнаго участія въ мѣстномъ управленіи, учрежденія „краткихъ словесныхъ судовъ, вѣротерпимости, учрежденія академій, университетовъ, гимназій, городскихъ и сельскихъ школъ и т. п. Это теченіе шло изъ общаго возбужденія умовъ, начавшагося вмѣстѣ съ царствованіемъ Екатерины. Комиссія его усилила. Не всѣ депутаты были люди „способнѣйшіе и чистыя совѣсти“, какъ требовалъ законъ; но они встрѣтились въ комиссіи съ представителями высшихъ правительственныхъ учрежденій и полтора года сидѣли плечо съ плечомъ, присмотрѣлись другъ къ другу и сблизились, обмѣнялись мыслями, напряженно обсуждая важнѣйшіе вопросы общенароднаго блага и государственнаго благоустройства, памятуя призывъ со стороны власти при открытіи комиссіи: „слава ваша въ вашихъ рукахъ“. Вмѣстѣ съ этимъ призывомъ депутаты разнесли по всей Россіи аксіомы, усвоенныя изъ Наказа, и впечатлѣнія, вынесенныя изъ этой совмѣстной работы“ *).

Помимо депутатовъ, работы комиссіи и положенія Наказа не остались безъ вліянія и на другихъ участниковъ комиссіи, вродѣ Новикова и его товарищей. Новиковъ, ведя отчеты собраній, былъ не разъ свидѣтелемъ шумнаго обмѣна мнѣній, особенно по крестьянскому вопросу. Передъ нимъ впервые открылись разнообразные вопросы русской жизни. Тутъ онъ впервые познакомился съ русскимъ судоустройствомъ, съ положеніемъ и безправіемъ крестьянъ. Передъ нимъ развернулась воочію оборотная сторона русской жизни со всѣмъ ея мракомъ и невѣжествомъ не только низшихъ, но и высшихъ классовъ. Изъ этой комиссіи Новиковъ не могъ не вынести мысли о необходимости просвѣщенія, о необходимости борьбы съ дикостью и невѣжествомъ.

По окончаніи работъ въ комиссіи Новиковъ вер-

*) *Ключевскій*. „Имп. Екатерина II“. (Р. М. 1896 г. 11).

нулся въ Петербургъ и здѣсь, въ 1768 г., вышелъ въ отставку, задумавъ посвятить свои силы литературной работѣ. Ему было въ это время 24 года. Онъ началъ съ изданія сатирическаго журнала. Сатира уже занимала тогда въ литературѣ первенствующее мѣсто, и сатирическіе журналы были въ ходу, такъ что Новиковъ не былъ піонеромъ въ дѣлѣ издательства такого журнала. Жизнь такъ называемаго „общества", вытягивавшаго изъ народа трудовыя денежки и проматывавшаго ихъ подъ болтовню о человѣческомъ равенствѣ, давала богатую пищу сатирѣ. Но большинство сатирическихъ журналовъ только скользило по поверхности этой жизни; ихъ сатира не шла дальше веселаго смѣха. Новиковъ взглянулъ на взятую имъ на себя задачу гораздо серьезнѣе. Одной изъ постоянныхъ темъ Новикова было положеніе крестьянъ. Онъ говорилъ о томъ, „какъ мало помѣщики имѣютъ попеченія о земледѣліи и какъ велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество государства составлять должны"; онъ описывалъ „плоды жестокости и страха", столь явно выступавшіе въ народѣ, и пересказывалъ, почему „крестьяне боялись своихъ господъ въ красныхъ кафтанахъ, какъ дикихъ звѣрей"; онъ настойчиво возвращался къ объясненію того, что „крестьяне такіе же человѣки, какъ и ихъ господа"; возвращался къ изображенію нелѣпаго высокомѣрія господъ, воображающихъ, что они принадлежатъ къ „высшей породѣ", и т. д. Въ теченіе десяти лѣтъ работалъ Новиковъ на журнальномъ поприщѣ, издавая послѣдовательно три журнала: „Трутень", „Живописецъ", „Кошелекъ"; но литературно-издательская дѣятельность не давала ему, повидимому, полнаго удовлетворенія. Иная дѣятельность влекла его къ себѣ. Первый ясный намекъ на эту дѣятельность находимъ на страницахъ его „Живописца": сообщая своимъ читателямъ о только что учрежденномъ императрицею „Обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ", Новиковъ называетъ это общество „наипохвальнѣйшимъ и полезнѣйшимъ учрежденіемъ, о какомъ только *честнымъ* людямъ помышлять дозволяется". Но мало,—тутъ же прибавляетъ онъ,—*издать*

книгу,—*надо дать ее въ руки читателю*; только при такомъ пониманіи дѣла книгоиздательство явится дѣйствительно живымъ дѣломъ.

„Петербургъ и Москва,—пишетъ онъ,—имѣютъ способы покупать книгу, заводить книгохранилища и употреблять ихъ въ свою пользу, лишь только была бы у покупающихъ охота... Но живущіе въ отдаленныхъ провинціяхъ дворяне и купцы лишены способовъ покупать книги и употреблять ихъ въ свою пользу. Напечатанная въ Петербургѣ книга черезъ трое или четверо рукъ дойдетъ, напримѣръ, въ Малую Россію; всякой накладываетъ неумѣренный барышъ, для того что производитъ сію торговлю малымъ числомъ денегъ; и такъ книга, продающаяся въ Петербургѣ по рублю, приходитъ туда почти всегда въ три рубля, а иногда и больше. Черезъ сіе охотники покупать книги уменьшаются, а печатающіе оныя, вмѣсто награжденія за свои труды, часто убытки терпятъ. Вотъ, государь мой, куда должно стремиться намѣреніе сего общества, *но не у пріиде часъ*".

Мало сказать, что Новиковъ любилъ книгу: она была для него средствомъ служить отечеству. „Истина, зародившаяся въ одной головѣ,—говорилъ онъ,—посредствомъ книги родитъ столько же правомыслящихъ головъ, сколько у этой книги читателей". На этой вѣрѣ въ силу книги Новиковъ и построилъ свой будущій планъ дѣйствій: создать читающую публику.

Недостатки русскаго просвѣщенія озабочивали Новикова еще со временъ комиссіи. Для начала Новиковъ задумалъ два параллельныхъ просвѣтительныхъ предпріятія—школу и журналъ, изъ которыхъ одно должно было поддерживать другое, т. е. школа или даже школы должны были содержаться доходами съ журнала. Новиковъ подобралъ себѣ небольшую компанію молодежи и началъ дѣло. И журналъ, и школа пошли хорошо, что, разумѣется, окрылило духъ Новикова и его сотрудниковъ. Кто же были эти его сотрудники? Въ какихъ рядахъ онъ вербовалъ свою компанію молодежи? Да среди масоновъ. И самъ Новиковъ еще съ 1775 г. сдѣлался масономъ, и вотъ какъ это случилось.

Около середины семидесятыхъ годовъ болѣе серьезные масоны, недовольные тѣмъ характеромъ, который все болѣе и болѣе пріобрѣтали петербургскія ложи, превратившіяся въ нѣчто вродѣ клубовъ съ карточными играми и попойками, рѣшили преобразовать масонскія собранія,—для чего прежде всего стали искать новыхъ членовъ, которые могли бы быть имъ полезны своею дѣятельностью, и между прочимъ обратились и къ Новикову. Новиковъ, по его собственнымъ словамъ, переживалъ въ это время тяжелый душевный разладъ. Съ одной стороны, его не удовлетворяла французская просвѣтительная философія,—вольтерьянство казалось ему бездной, въ которой должна погибнуть нравственность; съ другой—онъ питалъ недовѣріе къ духовнымъ учителямъ, т. е. къ священникамъ оффиціальной церкви. Ни тамъ, ни здѣсь онъ не находилъ того религіозно-нравственнаго идеала, котораго искала его душа, и очутился, такимъ образомъ, на распутьи между вольтерьянствомъ и религіей. Въ этомъ-то тяжеломъ душевномъ состояніи Новиковъ, по настоянію одного близкаго лица, вступилъ въ масонскій кружокъ, но на совершенно особыхъ условіяхъ: онъ оставилъ за собой право не давать присяги и уйти изъ кружка, если онъ найдетъ въ стремленіяхъ его что-либо противное своей совѣсти, что-либо идущее вразрѣзъ съ его нравственными воззрѣніями. Вступивъ въ ложу, Новиковъ сталъ жадно знакомиться съ масонствомъ; онъ ходилъ не только въ свою ложу, но и въ другія, сходился съ самыми замѣчательными масонами, вглядывался, вслушивался, но не находилъ разрѣшенія своимъ сомнѣніямъ. Съ одной стороны, ему не нравилась внѣшняя обстановка собраній, ихъ наружный блескъ, обрядность; съ другой—онъ видѣлъ много путаницы и разрозненности въ самомъ ученіи. Не тѣмъ представлялось ему истинное масонство, и онъ продолжалъ упорно искать его. Изъ разговоровъ съ представителями масоновъ различныхъ системъ онъ, между прочимъ, узналъ, что есть и такое масонство, которое подъ внѣшнимъ видомъ масонства преслѣдуетъ цѣли политическія. Разговоры эти произвели сильное впечатлѣніе на Нови-

кова: онъ былъ слишкомъ вѣрноподданный, чтобы мечтать объ отрицаніи существовавшаго у насъ порядка, и послѣ такихъ открытій сталъ очень осторожно относиться къ масонству другихъ, незнакомыхъ ему, системъ. Въ его представленіи масонство должно было быть ученіемъ, которое путемъ самопознанія и духовнаго просвѣщенія ведетъ кратчайшей дорогой къ нравственному исправленію; онъ вѣрилъ, что для устроенія жизни человѣчества надо мѣнять не порядки, среди которыхъ приходится жить человѣчеству, а самого человѣка. Человѣку въ русскомъ обществѣ недоставало строгой нравственности, недоставало стремленія къ глубокому анализу; то и другое могло ему дать масонство. Вотъ почему, несмотря на всѣ колебанія и сомнѣнія, испытанныя имъ при вступленіи въ масонство, Новиковъ не покинулъ масонскихъ рядовъ и, слѣдуя тактикѣ масонства, вступилъ въ ратоборство съ тяжелыми условіями русской дѣйствительности путемъ просвѣтительной работы. Онъ откроетъ путь къ просвѣщенію въ Россіи и тѣмъ дастъ толчокъ къ нравственному усовершенствованію общества, къ началу будущей лучшей жизни Россіи. Таковы были мечты Новикова, и такова стала и въ дѣйствительности будущая его дѣятельность. Новиковъ не подчинился масонству, а масонство подчинилъ своимъ идеаламъ, воспользовался имъ для своихъ преобразовательныхъ цѣлей. Но Петербургъ оказался неподходящимъ мѣстомъ для его работы.

Екатерина не любила масонства, не любила и самого Новикова. Къ масонству она относилась прямо-таки враждебно и не только потому, что считала масонство нелѣпымъ и смѣшнымъ суевѣріемъ и заблужденіемъ, но и по другой причинѣ: въ масонскихъ кружкахъ, въ особенности въ кружкахъ вродѣ новиковскаго, не придававшихъ значенія обрядностямъ, она чувствовала нарождающуюся *общественную силу*, общественную организацію, имѣвшую притязаніе на независимость, на дѣйствія и выступленія помимо ея воли и ея наблюденія. Властный же характеръ Екатерины заставлялъ ее стремиться стоять не только во главѣ государства, но и во главѣ общества. Она была увѣрена, что она одна способ-

на руководить воспитаніемъ общества. Вотъ почему починъ новиковскаго кружка въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія встрѣтилъ такой холодный пріемъ со стороны Екатерины, сторонницы народнаго просвѣщенія, и вотъ почему она, несмотря на свое стремленіе насадить просвѣщеніе въ Россіи, демонстративно уклонилась отъ участія въ новиковской школѣ и не подписалась на новиковскій журналъ, предпринятый для поддержки этой школы. У Новикова уже былъ нѣкоторый опытъ по части того, къ какимъ результатамъ могутъ приводить столкновенія съ императрицею. Этотъ опытъ онъ пріобрѣлъ за время своей сатирической журнальной дѣятельности. Екатерина сама издавала журналъ—„Всякую Всячину“—и думала, что ея журналъ будетъ образцомъ для всѣхъ другихъ журналовъ; почувствовавъ же въ писаніяхъ Новикова иныя ноты, она сначала вступила съ нимъ въ довольно дружелюбную полемику, а потомъ, послѣ статей его въ „Живописцѣ“ о положеніи крестьянъ, обмолвилась и такою рѣчью: „Я плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ... Однако-жъ, пиши осторожнѣе; любя тебя, я сожалѣть буду, если прервется твой журналъ“. Новиковъ не забылъ, какъ пришлось ему закрыть сначала „Трутень“, а потомъ и новое свое дѣтище —„Живописецъ“. Вотъ почему и теперь Новиковъ рѣшилъ перенести свою дѣятельность изъ Петербурга въ Москву, въ которую его къ тому же настойчиво звали тамошніе друзья-масоны. Это было въ 1779 г. За Новиковымъ перебрались въ Москву и тѣ изъ петербургскихъ масоновъ, съ которыми Новиковъ болѣе всего сошелся.

Такъ поле дѣятельности масоновъ было перенесено въ Москву и скоро дало въ ней пышные всходы.

ГЛАВА VIII.

Новиковъ переноситъ свою дѣятельность въ Москву.

Удаленная отъ двора и отъ центра административной власти, Москва имѣла совершенно отличную отъ Петербурга физіономію: она сохранила физіономію стариннаго русскаго города. „Здѣсь все еще носило отпечатокъ старины, отъ староманерныхъ деревянныхъ строеній, лѣниво и капризно тянувшихся на далекое разстояніе, до быта и нравовъ жителей. Человѣку, выросшему въ Петербургѣ и потомъ вдругъ перенесенному въ Москву, старая столица представляла на каждомъ шагу множество антикварныхъ рѣдкостей“... „И народу и глупостей здѣсь больше,—писалъ Сумароковъ императрицѣ Екатеринѣ II:—ста Мольеровъ требуетъ Москва“... „Въ Москвѣ не было ни высшаго чиновничества, обязаннаго сообразоваться со взглядами власти, ни той житейской сутолоки, которая неизбѣжно связана съ повседневнымъ ходомъ громаднаго государственнаго механизма. Петербургъ суетился, поглощенный злобой дня и мелочами жизни; Москва утопала въ роскоши и праздности. Петербургъ дѣйствовалъ; Москва критиковала. Петербургъ создавалъ баловней счастья, въ немъ дѣлали карьеру; въ Москвѣ доживали свои дни всѣ падшія звѣзды и угасшія свѣтила сѣверной столицы. Здѣсь они по-барски прожигали шальныя состоянія, нажитыя въ болѣе счастливые дни; сюда уносили горечь и раздраженіе, копившіяся годами невольной или добровольной ссылки и находившія себѣ единственный исходъ въ томъ, что на языкѣ Екатерины называлось „враньемъ“..*) Словомъ, въ Москвѣ жили всѣ тѣ, кѣмъ Екатерина оставалась недовольна, или которые сами становились недовольными.

Въ этой „атмосферѣ сановнаго брюзжанья“,—мало, конечно, походившаго на политическую оппозицію,—жилось и представителямъ интеллигентнаго русскаго

общественнаго мнѣнія спокойнѣе и независимѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. За спиной московскаго главнокомандующаго, графа Захара Чернышова, не забывшаго еще, что и самъ онъ когда-то, въ дни Елизаветы, былъ масономъ, родовитые и богатые масоны екатерининскихъ временъ чувствовали себя въ сравнительной безопасности,—во всякомъ случаѣ, куда лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Вотъ и причина, почему Москва, а не Петербургъ, стала центромъ масонства.

Перебравшись въ Москву, Новиковъ взялъ въ аренду на 10 лѣтъ московскую университетскую типографію; вмѣстѣ съ нею въ его вѣдѣніе поступила и университетская книжная лавка. Получивъ лавку и типографію въ свои руки, Новиковъ съ жаромъ принялся за осуществленіе своей завѣтной мечты—за идейное книгоиздательство. Работы было много. Книжная торговля въ Москвѣ, можно сказать, почти отсутствовала, такъ какъ совершалась чуть-чуть что не такъ же, какъ въ XVI вѣкѣ. До 1762 г. въ Москвѣ не было ни одной книжной лавки, да и книгъ обращалось мало: торговали больше рукописями, тетрадками и листами. „Если книгами и перебивали нѣкоторые частные люди,—разсказываетъ современникъ,—то безъ всякой коммерческой дальновидности, и гдѣ же? Стыдно сказать: въ Толкучемъ, вмѣстѣ съ желѣзными обломками, наряду съ подовыми, на рогожкахъ или на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ кои на день цѣпныхъ собакъ запирали, такъ что и подойти бывало страшно“ **). Къ пріѣзду Новикова въ Москвѣ были всего двѣ книжныя лавки, годовой оборотъ которыхъ не превышалъ 10 тысячъ рублей. Издательское дѣло велось вяло, не поспѣвая удовлетворять даже спросъ на романы, вродѣ „Бовы Королевича“ или „Еруслана Лазаревича“, такъ что многіе отставные подьячіе кормились перепиской такихъ произведеній. Словомъ, Новикову приходилось начинать дѣло съ самаго начала. Но его это не смутило. Надѣвъ рабочій передникъ, онъ первымъ дѣломъ самъ всталъ и къ ти-

*) *Тихонравовъ*. Сочиненія. *Милюковъ*. „Очерки по исторіи русской культуры“.—**) *Ключевскій* (Р. М. 1095 г. 1).

пографскому станку, и за прилавокъ книжной лавки. Для того времени это было немалымъ шагомъ: тогда даже званіе писателя еще многими считалось постыднымъ, а чтобы дворянину стать типографщикомъ и книжнымъ торговцемъ, надо было имѣть достаточную долю рѣшимости.

Вторымъ дѣломъ Новикова было привлечь къ издательству людей толковыхъ, преданныхъ дѣлу просвѣщенія и желающихъ отдать ему свои силы. Въ Москвѣ найти такихъ людей было куда легче, чѣмъ въ Петербургѣ. Московскій университетъ, несмотря на кратковременность своего существованія, успѣлъ уже оказать благотворное вліяніе на московское общество. Университетская молодежь переносила изъ стѣнъ университета въ общество любовь къ знаніямъ, къ литературѣ и способствовала общенію между наукой и обществомъ. Такимъ образомъ ученые и просто образованные люди переставали быть чуждыми другъ другу. Незадолго до переселенія Новикова въ Москву попечителемъ университета былъ назначенъ Михаилъ Матѳѣевичъ Херасковъ, поэтъ и писатель. Это былъ человѣкъ по-тогдашнему просвѣщенный, свидѣтель и участникъ всего лучшаго въ русской литературѣ XVIII вѣка. Его домъ былъ центромъ всего образованнаго общества Москвы. Такой человѣкъ, какъ Херасковъ, разумѣется, не могъ не сочувствовать дѣятельности Новикова, и у него-то въ домѣ Новиковъ нашелъ нужныхъ для своего дѣла людей. Здѣсь онъ познакомился съ князьями Трубецкими и Черкасскимъ, съ И. П. Тургеневымъ и многими другими московскими масонами, ставшими впослѣдствіи его ближайшими сотрудниками. Но самымъ главнымъ его сотрудникомъ и человѣкомъ, имѣвшимъ на Новикова наибольшее вліяніе, былъ нѣмецъ Шварцъ, Иоганнъ-Георгъ Шварцъ или, по-русски, Иванъ Егоровичъ Шварцъ. Вотъ какъ самъ Новиковъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ:

„Въ одно утро пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался на всю жизнь до самой смерти его неразлучнымъ. Этотъ нѣмчикъ былъ Шварцъ“.

ГЛАВА IX.

На службѣ обществу.

Попавъ откуда-то изъ Трансильваніи домашнимъ учителемъ въ Могилевъ, а потомъ въ Москву, въ университетъ на каѳедру нѣмецкаго языка и философіи, Шварцъ такъ полюбилъ пріютившую его чужбину, какъ не всегда любятъ и родину. Молодость, энергія, разносторонность знаній и удивительная работоспособность—вотъ качества, которыми обладалъ Шварцъ. Полюбивъ Россію, онъ посвятилъ ей всѣ еще молодыя силы своего ума, весь жаръ своего горячаго сердца. Преподавателемъ онъ оказался необыкновенно талантливымъ и быстро завоевалъ симпатіи своихъ слушателей. Къ тому же онъ не ограничивался лекціями, а вступалъ со студентами въ личныя сношенія, бесѣдовалъ съ ними, давалъ имъ книги,—словомъ, сумѣлъ внести жизнь и любовь туда, гдѣ раньше были только сухія формальныя отношенія. Его полюбили не только сами студенты, но и ихъ родители. У него было столько же друзей между пожилыми людьми, сколько и среди младшихъ поколѣній. Эти пожилые люди приходили къ нему благодарить его за заботы объ ихъ дѣтяхъ, звали его къ себѣ. И Шварцъ сталъ бывать во многихъ домахъ, завязалъ дружескія сношенія съ цѣлыми семьями. И вліяніе его не замедлило сказаться и въ домашней обстановкѣ. Трудно сказать, чѣмъ Шварцъ сильнѣе покорялъ своихъ слушателей: увлекательной ли лекціей, или дружеской бесѣдой? Сходиться съ людьми

чтобы просвѣщать ихъ, звать ихъ къ свѣту—было потребностью Шварца. Сначала въ тѣсномъ кружкѣ друзей, а потомъ и въ болѣе широкомъ кругу поклонниковъ и послѣдователей Шварцъ настойчиво твердилъ о необходимости создать въ Россіи такое общество, которое поставило бы себѣ задачей распространеніе просвѣщенія въ Россіи. Онъ будилъ высшее московское общество, гдѣ былъ желаннымъ гостемъ, и настойчиво звалъ его не къ словамъ только, но и къ дѣламъ.

Талантливость Шварца обратила на него вниманіе университетскаго совѣта, который поручилъ ему, во-первыхъ, составить нѣкоторые учебники, а во-вторыхъ—дать критическій отзывъ о существующихъ системахъ преподаванія. Шварцъ съ жаромъ ухватился за порученное ему дѣло, быстро набросалъ рядъ проектовъ, но, за недостаткомъ средствъ, эти проекты грозили остаться благими пожеланіями. Въ числѣ его проектовъ былъ между прочимъ и проектъ объ образованіи учительской семинаріи при университетѣ для подготовки будущихъ учителей и преподавателей. Считая этотъ послѣдній проектъ наиболѣе важнымъ, Шварцъ внесъ вмѣстѣ съ нимъ и свои 5.000 рублей на первые расходы по оборудованію такой семинаріи и, кромѣ того, много книгъ изъ своей личной довольно обширной и цѣнной библіотеки. Внося деньги, онъ былъ увѣренъ, что найдутся и другіе жертвователи, и не ошибся: къ пожертвованію Шварца стали сейчасъ же присоединяться другія пожертвованія отъ разныхъ лицъ изъ того кружка, въ которомъ вращался Шварцъ, между прочимъ и отъ Новикова.

О Новиковѣ и его дѣятельности Шварцъ слыхалъ еще за-границей, вѣроятно черезъ масоновъ, такъ какъ самъ Шварцъ былъ тоже масономъ. Ему уже тогда хотѣлось познакомиться съ Новиковымъ. Въ Москву Шварцъ и Новиковъ попали почти одновременно, оба въ 1779 г. При первомъ же свиданіи ихъ неудержимо потянуло другъ къ другу. И немудрено: въ начинаніяхъ и убѣжденіяхъ этихъ двухъ людей было много общаго. Оба *искали* правды и смысла жизни и оба

обрѣли ее, какъ имъ казалось, въ масонствѣ. Оба понимали, что служить правдѣ можно только на аренѣ общественной и потому отдали всѣ свои силы не на личное дѣло, а на дѣло общественное; оба были прежде всего „людьми и работниками общества“. Словомъ, и Шварцъ, и Новиковъ шли по одному и тому же пути и для успѣха дѣла должны были соединиться. Но по образованію, по опредѣленности и законченности своихъ взглядовъ Шварцъ стоялъ выше Новикова, и потому послѣдній сдѣлался не только другомъ Шварца, но и его ученикомъ.

Идея о созданіи семинаріи встрѣтила, конечно, горячее сочувствіе Новикова. Увѣренные въ успѣхѣ задуманнаго дѣла, Шварцъ, Новиковъ и ихъ ближайшіе друзья вошли сейчасъ же въ сношенія съ епархіальными начальствами, прося присылать въ семинарію способныхъ учениковъ и обѣщая содержать ихъ на собственный счетъ. Одновременно съ этимъ неутомимый Шварцъ уже работалъ надъ новымъ проектомъ—проектомъ организаціи студентовъ. Для этого Шварцъ придумалъ основать студенческое общество („Собраніе университетскихъ питомцевъ“) — нѣчто вродѣ литературнаго кружка, на засѣданіяхъ котораго студенты произносили бы рѣчи, читали и обсуждали бы свои литературные опыты, задумывали бы изданія съ благотворительною цѣлью.

И такое общество вступило въ жизнь уже въ 1781 г. Студенты имъ заинтересовались, собирались очень охотно, слушали рѣчи и чтенія, спорили, высказывали сужденія о новыхъ книгахъ. „Все это было, конечно, молодо, суетливо, немножко нервозно; молодежь больше чувствовала, чѣмъ познавала науку. Но по-тогдашнему и это уже было не мало. Среди студентовъ стала зарождаться нравственная товарищеская солидарность, наклонность къ размышленію, нѣкоторый навыкъ самонаблюденія и та способность загораться отъ идей, которая, какъ фонарь впотьмахъ, предшествуетъ исканію истины“ *).

---

*) *Ключевскій.* „Воспоминанія о Н. Ив. Новиковѣ и его времени“. (Р. М).

Въ 1782 г. совмѣстными усиліями Шварца, Новикова и ихъ ближайшихъ друзей было открыто и то „Дружеское ученое общество"—общество для содѣйствія просвѣщенію въ Россіи, о которомъ такъ настойчиво и такъ страстно мечталъ и хлопоталъ Шварцъ. Оно выросло изъ того кружка, который группировался вокругъ Шварца и Новикова, и въ который входило, съ одной стороны, немало очень богатыхъ московскихъ дворянъ-масоновъ, готовыхъ пожертвовать свои капиталы на общее дѣло, а съ другой—также немало молодежи, готовой отдать на то же общее дѣло свои силы и знанія. Первыя усилія „Дружескаго общества" были направлены, главнымъ образомъ, на изданіе и распространеніе книгъ. Многое въ этомъ отношеніи уже было сдѣлано Новиковымъ. Еще къ концу 1780 г. ему удалось довести свою типографію до такого состоянія, что, по мнѣнію Шварца, она не уступала уже многимъ заграничнымъ; въ теченіе 1779—80 гг. Новиковъ выпустилъ рядъ элементарныхъ руководствъ для первоначальнаго обученія и много книгъ духовно-нравственнаго содержанія; въ 1781 г. онъ уже такъ расширилъ типографское дѣло, что количество отпечатанныхъ имъ книгъ превысило все отпечатанное до сихъ поръ въ университетской типографіи съ ея основанія. Выпуская книги, онъ въ то же время старался отыскать и создать читателя; съ этою цѣлью онъ открылъ въ Москвѣ при книжномъ магазинѣ первую библіотеку для чтенія; а въ Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородскѣ, Глуховѣ и Кіевѣ, при его же содѣйствіи, были открыты книжныя лавки. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы торговля въ нихъ шла бойко и чтобы она была прибыльной: приходилось пріохочивать людей къ чтенію даже такимъ, разумѣется, крайне невыгоднымъ способомъ, какъ дареньемъ книгъ. Словомъ, Новикову нужно было не только много энергіи, но и много матеріальныхъ средствъ, чтобы продолжать начатое дѣло. „Дружеское ученое общество" явилось ему очень кстати на помощь; теперь онъ зналъ навѣрное, что его усилія не пропадутъ даромъ, потому что за нимъ уже

стоитъ цѣлое общество, сплоченное и глубоко преданное идеѣ.

Самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ во всѣхъ начинаніяхъ Новикова былъ, разумѣется, Шварцъ: онъ указывалъ ему книги для перевода, рекомендовалъ переводчиковъ, просматривалъ ихъ переводы, писалъ самъ и т. д. Съ возникновеніемъ „Дружескаго ученаго общества" кипучая натура Шварца нашла еще болѣе широкое поле для примѣненія своей дѣятельности. Оригинальныхъ русскихъ сочиненій тогда еще было мало,—поэтому при выборѣ книгъ для изданій обращались къ иностраннымъ источникамъ; съ этой стороны недостатка въ книгахъ не было, но зато ощущался сильный недостатокъ въ хорошихъ переводчикахъ. Переводы дѣлались обыкновенно университетскою молодежью, среди которой еще очень немногіе могли похвастаться знаніемъ языковъ. Выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ придуманъ опять Шварцемъ: онъ предложилъ „Дружескому обществу" учредить при университетѣ еще одну семинарію, такъ называемую „переводческую" или „филологическую". На первыхъ порахъ въ нее было принято 16 студентовъ. Содержались они на счетъ членовъ кружка; лучшихъ питомцевъ „Дружеское общество" посылало заканчивать образованіе за-границу. Общество подыскивало студентамъ занятія; имъ заказывались литературныя работы, переводы и статьи для изданій „общества"; студенты же были сотрудниками періодическихъ изданій Новикова, вродѣ „Вечерней Зари" и „Покоящагося Трудолюбца". Каждый студентъ—литературный работникъ—могъ всегда получить совѣтъ, разъясненіе у Шварца, очень горячо интересовавшагося литературными пробами молодежи. Однако, и это еще казалось неугомонному Шварцу недостаточнымъ: ему хотѣлось снабдить выходящаго изъ университета студента возможно бòльшимъ запасомъ знаній. Поэтому, сверхъ лекцій въ университетской аудиторіи, онъ сталъ читать еще особый приватный курсъ у себя на дому, и не только для студентовъ, но и для постороннихъ слу-

шателей „всякаго рода и званія“, обративъ, такимъ образомъ, домашнія лекціи въ публичные курсы.

Таковъ былъ этотъ Шварцъ, въ которомъ любовь къ труду такъ гармонически сливалась съ любовью къ людямъ.

Мы уже упоминали, что Шварцъ былъ масономъ; прибавимъ теперь, что въ масонствѣ его увлекала не только одна моральная сторона масонства, исключительнымъ поклонникомъ которой были Новиковъ и московскій масонскій кружокъ, но и многое другое. Идеалистъ и фантазеръ Шварцъ, получившій свое масонское воспитаніе въ Германіи, горячо вѣрилъ, что масонство можетъ открыть тайну слiянія Божества съ природой путемъ изученія тайнъ природы. Первыя открытія въ области химіи, поразившія воображеніе многихъ, только убѣдили его въ возможности такого проникновенія въ тайну начала всѣхъ началъ. Такъ какъ, благодаря открытіямъ химіи, уже стало извѣстно въ это время, что такія, повидимому, простыя вещества, какъ вода, воздухъ, на дѣлѣ оказываются сложными, и ихъ можно разложить на ихъ составные элементы, то явилась надежда открыть еще болѣе первичные элементы, тотъ ключъ къ превращенію однихъ веществъ въ другія, котораго такъ жадно и страстно искали люди въ теченіе многихъ вѣковъ. Эта надежда манила и Шварца и заставляла его тратить всѣ свободныя минуты на различные химическіе опыты. Увлекающійся Шварцъ въ концѣ концовъ увлекъ за собой и другихъ членовъ масонскаго кружка. Всѣ они въ концѣ концовъ спасовали передъ знаніями и убѣжденностью молодого профессора и стали „розенкрейцерами“, т. е. послѣдователями того именно масонскаго ордена, который занимался изслѣдованіемъ Божества въ природѣ. Это былъ орденъ, особенно процвѣтавшій въ Германіи, орденъ со сложной высшей организаціей и съ высшими степенями. Всѣмъ понятныя, простыя положенія англійскаго масонства въ немъ значительно затемнялись туманными порываніями къ таинственнымъ цѣлямъ познанія, къ какой-то высшей задачѣ дѣятельности, все объясняющей и все объединяющей. Свои масонскіе взгляды

Шварцъ проповѣдывалъ не только членамъ кружка, но и въ университетѣ, и на публичныхъ лекціяхъ, бросая сѣмена масонства въ широкую публику, въ ряды непосвященныхъ и подготовляя будущихъ масоновъ.

Такимъ-то образомъ и Новиковъ, и Шварцъ способствовали распространенію и укрѣпленію масонства въ русскомъ обществѣ, одинъ—своею издательскою дѣятельностью, другой—неутомимыми хлопотами въ поискахъ за истиннымъ масонствомъ и своими публичными лекціями. Оба они сумѣли сдѣлать масонство слугою того общественнаго движенія, которое назрѣвало въ русскомъ обществѣ и искало формы, въ какую оно могло бы вылиться.

До 1783 г., за массою дѣла общественнаго, у Шварца почти не оставалось времени для дѣлъ спеціально масонскаго характера; но въ концѣ 1782 г. Шварцу пришлось пережить нѣсколько крупныхъ столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, въ результатѣ которыхъ Шварцъ подалъ въ отставку. Въ февралѣ 1782 г. вернулся изъ чужихъ краевъ, послѣ долгаго пребыванія тамъ, второй кураторъ или попечитель Московскаго университета, ученый грекъ Меллиссино, человѣкъ очень честолюбивый и завистливый. Найдя въ университетѣ множество перемѣнъ и нововведеній, пользу которыхъ онъ не могъ не признать, какъ человѣкъ всетаки умный, и въ особенности узнавъ о роли Шварца во всемъ этомъ, Меллиссино былъ непріятно пораженъ. Однако, онъ не показалъ этого. Идти открыто противъ нововведеній, безусловно полезныхъ, было невыгодно. Хитрый грекъ отлично это понялъ и пошелъ обходнымъ путемъ. Онъ сошелся съ Шварцемъ, сталъ часто съ нимъ бесѣдовать объ его планахъ, хвалилъ ихъ и говорилъ, что самъ давно собирался устроить нѣчто подобное, да не находилъ способныхъ людей. Въ то же время онъ искусно сѣялъ непріязнь къ Шварцу въ профессорской средѣ, выставляя Шварца человѣкомъ завистливымъ, готовымъ, ради извѣстности и славы, подставить ножку своимъ сотоварищамъ по университету. Профессорская среда того времени не отличалась высокимъ развитіемъ, и клевета сдѣлала свое дѣло. На Шварца стали коситься, потомъ посыпались жалобы

придирки. Шварцу приходилось объясняться и оправдываться передъ тѣмъ же Меллиссино, который все еще продолжалъ прикидываться другомъ Шварца и настолько расположилъ его къ себѣ, что попалъ даже въ члены „Дружескаго ученаго общества". Но вдругъ Меллиссино и самъ круто измѣнилъ свое отношеніе къ Шварцу, сталъ придираться къ нему сначала мелочно по службѣ, а потомъ выдвинулъ противъ него и прямое обвиненіе: Шварцъ-де дѣлаетъ изъ своихъ лекцій пропаганду масонскихъ идей. Обвиненіе грозило Шварцу большими непріятностями, однако, благодаря масонскимъ связямъ ему удалось потушить дѣло. Тѣмъ не менѣе Шварцъ подалъ въ отставку. Эта исторія испортила ему много крови и отняла у него много драгоцѣннаго времени какъ разъ въ тотъ годъ, когда онъ проявилъ такую изумительную творческую дѣятельность по устройству „Дружескаго общества", Переводческой семинаріи, курсовъ и т. д. Не прошла она безслѣдно и для здоровья Шварца.

Освободившись за отставкой отъ обязательныхъ занятій въ университетѣ, Шварцъ сталъ ревностнѣе прежняго заниматься масонскими дѣлами. Горячій, увлекающійся, онъ и раньше упрекалъ Новикова, съ головой ушедшаго въ издательскую дѣятельность, въ холодности къ масонству, а теперь сталъ еще горячѣе нападать на него за это. Въ результатѣ между друзьями, по словамъ самого Новикова, „произошла даже нѣкоторая холодность и недовѣрчивость", не менѣе тяжко отразившаяся на Шварцѣ, чѣмъ исторія съ Меллиссино. Почувствовавъ себя вдругъ очень плохо, онъ въ концѣ 1783 г. покинулъ Москву и поселился въ подмосковномъ имѣніи своего друга, князя Трубецкого, а 17-го февраля 1784 г. Шварца уже не стало. Онъ умеръ всего 33-ти лѣтъ отъ роду. Но хотя прожилъ онъ недолго, тѣмъ не менѣе, сойдя съ жизненной сцены, оставилъ за собой глубокій и свѣтлый слѣдъ. Московское студенчество долго не забывало его: оно чувствовало, что смерть унесла у нихъ безконечно дорогого учителя, товарища и друга.

оличествѣ экземпляровъ особенно важныхъ для браьевъ-масоновъ книгъ. Помѣстили эту послѣднюю типографію въ домѣ Шварца. Она состояла всего изъ вухъ станковъ, на которыхъ работали специальные раочіе-нѣмцы, не имѣвшіе никакихъ сношеній съ прочими абочими типографій и получавшіе особую повышенную лату. Книги, печатавшіяся въ этой типографіи, въ проажу не поступали, а раздавались избраннымъ даромъ. Нерозданные экземпляры тщательно скрывались.

Издавая книги, Новиковъ всегда считался съ потребностями читателя и потому выпускалъ не только книги масонскія, но и много книгъ иного содержанія—научнаго, свѣтскаго—и много хорошихъ учебниковъ. Словомъ, на свое издательское дѣло онъ никогда не смотрѣлъ, какъ на средство для пропаганды только масонскихъ идей, а преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, цѣли просвѣтительныя. Когда, со смертью Шварца, первая роль въ кружкѣ перешла къ Новикову, чисто масонская дѣятельность кружка почти прекратилась. Мистическія и химическія занятія, и прежде малодоступныя друзьямъ, теперь были совсѣмъ заброшены; заброшены были и сношенія съ иностранными масонами, дѣятельно поддерживавшіяся только Шварцемъ; остальные московскіе масоны и при Шварцѣ смотрѣли на эти сношенія косо. Когда Шварцъ, основавъ въ Россіи орденъ розенкрейцеровъ, объявилъ его членамъ, что, по полученнымъ имъ извѣстіямъ изъ Берлина, ихъ скоро зачислятъ въ тамошнюю организацію и что для этого надо теперь же послать прошеніе въ Берлинъ, Новиковъ сталъ уклоняться и подробно разспрашивалъ Шварца о цѣляхъ этой заграничной организаціи и нѣтъ ли въ орденѣ чего-нибудь противнаго христіанскому ученію и государственной власти. Въ Москву уже тогда доходили слухи объ иллюминатахъ, и русскіе масоны, жившіе за-границей, въ голосъ совѣтовали избѣгать всякихъ съ ними сношеній. Шварцъ не разсѣялъ въ Новиковѣ недовѣрія къ заграничнымъ масонамъ, и со смертью Шварца сношенія московскихъ масоновъ съ Германіей почти прекратились. Новиковъ направилъ всѣ силы московскаго кружка и „Дружескаго

общества“ на просвѣтительную дѣятельность, тѣмъ лѣе, что у него уже созрѣлъ планъ новаго гранд ного предпріятія.

Типографіи кружка были записаны, какъ мы знае на имена Новикова и Лопухина. Дѣла типографій шли рошо, но Новиковъ не былъ спокоенъ потому, что част лицо можетъ легко стать жертвой разныхъ случайност въ результатѣ которыхъ можетъ пропасть и все дѣ Поэтому онъ предложилъ членамъ „Дружескаго об ства“ такой планъ: образовать компанію на паяхъ; осн ной капиталъ компаніи составить изъ взносовъ п щиковъ, причемъ каждый пайщикъ внесетъ свою ча и сообразно этому приметъ участіе въ прибыляхъ вс предпріятія. Распоряжаться предпріятіемъ и капитало будутъ всѣ пайщики сообща. Члены кружка согла лись—и дѣло быстро наладилось. Компанія составил изъ 14-ти членовъ-пайщиковъ. Въ основной капита кромѣ денежныхъ взносовъ, вошло также и имущест принадлежавшее „Дружескому обществу“, и запасъ кни отъ Новикова на 300.000 рублей по продажной цѣнѣ. Д управленія дѣлами пайщики выработали особыя п вила. Компанія приняла названіе „Типографической к паніи“ и немедленно начала дѣло. Первымъ шаго компаніи было открытіе новой обширной типограф Типографія эта, на основаніи указа, была „вольно и не являлась уже собственностью одного ли а въ силу формальнаго договора стала собственност товарищества, чему въ Россіи еще не было примѣр

Душою новаго предпріятія былъ, конечно, опять Н виковъ. Компанейская типографія даже помѣщалась с чала въ домѣ Новикова. Онъ не только управлялъ т пографіей, но заказывалъ переводы, просматривалъ р кописи, велъ переговоры съ переводчиками и сочи телями. Люди, близкіе къ тому времени и къ само Новикову, утверждали, что онъ не распространилъ, создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтен что, благодаря широкой постановкѣ книжнаго сбыт энергичному веденію дѣла, новиковская книга стала про кать въ самыя отдаленныя захолустья, и скоро не тол Европейская Россія, но и далекая Сибирь начала чита

йствительно, при средствахъ, которыми теперь
лагала „Типографическая компанія“, Новиковъ могъ
сходно организовать сбытъ книгъ. Онъ завелъ ко-
онеровъ, вступилъ въ сношенія съ петербургскими
продавцами и чрезвычайно оживилъ книжную тор-
въ Россіи. Случилось неслыханное дѣло: книж-
авка Новикова у Воскресенскихъ воротъ по спро-
ея товары стала соперничать съ модными мага-
и Кузнецкаго моста! Вмѣсто двухъ существовав-
въ Москвѣ книжныхъ лавокъ съ оборотомъ въ
рублей, при Новиковѣ и подъ его вляніемъ яви-
ихъ здѣсь до 20-ти, и книгъ продавалось ежегодно
ъ на двѣсти рублей. Ежегодный доходъ „Типогра-
кой компаніи“, по показанію Новикова, превышалъ
рублей, доходя въ иные годы и до 80.000 рублей. О
рахъ предпріятія можно судить хотя бы по тому, что
закрытія компанейской типографіи въ 1791 г., не-
я на широкій сбытъ изданныхъ ею книгъ, ихъ
ось еще по каталожной цѣнѣ безъ малаго на
0 рублей, причемъ въ это число не входили тѣ
книгъ, которыя были сожжены или переданы въ
рситетъ и въ духовную академію.

ипографическая компанія“ была основана въ 1784 г.,
1785 г. „Дружеское общество“ уже пріобрѣло на
мя обширное зданіе, перестроивъ которое со-
но нуждамъ компаніи, оно рѣшило помѣстить
емъ нѣсколько разнородныхъ своихъ учрежденій.
омѣ помѣстились: компанейская типографія, пе-
енная сюда изъ дома Новикова, и квартиры
тавшихъ въ ней рабочихъ, а также аптека,
которой „общество“ выдавало бѣднякамъ всѣ
ства даромъ; тутъ же было устроено помѣ-
для масонскихъ собраній и нѣсколько квартиръ
еимущихъ членовъ кружка, вродѣ жены и дѣ-
покойнаго Шварца, которыя остались безъ вся-
средствъ къ существованію, такъ какъ даже домъ
Шварцъ завѣщалъ „Дружескому обществу“ на
ы общественныя: въ немъ жили воспитанники
наріи, состоявшіе на иждивеніи „Дружескаго об-
ва“.

То была пора всеобщаго гоненія на іезуитовъ въ Европѣ. Францiя, а за ней и другія государства удалили іезуитовъ изъ своихъ предѣловъ. Во Франціи первыми противъ нихъ подняли походъ представители новой философской мысли, а въ Германіи—масонскіе кружки. Дѣло въ томъ, что народное образованіе на Западѣ еще находилось тогда почти цѣликомъ въ рукахъ духовенства и, главнымъ образомъ, іезуитовъ; свѣтская же власть вмѣшивалась въ дѣла народнаго образованія лишь тогда, когда въ народѣ начинались какія-нибудь нежелательныя для властей религіозныя или политическія броженія. Духовенство народъ не учило, а препятствовало ему учиться и мыслить, на томъ основаніи, что разсужденія къ добру не ведутъ, а только развращаютъ человѣка и уменьшаютъ его довѣріе къ властямъ. Въ низшихъ школахъ заставляли поэтому только затверживать катехизисъ, а въ среднихъ зубрили латынь. Больше другихъ въ такомъ направленіи на школьномъ поприщѣ изощрялись іезуиты—всесильный монашескій орденъ, стремившійся создать изъ себя государство въ государствѣ. Іезуиты задались цѣлью изгнать изъ стѣнъ школы, а черезъ школу и изъ общества всякую разумную и здоровую мысль, обезличить ребенка и юношу, а тѣмъ самымъ сдѣлать и все общество послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. Вотъ почему при первыхъ признакахъ новой здоровой жизни, при первыхъ шагахъ свободы на іезуитовъ съ особенною яростью обрушились защитники и борцы за эту новую жизнь и свободу. Орденъ защищался, но противникъ, шедшій во всеоружіи знанія и свободной мысли, былъ слишкомъ силенъ,—и іезуиты были побѣждены. Изгнанные изъ Франціи, Германіи и другихъ мѣстъ, они рѣшили искать убѣжища въ Россіи. Здѣсь ихъ взяла подъ свою защиту и покровительство сама императрица Екатерина II, еще такъ недавно называвшая себя ученицей и поклонницей новыхъ философовъ Запада. Времена перемѣнились. Когда французскій народъ началъ дѣлать попытки провести въ жизнь то, чѣмъ императрица такъ восторгалась въ книгахъ, Екатерина сурово отвернулась отъ Франціи. Чѣмъ дальше, тѣмъ неохотнѣе бралась она за книж-

ГЛАВА XI.

Начало злоключеній.

Любопытно, что первымъ на Новикова напало то учрежденіе, которое вѣдало народное просвѣщеніе. Была тогда въ Петербургѣ комиссія народныхъ училищъ, издававшая между прочимъ учебники для школъ. Право перепечатки изданныхъ ею учебниковъ комиссія уступила исключительно петербургскому типографщику Брейткопфу. Новиковъ, ничего не знавшій о такой уступкѣ, перепечаталъ два учебника въ своей типографіи и пустилъ ихъ въ продажу по болѣе дешевой цѣнѣ. Сейчасъ же изъ Петербурга послѣдовалъ запросъ къ оберъ-полицмейстеру Архарову, временно замѣстившему постъ только что умершаго тогда графа Чернышова, съ наказомъ строжайше разслѣдовать дѣло. Напрасно Новиковъ и его друзья доказывали, что перепечатка сдѣлана была съ вѣдома и даже по прямому распоряженію графа Чернышова, постановившаго сдѣлать ее „не для прибыли, а для того, чтобы въ продажѣ было больше учебниковъ по дешевой цѣнѣ". Правительствующій Сенатъ, къ которому перешло дѣло, рѣшилъ его въ пользу петербургской комиссіи; Новикову пришлось поплатиться за перепечатку: оставшіеся непроданными экземпляры перепечатанныхъ учебниковъ были у него отобраны, а за проданные взысканы деньги.

Вскорѣ Новикова постигла и еще одна непріятность. Въ то самое время, какъ шло дѣло о перепечаткѣ учебниковъ, Новиковъ издавалъ „Исторію Іезуитскаго ордена".

заговорили о таинственныхъ цѣляхъ иллюминатовъ, и слухи, одинъ чудовищнѣе другого, стали усиленно передаваться изъ устъ въ уста. окончательно напуганный курфюрстъ издалъ указъ арестовать иллюминатовъ и захватить ихъ бумаги. Бумаги иллюминатовъ были захвачены и открыли нити политическаго заговора, цѣлью котораго было: разрушить всѣ троны, уничтожить всѣ власти и ниспровергнуть всѣ сословія. Такъ съ ужасомъ передавалось, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ. Узнавъ изъ этихъ бумагъ, какая опасность угрожаетъ тронамъ, всѣ правительства Европы заволновались. Волненіе это не могло не отразиться и на настроеніи русскаго двора. Екатерина, вообще не любившая масоновъ, теперь стала относиться къ нимъ еще подозрительнѣе. А такъ какъ московскій кружокъ масоновъ въ послѣднее время обратилъ на себя особенное вниманіе своей непрекращающейся дѣятельностью, то зложелательные языки не замедлили обвинить его въ иллюминатскихъ замыслахъ и козняхъ. Нечего и говорить, что эти обвиненія были лживы. Читателю стоитъ лишь припомнить, какое впечатлѣніе произвелъ на Новикова тотъ разговоръ съ представителями масонства, въ которомъ онъ впервые узналъ о существованіи масонства, преслѣдующаго цѣли политическія, и какъ позднѣе, въ разговорахъ со Шварцемъ о розенкрейцерствѣ, онъ все разспрашивалъ, нѣтъ ли въ орденѣ чего противнаго государственной власти. Московскіе масоны были не только далеки отъ иллюминатства, но даже и враждебно настроены къ нему. Тѣмъ не менѣе на московскихъ масоновъ смотрѣли косо, и не только сверху, но и изъ публики: и тамъ не вполнѣ вѣрили, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ „вредными" иллюминатами. Новиковскій кружокъ успѣлъ создать себѣ своею дѣятельностью и многочисленныхъ друзей, и многочисленныхъ враговъ Въ глазахъ иныхъ изъ этихъ враговъ московскіе розенкрейцеры, или, какъ у насъ ихъ называли, „мартинисты" были вредны хотя бы тѣмъ, что составляли тайное или по крайней мѣрѣ, неразгаданное общество, управлявшееся независимо отъ государства,—общество, которое ведетъ какую-то пропаганду—религіозную, филантропи.

ныя новинки, приходившія изъ Франціи, и насколько восторженно встрѣчала когда-то произведенія философовъ, настолько же холодно теперь относилась къ произведеніямъ экономистовъ, говоря, что не понимаетъ ихъ.

Появленіе книги объ іезуитахъ какъ разъ въ то время, когда іезуиты только начали завоевывать себѣ положеніе въ Россіи, было, разумѣется, для нихъ крайне нежелательно,—и они поспѣшили обратить на книгу вниманіе императрицы, ловко внушивъ ей при этомъ, что появленіе книги, направленной противъ лицъ, которымъ она покровительствуетъ, есть не что иное, какъ проявленіе неуваженія къ ней. Императрица послѣ этого немедленно послала въ Москву приказъ съ запрещеніемъ печатать „ругательную исторію іезуитскаго ордена“, а буде она уже напечатана и разошлась, то отобрать экземпляры у получившихъ ее лицъ“. Приказаніе это было исполнено въ точности и доставило Новикову новый рядъ тревогъ и непріятностей.

Съ этихъ поръ тревоги и непріятности почти не покидаютъ Новикова. Подозрѣніе вторгается въ мирную область его издательской дѣятельности и замедляетъ ея естественный ходъ. Но особенно тревожнымъ становится положеніе Новикова съ назначеніемъ въ Москву графа Брюса, и не только одного Новикова, но и всего московскаго масонскаго кружка. Надменный и суровый Брюсъ, не останавливающійся и передъ грубымъ произволомъ, крайне недоброжелательно смотрѣлъ на масоновъ. Это недоброжелательство еще усилилось подъ вліяніемъ событій, происшедшихъ въ Европѣ.

Мы уже упоминали о масонскомъ орденѣ съ политической окраской—орденѣ иллюминатовъ. Хотя ученіе иллюминатовъ и держалось въ глубокой тайнѣ и въ точности никому изъ непринадлежавшихъ къ ордену извѣстно не было, тѣмъ не менѣе иллюминатовъ опасались и смотрѣли на нихъ косо. Когда въ 1785 г. глава ордена, Адамъ Вейсгауптъ, поселился въ Баваріи, курфюрстъ баварскій, Карлъ Теодоръ, посмотрѣлъ на это очень недоброжелательно; когда же, благодаря нескромности нѣкоторыхъ членовъ, въ обществѣ вдругъ

заговорили о таинственныхъ цѣляхъ иллюминатовъ, слухи, одинъ чудовищнѣе другого, стали усиленно пере цаваться изъ устъ въ уста, окончательно напуганны курфюрстъ издалъ указъ арестовать иллюминатовъ захватить ихъ бумаги. Бумаги иллюминатовъ были за хвачены и открыли нити политическаго заговора, цѣлы котораго было: разрушить всѣ троны, уничтожить вс власти и ниспровергнуть всѣ сословія. Такъ съ ужасом передавалось, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ. Узнав изъ этихъ бумагъ, какая опасность угрожаетъ тронам всѣ правительства Европы заволновались. Волненіе эт не могло не отразиться и на настроеніи русскаго двора Екатерина, вообще не любившая масоновъ, теперь стал относиться къ нимъ еще подозрительнѣе. А такъ как московскій кружокъ масоновъ въ послѣднее врем обратилъ на себя особенное вниманіе своей непрекра щающейся дѣятельностью, то зложелательные язык не замедлили обвинить его въ иллюминатскихъ замы слахъ и козняхъ. Нечего и говорить, что эти обвинені были лживы. Читателю стоитъ лишь припомнить, како впечатлѣніе произвелъ на Новикова тотъ разговоръ с представителями масонства, въ которомъ онъ впервы узналъ о существованіи масонства, преслѣдующаг цѣли политическія, и какъ позднѣе, въ разговорахъ с Шварцемъ о розенкрейцерствѣ, онъ все разспрашивалъ нѣтъ ли въ орденѣ чего противнаго государственно власти. Московскіе масоны были не только далеки от иллюминатства, но даже и враждебно настроены к нему. Тѣмъ не менѣе на московскихъ масоновъ смо трѣли косо, и не только сверху, но и изъ публики: тамъ не вполнѣ вѣрили, что у нихъ нѣтъ ничего об щаго съ „вредными" иллюминатами. Новиковскій кру жокъ успѣлъ создать себѣ своею дѣятельностью и многочисленныхъ друзей, и многочисленныхъ враговъ Въ глазахъ иныхъ изъ этихъ враговъ московскіе розен крейцеры, или, какъ у насъ ихъ называли, „мартинисты" были вредны хотя бы тѣмъ, что составляли тайное или по крайней мѣрѣ, неразгаданное общество, управляв шееся независимо отъ государства,—общество, котороє ведетъ какую-то пропаганду—религіозную, филантропи

татель помнитъ, что вначалѣ, пока сознательные масонскіе дѣятели не принялись за переработку русскаго масонства, масонство въ Россіи дѣйствительно носило легкомысленный характеръ. Кое-гдѣ и позднѣе именемъ орденскихъ собраній прикрывались собранія не совсѣмъ чистаго характера; такова была, напримѣръ, ложа Меллиссино въ Москвѣ, ходившая даже подъ названіемъ „Евина клуба"; но вѣдь эта ложа не имѣла ничего общаго съ ложами московскаго кружка. Увлекшись нападеніями, Екатерина осудила и масонское ученіе о нравственности: „Съ ужасомъ я смотрю на твой новый образъ мыслей,—говоритъ она устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Обольщенный": — онъ истребляетъ въ тебѣ равномѣрно естественныя связи и рожденныя съ человѣкомъ чувства". Это была явная неправда о масонахъ, учившихъ: „Наша цѣль есть исправлять самихъ себя и своимъ примѣромъ и прочихъ, *внѣ нашего общества находящихся*, приводить къ познанію добродѣтели; слѣдовательно, всякій нашъ членъ обязанъ строго соблюдать всѣ правила честности, правды и благопристойности... Всякое существо страждущее и воздыхающее имѣетъ священное надъ тобой право; берегись когда-нибудь не признать онаго; не ожидай, чтобъ пронзающій вопль бѣдности восклицалъ къ тебѣ. Предупреждай и утѣшай несчастнаго въ робости; не зарази тщеславіемъ источниковъ воды жизненной, въ которыхъ несчастный долженъ утолить свою жажду; не ищи награды за твое благотвореніе въ пустыхъ плескахъ толпы народной"... Пыталась Екатерина возстать и противъ филантропической дѣятельности русскихъ масоновъ: „Они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и т. п., и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ... Дѣла такого роду на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства?"

Такой упрекъ болѣе чѣмъ страненъ: масоны старались только о томъ, чтобы въ тайнѣ остались имена благотворителей, членовъ масонскаго кружка, самыя же

Екатерина. Относительно самого Новикова архіепископъ отвѣтилъ такъ:

„Какъ передъ престоломъ Божіимъ, такъ и передъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане такіе, какъ Новиковъ“.

Что же касается книгъ, то архіепископъ среди нихъ нашелъ вредными лишь тѣ, которыми восторгалась императрица, а именно сочиненія французскихъ философовъ; о книгахъ масонскаго характера онъ далъ такой отзывъ: „по непониманію—судить ихъ не могу“ Несмотря, однако, на такой благожелательный о Новиковѣ отвѣтъ, печатей съ лавки Новикова не снимали до марта 1786 г., такъ что компанія понесла большіе убытки.

Не довольствуясь оффиціальными запретительными указами и мѣрами, Екатерина въ борьбѣ съ Новиковымъ и московскимъ кружкомъ прибѣгла еще и къ другому оружію. Она попробовала бороться съ масонами насмѣшкой, сатирой. Императрица написала нѣсколько комедій, въ которыхъ выставила масоновъ обманщиками и лицемѣрами... Она и раньше уже прибѣгала къ этому оружію, а теперь въ январѣ, февралѣ и іюлѣ 1786 г. были поставлены на сцену эрмитажнаго театра въ Петербургѣ три комедіи императрицы противъ масоновъ: „Обманщикъ“, „Обольщенный“ и „Шаманъ Сибирскій“.

Въ этихъ комедіяхъ, рядомъ съ нападками на масонскую обрядность и мистическія бредни, которыя Екатерина называла *дѣтскими игрушками* и *бабьими сказками*, выставляется и рядъ другихъ обвиненій противъ масоновъ,— напримѣръ, обвиненій въ пьянствѣ и развратѣ. Какъ это ни кажется страннымъ, такія обвиненія довольно часто сыпались на масоновъ со стороны далеко не нравственнаго русскаго общества XVIII вѣка. Они объясняются впрочемъ, воспоминаніями, оставшимися въ обществѣ о первоначальномъ характерѣ русскаго масонства: чи-

татель помнитъ, что вначалѣ, пока сознательные масонскіе дѣятели не принялись за переработку русскаго масонства, масонство въ Россіи дѣйствительно носило легкомысленный характеръ. Кое-гдѣ и позднѣе именемъ орденскихъ собраній прикрывались собранія не совсѣмъ чистаго характера; такова была, напримѣръ, ложа Меллиссино въ Москвѣ, ходившая даже подъ названіемъ „Евина клуба"; но вѣдь эта ложа не имѣла ничего общаго съ ложами московскаго кружка. Увлекшись нападеніями, Екатерина осудила и масонское ученіе о нравственности: „Съ ужасомъ я смотрю на твой новый образъ мыслей,—говоритъ она устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Обольщенный": — онъ истребляетъ въ тебѣ равномѣрно естественныя связи и рожденныя съ человѣкомъ чувства". Это была явная неправда о масонахъ, учившихъ: „Наша цѣль есть исправлять самихъ себя и своимъ примѣромъ и прочихъ, *внѣ нашего общества находящихся*, приводить къ познанію добродѣтели; слѣдовательно, всякій нашъ членъ обязанъ строго соблюдать всѣ правила честности, правды и благопристойности... Всякое существо страждущее и воздыхающее имѣетъ священное надъ тобой право; берегись когда-нибудь не признать онаго; не ожидай, чтобъ пронзающій вопль бѣдности восклицалъ къ тебѣ. Предупреждай и утѣшай несчастнаго въ робости; не зарази тщеславіемъ источниковъ воды жизненной, въ которыхъ несчастный долженъ утолить свою жажду; не ищи награды за твое благотвореніе въ пустыхъ плескахъ толпы народной"... Пыталась Екатерина возстать и противъ филантропической дѣятельности русскихъ масоновъ: „Они въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и т. п., и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ... Дѣла такого роду на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства?"

Такой упрекъ болѣе чѣмъ страненъ: масоны старались только о томъ, чтобы въ тайнѣ остались имена благотворителей, членовъ масонскаго кружка, самыя же

дѣла вовсе не велись масонами „сокровенно". А Екатерина пыталась доказать, что незачѣмъ соблюдать какую-то тайну, если стремишься къ цѣлямъ, выполненіе которыхъ могло бы вызвать только поощреніе со стороны общества и правительства. „Неужто есть добродѣтели болѣе числомъ и выше тѣхъ, коихъ отъ насъ требуетъ издревле установленный у насъ законъ? И неужто *развращенный* какой ни на есть толкъ замыкаетъ въ себѣ иныя и лучшія добродѣтели?" Она отождествляетъ такую добродѣтель съ лицемѣріемъ; она пытается смотрѣть на масонство, какъ на „мѣхъ, наполненный однимъ лишь вѣтромъ", который „кидаетъ обыкновенно только пыль въ глаза". Всѣ эти обвиненія заканчиваются сперва предостереженіемъ въ видѣ намека: времена-де для масоновъ благопріятныя, а потому пока „кроткіе способы избираются ко исправленію".

Однако, эти „кроткіе способы ко исправленію" примѣняются Екатериной недолго. Уже въ третьей комедіи („Шаманъ Сибирскій") она находитъ, что одного смѣха мало, что приверженцевъ масонства слѣдуетъ карать за пропаганду вреднаго ученія, „несходнаго съ общимъ установленіемъ", — и прибѣгаетъ къ угрозѣ: „Какъ свѣдаютъ доподлинно, колико его ученіе не сходствуетъ съ общимъ установленіемъ, то достанется и тому, кто привезъ лжеучителя... совѣтую тебѣ дружески: поѣзжай, братъ, въ деревню, хотя на время" *).

Дворъ, конечно, рукоплескалъ комедіямъ, но Москва не только ихъ у себя не поставила, но и ни словечкомъ не обмолвилась на всѣ нападки. Это снова подтвердило Екатеринѣ, что она имѣетъ передъ собой тѣсно сплоченную группу людей, и еще больше настроило ее противъ масоновъ. Тогда отъ угрозъ она перешла къ выполненіямъ. Брюсъ сталъ получать указъ за указомъ: то императрица приказывала осмотрѣть „больницу, заведенную въ Москвѣ людьми, составляющими скопище новаго раскола"; то приказывала осмотрѣть школы, заведенныя ими, и наблюдать, чтобы впредь училища учреждались не иначе, какъ подъ вѣдѣніемъ

---

*) „Шаманъ Сибирскій".

„Приказа общественнаго призрѣнія", на основаніи общихъ законовъ, и чтобы въ нихъ „расколъ, праздность и обманъ не скрывались"; то повелѣвалось объявить Новикову, что типографіи заведены для печатанія полезныхъ книгъ, а не сочиненій, наполненныхъ „новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ"; то приказывалось допросить самого Новикова, что его побудило издавать такія книги, и каковы вообще его цѣли. Въ силу этихъ указовъ было осмотрѣно помѣщеніе студентовъ въ бывшемъ Шварцевомъ домѣ, гдѣ помѣщалась и тайная типографія для печатанія масонскихъ книгъ, не предназначенныхъ для продажи. Узнавъ о предстоящемъ обыскѣ, Новиковъ поспѣшно перевезъ станки въ зданіе „Типографической компаніи", а книги сложилъ ночью на возы и увезъ въ свое подмосковное имѣніе, Авдотьино. На личномъ допросѣ Новиковъ показалъ, что печаталъ разныя сочиненія съ разрѣшенія законной цензуры, имѣя въ виду „приносить трудами пользу отечеству черезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами не возбраненный прибытокъ". Какія же изъ напечатанныхъ у него сочиненій противны законамъ, того не знаетъ, ибо „читалъ изъ нихъ малое число, полагаясь на цензуру, которой онъ обязанъ былъ подвергать ихъ по контракту съ университетомъ".

Всего этого было вполнѣ достаточно, чтобы убѣдить Новикова и его товарищей, что императрица сильно противъ нихъ злобствуетъ, и что дальнѣйшую дѣятельность надо продолжать очень осторожно, тѣмъ болѣе, что въ матеріальныхъ средствахъ уже замѣчалось ухудшеніе, вѣроятно, благодаря подрыву въ торговлѣ, вызванному наложеніемъ печатей. Семинаріи переводческая и педагогическая уже чуть влачили существованіе, и число питомцевъ компаніи при университетѣ тоже уменьшилось; хотя, впрочемъ, и въ 1786 г. на счетъ компаніи всетаки еще поѣхалъ учиться за-границу одинъ изъ студентовъ.

ГЛАВА XII.

Новое обвиненіе.

Въ томъ же 1786 г., по негласному распоряженію правительства, были „разорены“ почти всѣ масонскія ложи въ Москвѣ, и собранія въ нихъ прекратились. Впрочемъ, для Новикова и его кружка это событіе особеннаго значенія не имѣло. Послѣ смерти Шварца друзья и такъ почти не посѣщали собраній, отдавшись всецѣло просвѣтительной дѣятельности.

Въ іюнѣ 1786 г. Брюса перевели неожиданно въ Петербургъ, и московскій кружокъ вздохнулъ свободно, узнавъ о назначеніи Еропкина: послѣдній не былъ настроенъ противъ масоновъ и слылъ вообще за человѣка добраго и благороднаго. Доносы на масоновъ, усердно поступавшіе отъ Брюса, при Еропкинѣ прекратились. Но обстоятельства, какъ на бѣду, складывались такъ, что подозрѣнія Екатерины противъ масоновъ подкрѣплялись. Въ 1786 г. умеръ король прусскій Фридрихъ Великій, дружившій съ Россіей, и на престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ, относившійся къ Россіи враждебно. Новый король былъ ревностный масонъ. Онъ приблизилъ къ себѣ главу берлинскаго масонства Вельнера, сдѣлавъ его министромъ духовныхъ дѣлъ. Это былъ тотъ самый Вельнеръ, черезъ котораго московскіе масоны, при посредствѣ Шварца, приняли розенкрейцерство; такимъ образомъ, московскіе масоны очутились подъ начальствомъ лица, близкаго и подчиненнаго враждебно настроенному къ Россіи монарху. А тутъ еще подоспѣлъ случай, усугубившій подозрѣнія Екатерины.

1787 г. былъ очень тяжелымъ годомъ для Россіи. Почти повсемѣстно свирѣпствовалъ голодъ; цѣны на хлѣбъ страшно поднялись. Люди питались сушенымъ мхомъ, корою, листьями, болѣли и умирали, умирали безъ конца... Нужна была широкая общественная помощь, нужны были люди, которые отозвались бы на народное бѣдствіе. И эта помощь, и эти люди нашлись. Они оказались масонами. Во время голода масоны часто собирались и обсуждали, какъ помочь общественному бѣдствію. На одномъ изъ такихъ собраній Новиковъ говорилъ какъ-то горячую рѣчь. Когда онъ кончилъ, къ нему подошелъ одинъ изъ присутствовавшихъ и что-то тихо сказалъ ему на ухо. Подошедшій былъ богачъ Походяшинъ, премьеръ-маіоръ въ отставкѣ, сынъ богатѣйшаго купца и тоже масонъ; а сказалъ онъ, что жертвуетъ на помощь голодающимъ деньги и проситъ Новикова распорядиться этими деньгами, какъ найдетъ нужнымъ. Пожертвованная сумма составляла значительную часть громаднаго состоянія Походяшина. Получивъ столь неожиданно пожертвованіе Походяшина, Новиковъ сталъ скупать хлѣбъ большими партіями и раздавать его голодающимъ въ Москвѣ и въ Московской губерніи. Въ обществѣ не знали, что хлѣбъ покупается на средства богача Походяшина, и недоумѣвали, откуда у Новикова и масоновъ берутся такія деньги. Недоброжелателямъ масоновъ легко было пустить слухъ, что масоны дѣлаютъ фальшивыя бумажки. Злые языки трубили объ опасности, грозящей отечеству, такъ какъ Новиковъ и масоны раздаютъ-де хлѣбъ съ цѣлью привлечь на свою сторону низшіе классы населенія. Повторялась опять на всѣ лады сказка о связи московскихъ масоновъ съ иллюминатами. Сама императрица обратила вниманіе на широкую раздачу хлѣба въ Москвѣ и въ Московской губерніи и тоже нашла ее подозрительной.

Подозрѣнія еще усилились, когда прошла молва, что московскій кружокъ вошелъ въ какія-то, казавшіяся таинственными, сношенія съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ. А такъ какъ съ именемъ наслѣдника престола всегда связывалась какая-нибудь

оппозиція, то это показалось очень подозрительнымъ. На самомъ дѣлѣ въ этихъ сношеніяхъ не было ничего таинственнаго и подозрительнаго, а носили они самый невинный характеръ: Новиковъ посылалъ Павлу Петровичу книги, изданныя московскимъ кружкомъ, а Павелъ Петровичъ принималъ ихъ благосклонно и отзывался съ похвалой о дѣятельности Новикова. Это не помѣшало, однако, пустить слухъ, будто масоны предлагаютъ Павлу Петровичу стать главой масонства въ Россіи и обѣщаютъ взамѣнъ, пользуясь всеобщимъ недовольствомъ, помочь ему взойти на престолъ; Екатерину же отстранить, какъ она сама устранила Петра III. А такъ какъ для задуманнаго переворота нужны деньги, то вотъ масоны и занялись дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій.

Пока вышеупомянутая клевета дѣлала свое дѣло, на Новикова и „Типографическую компанію“ продолжали сыпаться указы, бившіе компанію по карману. Таковъ былъ, между прочимъ, указъ, воспрещавшій печатаніе книгъ духовнаго содержанія въ свѣтскихъ типографіяхъ. Въ силу этого указа изъ книжныхъ лавокъ Новикова были отобраны всѣ духовныя книги и сданы на храненіе въ синодальную типографію. У Новикова такихъ книгъ было очень много, такъ какъ „Типографическая компанія“ выпускала ихъ въ большомъ числѣ ежегодно. Дѣла компаніи сильно пошатнулись. Она сократила размѣръ предпріятія и принуждена была даже продать домъ, купленный когда-то на имя Шварца. Непріятности сильно разстроили и здоровье Новикова, бывшаго душой всего дѣла, и понудили его въ концѣ 1788 г. даже оставить Москву и поселиться временно въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи—Авдотьинѣ. Отсюда онъ лишь изрѣдка наѣзжалъ въ Москву по дѣламъ издательства. Плохо жилось Новикову и его друзьямъ, но худшее было еще всетаки впереди.

ГЛАВА XIII.

Гроза разражается.

ıсталъ знаменитый во всемiрной исторiи 1789 г.— великой французской революцiи. Изумительныя ˙iя, вспыхнувшiя во Францiи, надеждой и радостью и сердца народовъ и низкой трусостью и злобой нили сердца правителей и привилегированныхъ. а старой распавшейся церкви, изъ-за умирающей евской власти и разрушенныхъ привилегiй встало ıикое и прекрасное нѣчто, чему было имя *народъ*,— ъ, который былъ *ничѣмъ* въ прежнемъ государномъ строѣ и который теперь долженъ былъ сдѣя *всѣмъ*. Старое и новое стало лицомъ къ лицу передъ другомъ въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ: ıномъ собирались во имя *праздности* и *власти*, угомъ—во имя *труда и свободы* *).

)анцузскiя событiя сильно обезпокоили и русское тельство. Императрица Екатерина II, уже и раньше вшая съ возрастающимъ недовѣрiемъ за всѣмъ тѣмъ,)вершалось во Францiи, въ 1789 г. совсѣмъ отвернуэтъ нея. Ее охватилъ страхъ передъ „француззаразой", и откликомъ на французскiя событiя въ ı явился рядъ строгостей. О прежней „свободѣ ıть и изъясняться", о которой такъ любила говоимператрица, уже не было рѣчи. Московскiе ма- вообще и Новиковъ въ частности, и раньше ıе людьми подозрительными, теперь стали поло-

---

Гизо.

жительно опасны. Изъ Москвы уже въ началѣ 1790
убрали благожелательнаго Еропкина и назначили кн
Прозоровскаго, человѣка невѣжественнаго, недалек
жестокаго и подозрительнаго. Его цѣлью было выс
житься передъ Екатериной, и ради этой цѣли онъ
товъ былъ на все. Прозоровскому приказано было с
дить „особливо“ за французами въ Москвѣ; но усе
ный Прозоровскій, зная отношеніе императрицы
масонамъ, сталъ слѣдить заодно и за ними. На Новик
и его друзей полетѣлъ въ Петербургъ рядъ доносо
такъ что Екатерина даже запросила Прозоровска
почему онъ не арестуетъ этихъ людей, если они та
подозрительны. На что Прозоровскій отвѣтилъ,
ждетъ только отъ государыни приказаній. Но Ека
рина не рѣшилась дать такого приказанія, а послала с
зать: „надо найти причину“. Вѣроятно, для нахожде
такой причины былъ командированъ негласно въ Моск
графъ Безбородко. Однако, и Безбородко не наше
прямыхъ поводовъ къ преслѣдованію. Масоновъ и Н
викова оставили на время въ покоѣ, но ненадолго.

Съ 1791 г. Новиковъ, ликвидировавъ съ общаго
гласія членовъ дѣла „Типографической компаніи“,—ко
рыя шли все хуже и хуже, благодаря гоненіямъ,—по
лился безвыѣздно въ своемъ Авдотьинѣ и отдался вос
танію дѣтей и племянниковъ. Долги общества онъ пе
велъ на себя, оставивъ за собой домъ, купленный на
имя, всѣ книги, типографскія принадлежности и апте
Тихо и мирно текла жизнь въ Авдотьинѣ, когда неожида
нагрянули къ Новикову съ обыскомъ. Лица, присл
ныя Прозоровскимъ, искали шрифтовъ и церковны
литеръ. Дѣло въ томъ, что императрицѣ была дос
влена книга съ выдраннымъ заглавнымъ листомъ, на
чатанная церковнымъ шрифтомъ и содержавшая р
кольничьи сочиненія. То была „Исторія объ отцахъ
страдальцахъ соловецкихъ“. Императрица заподозри
Новикова въ перепечаткѣ этой книги, „противной д
православія и правительству,“ и предписала Прозор
скому произвести у Новикова внезапный обыскъ
еслибы у него нашлись церковные шрифты и экз
пляры упомянутой книги, взять его подъ арестъ

зросить. Кромѣ того, предписывалось также узнать, кимъ образомъ Новиковъ, не получившій большого :тоянія ни по наслѣдству, ни другими законными гями, считается въ людяхъ богатыхъ и гдѣ пріобрѣлъ)е состояніе.

Обыскъ былъ произведенъ одновременно въ Авгьинѣ и въ Москвѣ, въ лавкахъ Новикова. При ыскѣ ни шрифтовъ, ни литеръ не нашли, но зато Авдотьинѣ были найдены тѣ масонскія книги, ко-)ыя печатались еще при Шварцѣ въ тайной розен-эйцеровской типографіи и потомъ, когда начались іенія на масоновъ, были перевезены въ Авдотьино. ъ пережитыхъ волненій Новиковъ захворалъ, и уполмоченные Прозоровскаго не рѣшились везти его сей-:ъ же въ Москву. Однако, Прозоровскій распорядился аче: онъ командировалъ за Новиковымъ гусарскую манду съ приказаніемъ доставить преступника, если можно, немедленно въ Москву. Появленіе военной манды страшно перепугало мирныхъ обитателей дотьина. Больной Новиковъ былъ взятъ и спѣшно цъ конвоемъ увезенъ въ Москву. Какъ больного, не посадили, однако, въ тюрьму, а оставили подъ машнимъ арестомъ. Это было въ апрѣлѣ 1792 г.

Началось дознаніе, безконечные допросы, нравствен-і пытка для несчастнаго Новикова. Прозоровскій ючилъ подробныя донесенія. Курьеры летали между сквой и Петербургомъ. Былъ выдвинутъ весь ста-й арсеналъ обвиненій: сношенія съ иностранными рами, иллюминатскіе замыслы, переговоры съ Пав-гъ Петровичемъ и фальшивыя ассигнаціи, и хотя дствіе не подтвердило ни одной изъ этихъ сказокъ; я императрица убѣдилась изъ бумагъ, что въ сноіяхъ съ Павломъ Петровичемъ нѣтъ ничего серьез-о, что все дѣло „въ пустой болтовнѣ“; что и въ шеніяхъ съ нѣмецкими масонами и прусскимъ ми-громъ Вельнеромъ ничего нѣтъ, кромѣ рѣчей о ма-ской премудрости, тайнахъ алхиміи и философскомъ нѣ, тѣмъ не менѣе 10-го мая Новикова увезли въ иссельбургъ: въ два часа ночи къ дому Новикова нственно подкатила кибитка, окруженная конвоемъ

изъ двухъ офицеровъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и
солдатъ; все еще больного Новикова посадили в
и окольными путями, черезъ Ярославль и Тихвин
везли въ Шлиссельбургъ, гдѣ его ждали допросы
тобойныхъ дѣлъ мастера" Шешковскаго, печа
памяти слѣдователя временъ великой Екатерины.
двухъ мѣсяцевъ длился этотъ новый допросъ, по
тамъ. Всѣхъ пунктовъ было 57, да еще дополн
ныхъ 18. Но и Шешковскій не узналъ ничего н
въ пользу обвиненія; и ему не удалось запутать
кова. Тогда онъ предложилъ Новикову дать под
въ томъ, что онъ отрекается отъ своихъ убѣжд
считаетъ ихъ ложными. Но Новиковъ отказался
рѣзъ. 1-го августа императрица подписала тѣм
менѣе указъ, въ которомъ, „слѣдуя сродному ей
вѣколюбію и желая оставить ему время на пр
ніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія", осуждала
кова на заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпо
15 лѣтъ.

Замѣчательно, что такая жестокая кара по
только одного Новикова. Изъ всѣхъ его товарищ
масонству и по просвѣтительной дѣятельности, н
ныхъ въ указѣ „сообщниками", пострадали тольк
да и тѣ легко: они получили повелѣніе „жить в
ревняхъ своихъ". Даже недалекій князь Прозор
поразился такой разницей въ оцѣнкѣ дѣйствій
кова и его товарищей: „Я не понимаю конц
дѣла,—писалъ онъ своему другу Шешковскому:-
ближайшіе сообщники, если онъ—преступникъ, то и
преступники".

Въ чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, заключалась вин
викова? И почему только его одного постигло
суровое осужденіе?

„Можно находить,—говоритъ одинъ изъ біогр
Новикова,—немало различныхъ причинъ неудовол
Екатерины на Новикова, но всѣхъ ихъ недоста
чтобы объяснить его осужденіе. Необходимо взят
дѣятельность Новикова въ совокупности; въ ея об
характерѣ, въ ея значеніи мы и найдемъ клю
дѣлу. Новиковъ былъ самостоятельнымъ обществе

дѣятелемъ, и вотъ этого-то Екатерина не хотѣла и не могла простить ему. Новиковъ дѣлалъ широкое и важное общественное дѣло независимо отъ оффиціальнаго направленія, безъ прямой связи съ дѣятельностью тогдашняго правительства, и этого было достаточно, по условіямъ времени, чтобы вызвать противъ него гоненія. Только этой общей причиной и можно объяснить осужденіе Новикова: *онъ былъ главою общественнаго движенія* *).

Новиковъ просидѣлъ въ Шлиссельбургѣ до смерти Екатерины, т. е. до 1796 г. Вступившій на престолъ Павелъ Петровичъ освободилъ его, но у Новикова уже не было силъ продолжать прежнее дѣло. Въ крѣпость онъ былъ отправленъ хотя и больной, но еще полный силъ и энергіи, а вернулся оттуда „дряхлъ, старъ и согбенъ". Суровое заточеніе унесло все...

Съ погромомъ новиковскаго издательскаго кружка распался и московскій масонскій кружокъ розенкрейцеровъ; ложа ихъ закрылась. Другія масонскія ложи въ обѣихъ столицахъ и провинціяхъ были закрыты еще раньше по приказанію свыше; нѣкоторыя же перестали дѣйствовать сами. Только нѣсколько отдѣльныхъ ложъ еще работало кое-гдѣ нѣкоторое время; но это были уже „послѣдніе обломки огромнаго прежде зданія", утратившіе связь между собою. Такъ погибло масонство XVIII вѣка. Но оно погибло, сыгравъ свою просвѣтительную роль.

*) *Якушкинъ*. „Н. Ив. Новиковъ". Сборн. „Починъ", стр. 178—179.

ГЛАВА XIV.

Старое въ новомъ.

Наступилъ новый вѣкъ—XIX-ый. Многое изъ думъ и стремленій XVIII вѣка отошло въ исторію, многое, но далеко не все. Эти думы и стремленія падали всетаки не вдругъ. Рядомъ съ ними, отчасти изъ нихъ зарождалась новая жизнь. Эта жизнь не была похожа на прежнюю; ей, по всѣмъ признакамъ, предстояло впереди богатое развитіе. Но тѣмъ не менѣе старое и новое были еще очень тѣсно связаны другъ съ другомъ. Отражалась эта связь и въ характерѣ общественныхъ стремленій, и въ характерѣ умственныхъ интересовъ, и въ содержаніи литературы. Такъ перешло въ XIX вѣкъ наслѣдіемъ отъ вѣка XVIII стремленіе основывать дружескіе кружки и литературныя общества; такъ перешли въ XIX вѣкъ и масонскія организаціи. Замеревъ въ концѣ царствованія Екатерины, онѣ возродились, лишь только наступило „дней Александровыхъ прекрасное начало“, лишь только мрачные годы царствованія Павла смѣнились свѣтлыми днями царствованія Александра I.

Мы видѣли выше, что гоненія на западныя идеи начались еще въ концѣ царствованія Екатерины. Не успѣло еще русское просвѣщеніе и русская молодая общественная мысль окрѣпнуть, какъ въ общемъ направленіи русской политической жизни наступила реакція. Ближайшимъ поводомъ къ этой реакціи были западноевропейскія событія и опасенія передъ революціей. При Павлѣ гоненія достигли своей наивысшей точки. Зло-

ѣднымъ сочтено было все, приходившее изъ Европы: запрещенъ былъ въѣздъ иностранцевъ; запрещенъ ввозъ ...кихъ книгъ; запрещено русскимъ подданнымъ отправиться въ нѣмецкіе университеты, и велѣно возвратиться тѣмъ, которые тамъ были; наконецъ, запрещены ...ли костюмы, напоминавшіе французскія моды; запрещались слова „гражданинъ", „отечество" и т. д. Павелъ ...короткое время своего царствованія успѣлъ навести такой страхъ, что общество стало совершенно безгласнымъ. Удаленіе со службы, арестъ, ссылка были ...ши самыя обыкновенныя. По разсказамъ путешественниковъ, въ Павлово время люди, отправляясь на службу, всегда были готовы къ разнымъ случайностямъ. Офицеры всегда держали при себѣ запасъ денегъ, потому что ссылали такъ внезапно, что не было времени даже извѣстить кого-либо изъ домашнихъ. Словомъ, произволу не было предѣловъ, и общество устало ...измучилось всѣмъ пережитымъ. Поэтому-то вступленіе на престолъ Александра I было встрѣчено ...страдавшимся обществомъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Вѣдь общество знало, какое воспитаніе получилъ молодой императоръ. Вѣдь ему было извѣстно, ... главнымъ наставникомъ Александра былъ швейцарецъ Лагарпъ, не только поклонникъ просвѣтительной ...лософіи XVIII вѣка, но и республиканецъ. По уму, ...свѣдѣніямъ, по характеру Лагарпъ стоялъ выше всѣхъ ...чихъ наставниковъ Александра, а потому имѣлъ на ...о наибольшее вліяніе. Онъ привилъ своему питомцу ...сли о человѣческомъ благѣ, о гражданской свободѣ, ...авенствѣ людей, о справедливости, о гнусности деспотизма и рабства и внушилъ ему уваженіе къ закону. ...ного онъ не могъ сдѣлать: чтобы привитыя понятія ...ли въ плоть и кровь Александра, чтобы изъ понятій они стали его убѣжденіями, которыя бы онъ смогъ ...захотѣлъ потомъ дѣйствительно проводить въ жизнь. ... въ этомъ была уже не вина Лагарпа. Александръ ...лъ воспитанникомъ не его одного: онъ подвергался ...другимъ вліяніямъ,—между прочимъ, и вліянію своей ...бки Екатерины. Собственно Екатерина и вольтерь...ы ея времени проповѣдывали, въ особенности въ

молодости, тѣ же идеи, что и Лагарпъ; разница была лишь въ томъ, что для Екатерины и ея единомышленниковъ эти идеи были всегда чистой теоріей и вовсе не считались обязательными на практикѣ. Если дѣла шли несогласно съ требованіями „правды, человѣколюбія и общаго блаженства", это считалось въ порядкѣ вещей, потому что этимъ требованіямъ придавалось не столько практическое, сколько народно-воспитательное значеніе; разсуждали, что прежде надо облагородить умъ и сердце людей, а потомъ улучшить ихъ жизнь; сперва выучить человѣка плавать, а потомъ пускать его въ воду*). Вотъ почему у Екатерины и у екатерининскихъ вольтерьянцевъ свободолюбивыя мечты такъ мирно уживались съ крѣпостною дѣйствительностью. Въ дворцовой атмосферѣ, которой съ дѣтства дышалъ Александръ, такія противорѣчія теоретическихъ понятій съ дѣйствіями были столь обычнымъ дѣломъ, что какъ-то волей-неволей переставали колоть глаза. Сначала Александръ недоумѣвалъ, терялся въ такихъ противорѣчіяхъ, начиналъ чуждаться окружающихъ и замыкался въ себѣ, отдаваясь любимымъ мечтамъ, навѣяннымъ преподаваніемъ Лагарпа; потомъ постепенно пересталъ замѣчать ихъ, свыкся съ ними. Къ тому же съ настоящей Россіей, съ ея нуждами и горестями его никто не знакомилъ; истинное положеніе скрывалось за красивыми декораціями и хвалебными гимнами начинаніямъ и дѣламъ Екатерины. Правда, въ послѣдніе годы жизни Екатерины Александръ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ въ государствѣ далеко не свѣтлыми глазами. „Въ нашихъ дѣлахъ,—писалъ онъ своему другу Кочубею,—господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду"... Но все-таки непослѣдовательность мыслей и поступковъ, бывшая привычкой въ томъ кругу, гдѣ воспитывался Александръ, стала и его привычкой, и, до конца жизни, въ его мысляхъ шли рядомъ два различныхъ теченія, „изъ

*) *Ключевскій.* „Екатерина II". (Р. М. 1896 г. 11).

которыхъ брало верхъ то одно, то другое, но ни одно не одолѣвало другого совершенно“ *).

Съ такимъ прошедшимъ Александръ вступилъ на престолъ. Онъ былъ исполненъ лучшими намѣреніями и возвышенными планами. Онъ былъ увлеченъ самъ и увлекалъ другихъ. Съ кружкомъ своихъ друзей, который онъ называлъ „комитетомъ общественнаго спасенія“, онъ обдумывалъ планы самыхъ широкихъ преобразованій, думалъ коснуться всѣхъ сторонъ соціальнаго и политическаго строя. Онъ хотѣлъ кореннымъ образомъ измѣнить государственныя учрежденія Россіи, хотѣлъ сдѣлать Россію свободной, освободить крестьянъ, призвать къ участію въ управленіи народныхъ представителей, хотѣлъ развязать робкую мысль, чтобы она приносила пользу жизни, создать науку, просвѣщеніе, общественное воспитаніе. Въ мечтахъ это казалось такъ ясно, такъ красиво и просто, но на дѣлѣ многое съ первыхъ шаговъ стало темнымъ и труднымъ. Нужно была твердая рѣшимость, упорное преслѣдованіе цѣли, но ихъ-то у Александра и не было. Медленный, упорный трудъ пугалъ молодого императора, и изъ задуманныхъ преобразованій исполнялись менѣе важныя, требующія меньшихъ усилій, а остальныя откладывались. Настойчивыя же напоминанія и представленія наиболѣе рьяныхъ друзей вызывали неудовольствіе и раздраженіе государя. Таковы были первые шаги.

Однако, въ началѣ царствованія такихъ временныхъ охлажденій у Александра еще никто не замѣчалъ. Обѣщанія преобразованій, слухи о грядущихъ реформахъ внесли столько надеждъ, свѣта, что за ними не видно было пока тѣней. Передъ сознательною частью общества открывались широкія, захватывающія перспективы.

Впрочемъ, съ надеждой смотрѣли на реформы далеко не всѣ. Если, съ одной стороны, молодого государя окружали такіе люди, какъ графъ Строгановъ, Кочубей, Новосильцевъ, Чарторижскій,—члены „комитета общественнаго спасенія“,—то, съ другой, вокругъ него не-

*) *Пыпинъ.*

мало было и всякихъ консерваторовъ, и каждый планъ реформъ испытывалъ ихъ задерживающее вліяніе: старые дѣятели предыдущей эпохи мрачно смотрѣли на ломку старыхъ устоевъ; а за ними стояло все многочисленное дворянство, готовое увлекаться политической литературой, но вовсе не желающее освобождать своихъ крестьянъ. И государя отговаривали дѣйствовать слишкомъ рѣшительно въ крестьянскомъ вопросѣ.

Однако пока-что оппозиція скрывалась за кулисами, не поднимала открыто головы и шипѣла лишь втихомолку, подъ рукой. И передовые слои общества, образованное меньшинство, окрыленное надеждами, не видѣло и не слышало ея, упиваясь мечтами о новомъ строѣ, о грядущей свободѣ, возвѣщенной молодымъ государемъ. Въ кружкѣ императора, въ столичныхъ клубахъ, въ великосвѣтскихъ гостиныхъ толковали, кто какъ умѣлъ, о парламентѣ, объ экономической жизни народовъ, о судахъ и о правахъ законодателя. Первая четверть XIX вѣка стала въ Россіи „классическимъ временемъ" всякаго рода обществъ и кружковъ; во всѣхъ слояхъ общества замѣчалось стремленіе „дѣйствовать совмѣстно и собирать однородныя силы для работы" *). Одно за другимъ возникали всевозможныя ученыя, литературныя, филантропическія и политическія общества, кружки, содружества. Открылись вновь и масонскія ложи. Впрочемъ, оффиціальнаго разрѣшенія на ихъ открытіе сначала никто не давалъ: было лишь молчаливое согласіе. Въ 1803 г. императоръ Александръ самъ сдѣлался масономъ, и это обстоятельство много способствовало быстрому развитію масонства. Оффиціальное же разрѣшеніе послѣдовало только въ 1810 г., когда ложи стали извѣстны министру полиціи.

Какъ въ истекшемъ столѣтіи средоточіемъ масонства была Москва, такъ въ новомъ—масонскимъ центромъ сталъ Петербургъ.

Перемѣнилось, впрочемъ, не только мѣсто, но и самое содержаніе русскаго масонства. Оно уже не задавалось больше просвѣтительными цѣлями, хотя въ

*) *Пыпинъ.*

обществѣ было еще немало масоновъ стараго новиковскаго кружка, хотя былъ живъ и самъ Новиковъ, и многіе изъ его друзей и учениковъ. Но не они уже властвовали надъ умами передовой части общества, да и сами они были уже не прежніе.

Однако, нельзя сказать, что въ ложахъ XIX вѣка все было по-иному, что онѣ совсѣмъ не походили на ложи отошедшаго въ область преданія вѣка XVIII. Въ масонскихъ ложахъ XIX вѣка нашли себѣ пріютъ многіе пережитки стараго масонства въ видѣ пышной обрядности, высокихъ орденскихъ степеней, тѣшившихъ и въ XIX вѣкѣ людей праздныхъ, искавшихъ въ масонствѣ, какъ искали ихъ предки въ XVIII вѣкѣ, только развлеченія, времяпрепровожденія и удовлетворенія пустого тщеславія. Такіе господа не ломали головы ни надъ какими „вопросами" и предпочитали всему веселыя „столовыя ложи", въ которыхъ не удары „молотка", а звуки раскупориваемыхъ бутылокъ возбуждали всеобщее вниманіе и призывали братьевъ къ дѣятельности *). Что касается алхимическихъ занятій, то въ XIX вѣкѣ они почти отсутствуютъ: охотниковъ копаться въ этихъ средневѣковыхъ бредняхъ находилось уже мало. Кромѣ того, въ ложахъ попрежнему господствовали чужія вліянія; направленіе шло попрежнему, главнымъ образомъ, изъ-за-границы. Совершенно новымъ для русскаго масонства было стремленіе придать масонству нѣкоторую политическую окраску. Послѣднюю, впрочемъ, масонство приняло у насъ только послѣ наполеоновскихъ войнъ.

Помимо политическихъ теченій, въ русскомъ масонствѣ XIX вѣка получило широкое, болѣе того, преобладающее распространеніе направленіе мистическое, въ которое перешло прежнее „просвѣтительное" направленіе новиковскаго масонства. Мистическое направленіе само по себѣ не являлось чѣмъ-нибудь новымъ: мистицизмъ, какъ ученіе, существовалъ очень давно. Исторія христіанской церкви свидѣтельствуетъ, что съ самаго начала христіанства находились люди, которыхъ не

*) *Пыпинъ.*

удовлетворяли тѣ познанія о Богѣ, которыя предлагались церковью, и тотъ путь спасенія, который указывался Христомъ: эти люди старались проникнуть въ сокровенныя тайны Божества, стремились къ единенію съ Богомъ, и не путемъ разума, а путемъ чувства. Мистицизмъ никогда не былъ какой-либо особой сектой въ смыслѣ религіозномъ, а лишь извѣстнымъ направленіемъ въ христіанскомъ обществѣ. Масонская мысль тоже всегда отличалась религіозно-мистическимъ оттѣнкомъ, но только въ концѣ XVIII вѣка, послѣ того, какъ во Франціи вспыхнула революція, мистицизмъ становится преобладающимъ теченіемъ въ масонствѣ. Бѣжавшіе эмигранты разсказывали про Францію такіе ужасы, отъ которыхъ у многихъ становились волосы дыбомъ. Людямъ, слабымъ мыслью и волею, не умѣвшимъ понять движенія, казалось, что наступили послѣднія времена и что всему причиной вольнодумство. Устрашенные, обезпокоенные, они ушли изъ міра страшной для нихъ дѣйствительности въ міръ туманныхъ грезъ и несбыточныхъ мечтаній, ударились въ мечты о загробной жизни и въ нравственномъ совершенствованіи лица стали видѣть единственный якорь спасенія человѣчества отъ политическихъ бѣдствій. Въ Россіи, гдѣ ложи тогда уже не существовали, такой крайній мистицизмъ проповѣдывался путемъ литературнымъ, и проводниками мистицизма въ Россію стали участники былого новиковскаго кружка и даже самъ Новиковъ. Напуганные ударами грома, разразившагося надъ ихъ головой при Екатеринѣ, Новиковъ и его друзья поспѣшили укрыться отъ дѣйствительности мрачнаго Павлова времени въ заоблачныя выси, въ міръ мистическихъ умствованій и отдались всецѣло задачамъ нравственнаго совершенствованія. Это уже не были люди, одушевленные мыслью о борьбѣ за лучшее будущее на землѣ, а только люди, проникнутые христіанскою покорностью и смиреніемъ: „что Богу угодно, то и будетъ...“

Ради туманныхъ, полныхъ таинственности грезъ о единеніи и общеніи съ Богомъ, они забыли о живой дѣйствительности; и не только сами вступили на этотъ

путь, но и другихъ увлекли за собой. Они перенесли свое мистическое настроеніе и въ XIX вѣкъ; они много писали, переводили и дѣйствовали словомъ, убѣжденіями и нашли себѣ многочисленныхъ читателей, слушателей и почитателей. Туманный мистицизмъ оказался особенно по плечу русскому обществу при его полуобразованности и неясности теоретическихъ понятій. Отъ надвигающихся вопросовъ, отъ сложныхъ задачъ, которыя уже начинала ставить жизнь передъ русскимъ обществомъ, для людей, слабыхъ мыслью и волею, такъ заманчиво было уйти въ міръ заоблачныхъ мечтаній, не требовавшихъ никакихъ жертвъ. Позднѣе такое мистическое направленіе нанесло огромный вредъ развитію русскаго общества, такъ какъ дало въ руки его темнымъ силамъ лозунгъ противъ науки и знанія. Уже нѣкоторые изъ старыхъ масоновъ XVIII вѣка, отдавшись мистицизму, начали выказывать нетерпимость и презрѣніе къ наукѣ и стремились замѣнить науку разными мистическими умствованіями. Они полагали, что науки испортили человѣка и удалили его отъ первобытной блаженной простоты. „Ученому трудно отречься отъ усвоенныхъ имъ идей,—говорили они,—и дѣтски предаться „водительству Св. Духа". Господь же сказалъ: „Аще не будете, яко дѣти, не внидите въ царствіе небесное". Дѣти охотно принимаютъ всякое наставленіе; ученые же не любятъ совѣтовъ и отвергаютъ все, что несогласно съ ихъ доводами и доказательствами. Передъ Богомъ же мы должны явиться чистою чертежною доскою, на которой Духъ Святой могъ бы начертать все, что хощетъ. Потому-то Господь и не избралъ никого изъ ученыхъ въ апостолы свои, ибо они примѣшали бы къ ученію Духа свои понятія изъ разума и черезъ то исказили бы оное". Эти старые масоны уже не допускали возможности познать Бога разумомъ и дѣятельностью ума; они признавали, что только сердце можетъ ощущать присутствіе Бога, и потому „престолъ души"—въ сердцѣ. „Мистицизмъ,—говорили масоны-мистики,—не книжное ученіе; наставникъ въ немъ самъ Богъ. Онъ сообщаетъ свое ученіе

душѣ непосредственно, безъ словъ и способомъ, который невозможно объяснить словами".

Такъ вотъ какъ перемѣшивалось старое съ новымъ въ масонствѣ XIX вѣка; такъ вотъ какія мнѣнія и настроенія господствовали въ тогдашнихъ ложахъ. Разнообразнѣе былъ и самый составъ ложъ. Масонство охватило теперь гораздо болѣе значительную часть общества. Аристократовъ, игравшихъ главную роль въ ложахъ при Екатеринѣ II, и въ XIX вѣкѣ было довольно много, но все же значительно меньше, чѣмъ людей средняго сословія; теперь чиновники, военные, купцы и ремесленники составляли большинство членовъ; много было также и иностранцевъ, въ особенности петербургскихъ нѣмцевъ; поэтому многія ложи даже производили свои работы на иностранныхъ языкахъ.

Всѣхъ этихъ людей влекъ въ ложи пробуждавшійся въ той или иной степени общественный интересъ, потребность сплотиться вмѣстѣ, стать нѣкоторой силой, успѣшнѣе вліять на другихъ и создавать себѣ единомышленниковъ. Русское общество все больше начинало сознавать силу общественныхъ организацій, силу дѣйствій сообща, а не вразбродъ. Событія укрѣпляли его въ этой мысли.

ГЛАВА XV.

Пробужденіе.

XIX вѣкъ начался для Европы среди дыма и грохота войны. То было время наполеоновскихъ войнъ. Для Россіи наполеоновскія войны имѣли чрезвычайно важное воспитательное значеніе. Многое въ жизни русскаго общества стало измѣняться именно подъ вліяніемъ этихъ войнъ. Особенно большое значеніе для насъ имѣла такъ называемая „Отечественная" война или война 1812-го года и послѣдовавшія затѣмъ военныя дѣйствія 1813—1814 гг.

До этихъ войнъ состояніе общественнаго мнѣнія было не блестяще. Только въ образованномъ меньшинствѣ бродили мысли о необходимости улучшеній и преобразованій, но въ первое время планы Александра и его ближайшихъ сотрудниковъ даже превышали все, о чемъ могли тогда мечтать наиболѣе передовые люди. И какъ Александръ былъ нерѣшителенъ и неустойчивъ въ проведеніи своихъ реформъ, такъ нерѣшительны и неустойчивы были пока въ своихъ взглядахъ на реформы и передовыя группы русскаго общества. Молодыя силы его рвались куда-то, сами не зная еще куда, или, по крайней мѣрѣ, не умѣя выработать себѣ программы для положительной общественной дѣятельности.

Гораздо смѣлѣе оказались приверженцы стараго порядка, какъ только они раскусили натуру императора Александра: колебанія правительства не могли пройти незамѣченными, и люди стараго закала и молодые реакціонеры смѣло подняли голову. Паденіе Сперанскаго,

несомнѣнно умнѣйшаго человѣка своего времени, призваннаго къ власти молодымъ императоромъ для преобразованій, особенно развязало руки реакціонной партіи. Исторія паденія Сперанскаго выяснена только въ послѣднее время, хотя и не вполнѣ еще. Его паденіе находится въ непосредственной связи съ измѣнчивостью настроеній государя, съ его нерѣшительностью и уклончивостью,—потому что планъ преобразованій, составленный Сперанскимъ, не содержалъ въ себѣ ничего такого, чего бы не желалъ государь со времени своего вступленія на престолъ, чего бы самъ онъ многократно не высказывалъ. Тѣмъ не менѣе Сперанскій подвергся опалѣ и ссылкѣ, сначала въ Нижній, а потомъ и далѣе—въ Пермь. Онъ палъ жертвой тѣхъ началъ, противъ которыхъ боролся. Поборникъ политической свободы и законности, человѣкъ, искренно убѣжденный въ необходимости освободить крестьянъ,—„крѣпостное рабство, — говорилъ онъ, — есть вещь, столь противорѣчащая здравому смыслу, что его нельзя считать иначе, какъ временнымъ зломъ, которое неминуемо должно имѣть свой конецъ“, — онъ не могъ не создать себѣ непримиримыхъ враговъ. Искусно пущенная клевета о томъ, что Сперанскій будто бы находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, создала легенду объ „измѣнѣ“, результатомъ которой и была опала.

Толки объ измѣнѣ убѣдили ту простодушную массу русскаго общества,—которая не думала ни о какихъ улучшеніяхъ и смирно держалась въ сторонѣ отъ политической и общественной жизни, не обнаруживая къ ней никакого интереса,—что люди, хотѣвшіе что-то передѣлать въ русской жизни, были, дѣйствительно, опасными людьми, врагами Россіи. Это убѣжденіе стало еще крѣпче, когда государь, занятый готовящейся войной, вообще отложилъ свои преобразованія и удалилъ отъ себя всѣхъ, съ кѣмъ работалъ въ началѣ царствованія, къ радости и торжеству ревнителей старыхъ формъ жизни. Общество, было всколыхнувшееся, казалось, уже готово было снова погрузиться въ прежнюю спячку, и кто знаетъ, на сколько бы времени еще задержалось развитіе общественной мысли въ Россіи, еслибы ей не по-

могъ могущественный толчокъ извнѣ. Этимъ могущественнымъ внѣшнимъ толчкомъ послужили наполеоновскія войны. Великое историческое потрясеніе пробудило засыпавшія силы.

Рядъ войнъ съ Наполеономъ, въ которыхъ принимало участіе и русское правительство, и которыя привели къ полному разгрому нашей сосѣдки Германіи и къ неоднократному пораженію русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно съ нѣмецкими и австрійскими войсками, на первыхъ порахъ заставилъ заговорить лишь уязвленное національное самолюбіе. Оно вылилось въ ненависти ко всему французскому и въ необузданномъ превозношеніи всего русскаго. Но вотъ началась памятная война 1812-го года. Національная опасность сблизила самыхъ разнородныхъ людей на общемъ дѣлѣ, потребовала напряженія всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ страны. Всѣ понимали, что жить въ такое время, сложа руки, нельзя, что надо дѣло дѣлать, надо такъ или иначе откликаться на призывъ жизни. Много войнъ вела Россія и въ прошломъ вѣкѣ: и турецкія, и польскія, и шведскія, и прусскія, но почти всѣ онѣ проходили внѣ предѣловъ Россіи, или шли по окраинамъ ея. До народа доносилась только темная молва о событіяхъ, оставалось нѣкоторое сознаніе силы русскаго царства, но вообще народъ былъ чуждъ этимъ войнамъ: причина ихъ оставалась ему неизвѣстна; онъ чувствовалъ на своихъ плечахъ только ихъ тягость. Не то оказалось теперь.

Волна чужеземнаго нашествія прокатилась по всей русской землѣ, дошла до самаго сердца Россіи—Москвы. Наполеонъ пришелъ съ арміей, которая уже своею громадностью наводила на мысль, что онъ хочетъ покорить Россію, или отнять у нея многое. Ходъ войны, разрушеніе городовъ, страшное истребленіе людей, занятіе Москвы, пожаръ первопрестольной столицы—все это производило потрясающее дѣйствіе и дало войнѣ страшный видъ борьбы за существованіе.

Среди всѣхъ пораженій и бѣдствій народъ, однако, не упалъ духомъ. Опасность удесятерила его силы. Всѣ слои народа приняли участіе въ войнѣ; всѣ по-

несли свою помощь на общее дѣло: кто жертвовалъ своимъ имуществомъ, кто отдавалъ свою жизнь. Въ народѣ пробудилось чувство національнаго достоинства. Исходъ войны—отступленіе и истребленіе наполеоновскихъ армій — еще усилилъ его въ обществѣ и въ народѣ.

Но схлынулъ потокъ нашествія, и жизнь сѣрой народной массы снова вошла въ старую колею. Жертвы, принесенныя народными массами, народный героизмъ не заставили еще ни русское общество, ни русское правительство посмотрѣть на крестьянина, какъ на человѣка. Въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами не произошло никакихъ измѣненій, и смутные толки о свободѣ, начавшіеся было по деревнямъ, быстро заглохли. Сама деревня еще не была тогда въ силахъ громко и рѣшительно заявить о своихъ нуждахъ и интересахъ, а другіе за нее не поднимали голоса. Александръ, при вступленіи на престолъ увлекавшійся идеей освобожденія крестьянъ, послѣ войны совсѣмъ перестал̀ъ говорить объ освобожденіи. Въ 1817 г. онъ увѣрялъ, что цѣною собственной жизни освободилъ бы крестьянъ, *„еслибы образованность была на болѣе высокой степени“*. Словомъ, Александръ уже кореннымъ образомъ расходился въ это время во взглядахъ съ тѣми, кого считалъ своими ближайшими помощниками раньше; онъ уже находилъ, что до освобожденія надо дать народу просвѣщеніе, тогда какъ Сперанскій, напримѣръ, утверждалъ, что рабу просвѣщенія не нужно,—нужно оно только человѣку свободному; слѣдовательно, прежде чѣмъ говорить объ образованіи русскаго народа, ему нужно дать свободу.

Но если самъ Александръ во вторую половину своего царствованія далеко уклонился отъ либеральныхъ мечтаній и идей своей юности, то въ обществѣ русскомъ идеи эти сдѣлали при немъ значительные успѣхи. И тѣ же самыя событія, которыя Александра заставили окончательно сбиться съ пути реформъ, намѣченныхъ имъ въ началѣ царствованія, для очень многихъ изъ русскаго общества послужили, наоборотъ, толчкомъ къ общественному движенію. До сихъ поръ правительство шло

переди общества, теперь само общество пробудилось къ жизни. Военныя дѣйствія, перенесенныя за-границу въ 1813—1814 гг., сблизили русскихъ съ Европой и близко познакомили многихъ изъ нихъ съ тѣми идеями, которыя волновали тогда европейское общество. Въ то время въ Европѣ шла борьба двухъ теченій: стараго, существовавшаго до революціи 1789 г., и новаго, воспитаннаго этой революціей. Приверженцы стараго порядка полагали, что побѣда надъ Наполеономъ означаетъ полное уничтоженіе „революціонной гидры“ и возвращеніе прежняго порядка вещей съ неограниченнымъ господствомъ короля, дворянства и духовенства; для другихъ, т. е. для представителей новой жизни, побѣда надъ Наполеономъ была освобожденіемъ народовъ не только отъ чужеземнаго ига, но и отъ ига прежнихъ домашнихъ историческихъ золъ, такихъ, какъ сословное подраздѣленіе, крѣпостныя путы, систематическое устраненіе народа отъ участія въ дѣлахъ государства; побѣда надъ Наполеономъ была торжествомъ свободнаго труда и водвореніемъ такого порядка, который удовлетворялъ бы законнымъ желаніямъ народовъ.

„Когда, послѣ побѣды надъ Наполеономъ, русскія войска, гордыя своимъ подвигомъ, двинулись въ Европу освобождать другія страны, въ Европѣ, гдѣ реакція едва только начинала поднимать голову, „освободителямъ“ пришлось пережить рядъ очень сложныхъ впечатлѣній. Жизнь учитъ скорѣе книгъ“ *). Сначала европейскія событія и европейская борьба партій пробудили въ русскихъ людяхъ общіе вопросы нравственные и общественно-политическіе, а эти общіе вопросы, уже въ свою очередь, навели ихъ на вопросы русской дѣйствительности. Живя за-границей въ сообществѣ новыхъ людей, наша военная молодежь переживала съ ними одни и тѣ же стремленія, однѣ и тѣ же надежды и мечты. И, вернувшись домой послѣ такой школы, *не* могла не прочувствовать глубокой разницы русскаго и заграничнаго общественнаго быта.

„Во время молебствія служившагося въ Ораніен-

*) *В. Мякотинъ.* „Изъ Пушкинской эпохи“.

баумѣ по поводу возвращенія первой гвардейской дивизіи изъ Франціи,—полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество... За нимъ не замедлили послѣдовать и другія. Войдя въ колею русской жизни, вернувшаяся молодежь почувствовала еще бо̀льшую разницу между Россіей и Европой. Было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, восхваляющихъ все старое и отрицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ"... Такъ говоритъ одинъ изъ этой молодежи. Отсутствіе общественной жизни и общественныхъ интересовъ, суровость военной дисциплины, грубость всего обычая, безсердечіе крѣпостныхъ отношеній, повсюдная бѣдность народа и, наконецъ, отсталость общества, враждебнаго всему молодому, свѣжему и выдающемуся, переносили этихъ людей, явившихся изъ европейской школы, дѣйствительно какъ бы на цѣлое столѣтіе назадъ. Имъ, дохнувшимъ другимъ воздухомъ, трудно было выносить эту удушливую атмосферу: для ихъ мыслей не было мѣста; „общеніе съ окружавшимъ обществомъ было невозможно" *)... Но тѣмъ не менѣе они рѣшились дѣйствовать, рѣшились „дотянуть Россію до себя". Они были увѣрены, что время такъ называемаго отеческаго или патріархальнаго правленія, видѣвшаго въ народѣ лишь массу несовершеннолѣтнихъ людей, которыми надо управлять по своему усмотрѣнію, безвозвратно минуло, и потому рѣшили посвятить всѣ свои силы дѣлу обновленія родины. Исчезли юныя забавы...

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!

Такими словами охарактеризовалъ нашъ великій поэтъ Пушкинъ то, что горѣло въ душѣ тогдашней передовой молодежи. Повторяемъ: эта молодежь была, главнымъ образомъ, военная, потому что и вообще-то военная

*) *Шелгуновъ.* „Попытки русскаго сознанія".

арьера предпочиталась тогда въ Россіи, а кромѣ того, наполеоновскія войны и опасность, грозившая отечеству, увлекли почти всѣ молодыя силы въ ряды войска.

И вотъ военное общество повело вдругъ жизнь, совершенно невиданную для Россіи: офицеры стали основывать кружки, въ которыхъ попойки и картежная игра смѣнились шахматами и чтеніемъ иностранныхъ газетъ,— офицеры стали ревностно слѣдить за политическими событіями. Особенно это стало замѣтно въ Петербургѣ, гдѣ стоялъ многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ.

Гвардейскіе офицеры обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои сужденія, не заботясь о томъ, гдѣ они говорили—въ общественномъ мѣстѣ или въ частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній.

Главнымъ предметомъ разговоровъ военной молодежи, когда она собиралась, было положеніе Россіи, и главною ихъ цѣлью—стремленіе улучшить это положеніе. Офицеры обсуждали главныя язвы русской жизни: безправіе, закоснѣлость народа, крѣпостничество, жестокое обращеніе съ солдатами, служба которыхъ въ теченіе 25-ти лѣтъ была почти каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще. Въ особенности горячо обсуждался вопросъ о рабствѣ крестьянъ и о военной дисциплинѣ. „Гнусные и варварскіе обычаи“ старой муштровки отвергались съ негодованіемъ. „Если и прежде иные изъ этихъ офицеровъ не прибѣгали къ палкѣ,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—то это было у нихъ только слѣдствіемъ врожденнаго добросердечія; теперь они отвергали это средство дисциплины, какъ вещь, противную самымъ простымъ понятіямъ справедливости и человѣколюбія“. „На каждомъ шагу встрѣчались тогда Скалозубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было непонятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно было выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько возовъ палокъ. Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ, какъ на собственность,

вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состоянiе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенiя самой основы государства. По ихъ мнѣнiю, Россiя держалась однимъ только благороднымъ сословiемъ, а съ уничтоженiемъ крѣпостного состоянiя уничтожалось и самое дворянство. По мнѣнiю тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованiю народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины" *).

Никто не думалъ тогда о шпiонствѣ, которое въ это время было почти ничтожно и неизвѣстно.

Изъ вышеприведеннаго видно, что вопросы, которые поднимала военная молодежь, были тѣ самые вопросы, которые уже выдвигалъ въ началѣ своего царствованiя императоръ Александръ. Брошенная тогда мысль успѣла пустить ростки и, подъ влiянiемъ событiй, укрѣпилась въ сознанiи наиболѣе развитой части тогдашняго общества—въ кучкѣ военной молодежи.

Отъ бесѣдъ, начатыхъ въ своей товарищеской средѣ, естественно было перейти къ дальнѣйшей пропагандѣ, и „эта пропаганда была поведена съ тѣмъ большимъ жаромъ, что для большинства людей, повернувшихся на новый путь, косность общественной среды представлялась пока единственнымъ препятствiемъ къ осуществленiю ихъ взглядовъ въ жизни"**). Молодежь стала думать теперь о томъ, какъ ввести новыя идеи въ жизненный обиходъ. „Въ нашихъ разговорахъ мы соглашались, что для того, чтобы противодѣйствовать всему злу, тяготѣющему надъ Россiей,—необходимо прежде всего противодѣйствовать старовѣрству закоснѣлаго дворянства имѣть возможность дѣйствовать на мнѣнiя молодежи,—пишетъ одинъ изъ современниковъ.—То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частью состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго-нибудь изъ

*) Записки Якушкина.
**) *Мякотинъ*. „Изъ Пушкинской эпохи".

опросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ реступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ мѣніяхъ, и говорить уже нечего“ *).

Чтобы не чувствовать себя одинокими среди враждебно настроеннаго къ нимъ большинства русскаго общества, военная молодежь рѣшила сблизиться въ ѣсный кружокъ, образовать общество и позаботиться, тобы въ это общество не могли проникать люди нежелательные. Лучшимъ средствомъ для этого было бразовать тайный кружокъ**). Живя во время войны заграницей, наши офицеры не разъ слышали о тайныхъ обществахъ и хотѣли теперь и у себя устроить нѣчто одобное.

Конецъ XVIII вѣка и начало XIX были временемъ особеннаго развитія тайныхъ обществъ въ Европѣ. Тайныя общества всегда возникали тамъ, гдѣ пробуждавшіяся общественныя потребности не находили себѣ схода, наталкиваясь на политическій гнетъ; возникали тамъ, гдѣ не было ни парламентской жизни, ни свободы собраній, ни свободы печати. И хотя въ Россіи послѣ событій 1812-го года возбужденіе умовъ наплывъ новыхъ идей были такъ сильны, что ъ обществѣ вошло въ привычку говорить довольно свободно, но всетаки высказывать вполнѣ свои мнѣнія е всегда годилось. Тѣсный кружокъ сочувствующихъ ругъ другу людей былъ необходимъ. Но какъ, на какихъ началахъ создать его, и будетъ ли онъ удаченъ? Не лучше ли воспользоваться на первыхъ порахъ готовой организаціей?

Въ Россіи до сихъ поръ не было тайныхъ обществъ, были только полутайныя масонскія ложи, извѣстныя равительству; ихъ не преслѣдовали,—онѣ были дозволенной формой общественной организаціи; благодаря воей полутайной организаціи, онѣ вполнѣ могли послужить приготовленіемъ къ будущему тайному обществу.

И вотъ въ спискахъ ложъ появляется много людей зъ молодого либеральнаго круга, преимущественно изъ

*) Записки Якушкина.
**) *А. Пыпинъ.*

офицерства,—людей, впослѣдствіи ставшихъ извѣстными подъ общимъ именемъ *декабристовъ*. Люди эти вносятъ съ собой въ ложи и свои идеи,—и въ масонствѣ, служившемъ до сихъ поръ всего болѣе религіозной мистикѣ, является новое направленіе—политическій либерализмъ. По разсказамъ современниковъ *), нѣкоторыя ложи состояли исключительно изъ одних военныхъ; такова была, напримѣръ, ложа „Трехъ вѣнчанныхъ мечей". Масонскимъ бесѣдамъ въ этихъ ложахъ дано было болѣе живое общественное содержаніе, и эти масонскія ложи превратились дѣйствительно въ соединеніе единомыслящихъ людей. Есть, впрочемъ, указанія, что большинство такихъ новыхъ членовъ недолго посѣщало ложи: масонство съ его обрядностью имъ скоро наскучило, и они рѣшили выдѣлиться въ свое особое общество, не связанное ненужнымъ масонскимъ обрядомъ, и членамъ котораго поставлялось бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи. Такимъ-то образомъ было положено основаніе „Тайному обществу". Уставомъ на всѣхъ вступающихъ въ это „Тайное общество", „возлагалась, во-первыхъ, обязанность ни подъ какимъ видомъ не покидать службы, съ тою цѣлью, чтобы современемъ всѣ служебныя значительныя мѣста въ военной и гражданской части были бы въ распоряженіи „Тайнаго общества", и, во-вторыхъ, въ немъ было сказано, что если царствующій императоръ не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его".

Въ рамки нашего повѣствованія не входитъ изложеніе событій, непосредственно связанныхъ съ дѣятельностью „Тайнаго общества". Мы коснулись его постолько, посколько возникновеніе его связано съ масонскими ложами, исторію которыхъ въ Россіи мы излагаемъ.

*) *Вигель* и другіе.

ГЛАВА XVI.

Темныя силы.

Наступали послѣдніе годы царствованія императора ...ександра — печальные годы, въ которые должны ...ли мало-по-малу разрушиться всѣ надежды, вначалѣ ...злагавшіяся на это царствованіе. Теперь уже отъ ...авительства едва ли кто ожидалъ широкихъ благо...рныхъ реформъ. Съ каждымъ днемъ все очевиднѣе ...новилось, что возвращаются старые порядки. Боль...нство надеждъ и проектовъ такъ и осталось наде...ами и проектами. Въ общемъ ходѣ внутреннихъ дѣлъ ...льшинство неустройствъ сохранилось, а въ нѣкото...хъ случаяхъ даже увеличилось. Въ управленіи го...одствовалъ старинный произволъ, казнокрадство, под...ъ, взятки. Государь даже говорить пересталъ о ...ободѣ народовъ и подъ вліяніемъ западно-европей...ихъ событій сдѣлался представителемъ консерватив...хъ теченій, считалъ своимъ долгомъ поддерживать ...тріархальную отеческую власть государей и „защи...ть отъ воображаемыхъ опасностей алтари и пре...олы". Къ этому же времени императоръ Александръ ... только совсѣмъ разошелся съ сотрудниками-друзь...и первыхъ лѣтъ своего царствованія, но и сблизился ... Аракчеевымъ—мрачной фигурой не менѣе мрач...го царствованія Павла I,—съ человѣкомъ невѣже...енныиъ и безсердечнымъ. Вся внутренняя политика ... его появленіемъ стала проникаться страхомъ передъ ...ободнымъ словомъ и передъ всякимъ нововведеніемъ. ...ладъ между надеждами и дѣйствительностью стано...ся все рѣзче. Полный отказъ правительства отъ ...ьнѣйшаго слѣдованія по пути реформъ вызывалъ ...ухое раздраженіе среди людей, видѣвшихъ теперь въ

реформахъ единственный путь къ оздоровленію
ской дѣйствительности. Общество зашевелилось, дв
лось впередъ, а правительство заподозрило это
женіе и стало ему противодѣйствовать.

Почему же такъ измѣнилось настроеніе импера
Александра?

Первые рѣзкіе признаки такого измѣненія пс
лись еще въ Отечественную войну. Когда Москва
занята непріятелемъ, когда всякое сообщеніе съ ар
на нѣсколько дней прекратилось, и стали ждать со
на день появленія непріятеля въ Петербургѣ; к
придворная партія стала усиленно настаивать на мир
императоръ Александръ вдругъ вдался въ глубс
религіозность и во всемъ сталъ видѣть указаніе св
перстъ Божій. Имъ вдругъ овладѣло разочаровані
людяхъ, равнодушіе къ обычнымъ дѣламъ, къ на
нымъ задачамъ и планамъ. Онъ проводилъ дни за
ніемъ Библіи. Вѣсть объ оставленіи Москвы непр
лемъ и объ отступленіи Наполеона еще болѣе укрѣ
Александра въ этомъ направленіи. Глубокое чув
благодарности и смиренія, чувство преклоненія пе
божественной силой привело его къ самоуглубле
къ внутренней молитвѣ,—словомъ, къ мистицизму.
эти дни тяжкихъ испытаній мистическое направл
уже и такъ господствовавшее въ части общества,
хватило многихъ; въ немъ стали видѣть единствен
путь къ обновленію русскаго общества. Мистики
спѣшили воспользоваться настроеніемъ Александ
убѣдили его въ необходимости основать русское
блейское общество. Такія библейскія общества т
существовали уже во множествѣ по всей Евр
Ихъ цѣлью было будить въ народѣ высшіе духов
интересы черезъ распространеніе священныхъ кн
Библейскія общества боролись, съ одной стороны,
тивъ вольнодумства, съ другой—противъ равнод
наго отношенія къ религіознымъ вопросамъ. Осн
ваясь на Евангеліи, сближающемъ всѣхъ безъ разл
вѣроисповѣданія, библейскія общества принимали
нами людей всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ се
безъ исключенія. Въ такихъ обществахъ сходи

юди самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и мнѣній:
утъ были и люди просто религіозные, и полу-сектанты;
ныхъ привлекала въ библейскія общества возможность
тдаться благотворительности, другихъ —кажущаяся ли-
еральность во взглядахъ въ видѣ терпимости и заботъ
народномъ просвѣщеніи. На дѣлѣ же общества эти
сли и распространяли что, то только грамотность, и
о не у насъ въ Россіи; а что касается просвѣщенія,
о они наносили огромный вредъ просвѣтительному
ѣлу, борясь съ „ложнымъ", по ихъ мнѣнію, напра-
леніемъ науки и знанія.

Какъ только императоръ Александръ всталъ во
лавѣ религіозно-мистическаго движенія, все высшее
русское общество тоже стало мистиками. Въ тѣхъ са-
ыхъ великосвѣтскихъ гостиныхъ, гдѣ въ началѣ цар-
ствованія толковали вкривь и вкось о парламентѣ, о
свободѣ народовъ и о правовомъ порядкѣ, теперь шли
разговоры о внутреннемъ соединеніи человѣка съ Бо-
омъ, о внутреннемъ возрожденіи и внутреннемъ хо-
жденіи по пути религіи и нравственности. Прежнее воль-
одумство было покинуто этимъ обществомъ, и кто не
ылъ истинно благочестивъ, тотъ старался казаться
аковымъ, чтобы не отстать отъ моды.

Помимо мистической религіозности, большое влія-
ніе на измѣненіе настроенія императора Александра
имѣли и европейскія событія въ эпоху конгрессовъ, на-
ставшую вслѣдъ за побѣдою союзныхъ европейскихъ
державъ надъ Наполеономъ. Въ Европѣ къ двадцатымъ
одамъ успѣли всюду восторжествовать темныя силы
прошлаго, похороненныя революціей и освободитель-
ымъ движеніемъ народовъ. Примѣръ революціонной
Франціи сочтенъ былъ опаснымъ для Европы, и побѣ-
оносныя союзныя государства рѣшили создать всюду,
мѣсто свободныхъ учрежденій, то „полицейское госу-
арство", которое, по словамъ одного нѣмецкаго пи-
ателя, „не знаетъ гражданъ отечества, а только упра-
ляетъ тупыми массами, какъ домашними животными,
оторымъ отмѣриваются въ хлѣву свѣтъ и воздухъ,
ормъ и пойло, стойло и подстилка, движеніе и воз-
ухъ,—то полицейское государство, гдѣ гражданинъ со-

вершаетъ преступленіе, когда серьезно помышляетъ объ общемъ благѣ" *).

Эта форма полицейскаго государства надолго утвердилась въ Германіи и Австріи, гдѣ монархи и министры вѣчно говорили о заговорахъ и революціяхъ, о подкапываніи алтарей и троновъ и создавали „охранительные" для этихъ троновъ союзы вродѣ „Священнаго союза", самая мысль о созданіи котораго была подана Александромъ.

„Священный союзъ" былъ „взаимнымъ страхованіемъ государей противъ ихъ народовъ; государи соединились въ этотъ союзъ, чтобы „*предохранить власть отъ крушенія путемъ избавленія народовъ отъ свойственныхъ имъ заблужденій*". Народы были вполнѣ правы, отнесясь къ союзу съ серьезнымъ недовѣріемъ и видя въ немъ крестовый походъ противъ революціонныхъ принциповъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не крестовымъ походомъ противъ принциповъ 1789 г. было заявленіе союза въ 1821 г., что союзъ всегда будетъ считать себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла народовъ для защиты законной власти противъ мятежниковъ, ибо „полезныя и необходимыя измѣненія въ законодательствѣ и управленіи государствами должны исходить только отъ доброй воли и разсудительнаго и просвѣщеннаго побужденія тѣхъ, кого Богъ сдѣлалъ отвѣтственными во власти" **).

Это „охранительное" направленіе международной политики было перенесено и во внутреннюю политику и прежде всего отразилось на народномъ просвѣщеніи. Тотъ самый императоръ Александръ, который въ началѣ царствованія оказываетъ такія неоцѣнимыя услуги дѣлу русскаго просвѣщенія, открывая университеты, гимназіи, школы, теперь начинаетъ насаждать „истинное" просвѣщеніе, проникнутое мистико-религіозными началами,—другими словами, поднимаетъ гоненіе на науку. Заботы о народномъ образованіи поручены были смѣшанному министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго

---

*) *Пыпинъ*. „Общественное движеніе".
**) *Дебидуръ*. „Политическая исторія XIX в.".

просвѣщенія, т. е. Святѣйшему Синоду и министерству народнаго просвѣщенія. Во главѣ новаго смѣшаннаго министерства былъ поставленъ врагъ всѣхъ просвѣтительныхъ идей и либеральныхъ реформъ—князь Голицынъ. Русскіе реакціонеры направили всѣ свои усилія къ тому, чтобы изгнать опасный духъ вольнодумства изъ учебныхъ заведеній, въ особенности изъ университетовъ, и „сочетать навсегда науку съ религіей, установивъ спасительное согласіе между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью“. О распространеніи грамотности наши реакціонеры считали еще нужнымъ заботиться, но къ судьбѣ университетскихъ наукъ были или совершенно равнодушны, или считали ихъ вредными и изгоняли. Изъ университетскихъ библіотекъ были изгнаны всѣ сочиненія, несоотвѣтствующія требованіямъ благочестія. Изъ университета и студентовъ стремились создать своего рода монашескій орденъ, иноческую общину; студентовъ дѣлили не по курсамъ, согласно ихъ возрасту и знаніямъ, а по степенямъ нравственности. Почти при всѣхъ университетахъ стали возникать библейскія сотоварищества; на собраніяхъ, устраиваемыхъ сотовариществами, пѣлись псалмы, велись разсужденія о важнѣйшихъ истинахъ религіи и о жизни святыхъ мужей и слышались ожесточенные голоса противъ науки. А общество старались увѣрить, что современное образованіе опасно, что оно „вкореняетъ идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія“, „ведущія къ ниспроверженію всѣхъ связей—семейственныхъ и государственныхъ“. Преслѣдованія противъ науки и знанія въ извѣстной мѣрѣ поддерживали старинную ненависть невѣжества ко всякому образованію.

Тѣмъ не менѣе всѣ эти попытки, всѣ злобные нападки и выходки нашихъ реакціонеровъ противъ стремленія части общества впередъ, къ свѣту и знанію, не могли уже убить то общественное движеніе, которое было вызвано до извѣстной степени самимъ правительствомъ въ годы преобразовательной дѣятельности императора Александра.

ГЛАВА XVII.

Какъ и почему закончилось масонство въ Россіи.

Наши реакціонеры были такъ невѣжественны, что ясно опредѣлить и доказать свои обвиненія противъ новыхъ вѣяній и „либерализма“ имъ было не подъ силу. Къ счастью, у нихъ оказалась готовая форма обвиненія, выручившая ихъ изъ затрудненія: желая когонибудь обвинить, они говорили таинственно: „онъ—иллюминатъ“, и этимъ было все сказано. Иллюминатство было такъ неопредѣленно и неосязаемо, что его можно было примѣнить къ чему угодно. Точныхъ свѣдѣній о немъ никто не имѣлъ и потому вѣрили всякимъ росказнямъ объ этомъ таинственномъ союзѣ съ разрушительными идеями и замыслами. Послѣ французской революціи враги освободительнаго движенія приписали всю революцію огромному заговору, въ которомъ видная роль отводилась все тѣмъ же иллюминатамъ, сваленнымъ въ кучу съ масонами и якобинцами. Нѣкій аббатъ Баррюэль даже написалъ многотомную исторію революціи, гдѣ старался фактами доказать, что революція была дѣломъ заговора иллюминатовъ. Въ Россіи эту книгу перевели дважды, и она много способствовала распространенію фантастическаго представленія о какомъ-то таинственномъ союзѣ, который стремится разрушать повсюду порядокъ и нравственность, ниспровергать святыни и сѣять губительныя лжеученія. Иллюминатамъ—врагамъ общественнаго порядка, религіи и нравственности—приписывалось вообще великое коварство: разсказывали, что они умѣ-

ютъ скрываться подъ самыми различными видами, проникать въ высшія сферы общества, правительства и даже двора и всюду распространять свои тлетворныя ученія. При такомъ представленіи о качествахъ иллюмината легко было кого угодно заподозрить въ иллюминатствѣ. Кличкой „иллюминатъ“ пользовались и враги либеральныхъ реформъ, и старые масоны, писавшіе еще въ 1810 г. доносы противъ „вольнодумческаго и якобинскаго яда“ въ сочиненіяхъ Карамзина, и члены „Библейскаго общества“, обличавшіе либеральное безвѣріе, и духовенство, въ лицѣ архимандрита Фотія, обличавшее въ иллюминатствѣ самихъ библейскихъ мистиковъ. Въ концѣ концовъ получился перекрестный огонь безсмысленныхъ обвиненій и невообразимая путаница мыслей. Со всѣхъ сторонъ неслись крики: „религія въ опасности, потрясеніе нравственности, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ“ и т. п. Іезуиты, которые пріобрѣли во второй половинѣ царствованія Александра довольно большое вліяніе въ русскомъ обществѣ, тоже присоединились къ обвиненіямъ и предлагали и свои услуги къ искорененію иллюминатовъ. Старое обвиненіе въ иллюминатствѣ было брошено и по адресу масоновъ.

Въ 1821 г., въ іюнѣ, императору Александру была подана записка о масонскихъ ложахъ, написанная генераломъ и сенаторомъ Егоромъ Андреевичемъ Кушелевымъ. Этотъ Кушелевъ былъ масонъ старой школы, противникъ не только новѣйшихъ системъ, но и стараго новиковскаго масонства. Въ 1820 г. онъ былъ выбранъ „великимъ мастеромъ“ одной изъ ложъ и рѣшилъ возстановить въ ней старые порядки. Въ новыхъ системахъ онъ видѣлъ нарушеніе истиннаго масонскаго ученія, и это нарушеніе грозило, по его мнѣнію, сдѣлать ихъ „гнѣздомъ иллюминатства и либерализма“. Къ императору онъ, Кушелевъ, рѣшился обратиться въ виду серьезности дѣла: онъ-де хотѣлъ преобразовать орденъ, но встрѣтилъ сопротивленіе отъ любителей новыхъ системъ; а между тѣмъ времена теперь опасныя: „отъ тайныхъ сектъ и обществъ возникло всюду вольнодумство, революція, мятежи, кровопролитія...“

Еще во времена Екатерины II въ Москвѣ открылось „гнѣздилище иллюминатства и мартинистовъ“; кто поручится, что его нѣтъ и теперь? Свою высокую масонскую должность онъ, Кушелевъ, принялъ только затѣмъ, чтобы „сіе важное званіе не впало въ руки хищнаго волка или злоумышленнаго изверга“, и чтобы вернуть орденъ на истинный путь масонства. Истинное же масонство состоитъ только въ христіанскомъ любомудріи, учитъ познавать Творца въ книгѣ натуры, удивляться Его непостижимости, въ разсматриваніи природы познавать самого себя, свое ничтожество, повиноваться Его волѣ, установленнымъ отъ Него властямъ и правительствамъ“ и т. д. Въ новѣйшее время эта цѣль забывается и нарушается „новизнами, дышащими необузданностью“; эти новизны слѣдуетъ пресѣчь и уничтожить, потому что онѣ „превратили ложи въ клубы, гнѣздилища раздора, своеволія, буйства или, лучше сказать, въ шумный и быстрый потокъ адскаго изверженія, наводняющій всю Европу правилами ужасными, безбожными и бѣдственными для всего человѣческаго“. На основаніи всего этого онъ, Кушелевъ, предлагаетъ императору одно изъ двухъ: или сохранить ложи, преобразовавъ ихъ по приложенной имъ программѣ, или же *закрыть*, но не вдругъ, иначе съ „плевелами“ могутъ погибнуть и „благословенные плоды, кои украшаютъ церковь Христову и человѣчество“; а главное, „коль скоро ложи закроются всѣ вдругъ, тогда члены оныхъ или братія, какъ насѣкомыя, расползутся по всѣмъ угламъ и, не имѣя надъ собой ни малѣйшаго уже надзора, болѣе и болѣе заражать будутъ простодушныхъ, непросвѣщенныхъ и *любопытныхъ* согражданъ своихъ, тѣмъ паче, что *бдѣніе полиціи* не въ силахъ тогда будетъ объять всѣхъ частныхъ ихъ дѣйствій...“

Какое впечатлѣніе произвела на Александра эта длинная и велерѣчивая записка-доносъ—неизвѣстно. Но масонскихъ ложъ тогда государь не закрылъ. Надо думать, что у него были свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ ложахъ, такъ какъ и самъ онъ одно время былъ дѣятельнымъ масономъ, и съ 1810 г. ложи нахо-

дились подъ постояннымъ наблюденiемъ полицiи. Министръ полицiи не разъ входилъ къ государю съ докладами о масонскихъ ложахъ, и всѣ эти доклады, дѣлаемые на основанiи донесенiй подвѣдомственныхъ министру чиновъ полицiи, были успокоительнаго свойства. Между прочимъ въ одномъ изъ этихъ донесенiй говорилось, что, по разсмотрѣнiи масонскихъ бумагъ, доставленныхъ начальниками ложъ, оказалось, что „ученiя въ нихъ мало и предмету никакого, въ чемъ сами начальники согласуются; признавались мнѣ, что они никакой точной цѣли не имѣютъ и масонской тайны никакой не вѣдаютъ“ *). Когда въ томъ же 1821 г. полицiя, по доносу крѣпостного человѣка, опечатала одну ложу и забрала масонскiя бумаги и протоколы, то государь при докладѣ объ этомъ генералъ-губернатора сказалъ, что „напрасно полицiя опечатывала ложу и вещи, когда увидала, что это была обыкновенная масонская ложа, и велѣлъ сейчасъ же всѣ бумаги возвратить, замѣтивъ при этомъ: „бумаги сiи имъ нужнѣе, нежели полицiи“ **).

Однако, мало-по-малу у государя накоплялись тревожныя впечатлѣнiя и отъ доносовъ, и отъ нашептыванiй всесильныхъ европейскихъ министровъ, вродѣ австрiйскаго Меттерниха, этого палача и тюремщика свободы. Александру указывалось на несомнѣнные факты могущества тайныхъ обществъ; передъ нимъ изображали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ мятежи и возстанiя, производимыя ими въ Европѣ; его дружески предупреждали, что дѣло скоро дойдетъ до прямыхъ покушенiй на отдѣльныхъ лицъ, и совѣтовали, пока не поздно, принять мѣры. Въ результатѣ—1-го августа 1822 г. появился указъ, запрещавшiй масонскiя ложи и всякiя тайныя общества. Въ указѣ этомъ государь прямо ссылался на „безпорядки и соблазны, возникшiе въ другихъ государствахъ“, и на „умствованiя, нынѣ существующiя“, отъ которыхъ „проистекаютъ столь печальныя въ другихъ краяхъ послѣдствiя“.

*) *Пыпинъ*. „Общественное движенiе при Александрѣ I“.
**) Тамъ же.

Вслѣдъ за закрытіемъ ложъ начался рядъ другихъ преслѣдованій: закрытіе „Библейскаго общества“, преслѣдованія сектъ, цензурныя гоненія... Доносы сыпались со всѣхъ сторонъ... Мракъ надъ русскою жизнью все сгущался... Во внутреннихъ дѣлахъ царилъ безраздѣльно Аракчеевъ:

Надменный временщикъ, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй *).

Запрещеніе ложъ, конечно, не остановило распространенія нежелательныхъ правительству идей. Общественное движеніе, начавшееся въ 1812 г., развивалось и въ ширь, и въ глубь. Если по окончаніи наполеоновскихъ войнъ для многихъ еще не было ясно, что либеральные элементы русскаго общества и правительство пошли по совершенно различнымъ дорогамъ, то въ двадцатыхъ годахъ это обнаружилось съ полною очевидностью.

Рѣшительно и смѣло переходятъ люди, руководившіе движеніемъ, за предѣлъ пожеланій, мечтаній и словъ...

Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ...

И несмотря на то, что тяжелая рука Аракчеева всюду даетъ себя чувствовать, тайныя общества растутъ, намѣренія ихъ членовъ принимаютъ все болѣе опредѣленную форму и въ концѣ концовъ выливаются въ событія 14-го декабря 1825 г.

Участникамъ этихъ событій не суждено было выиграть: на ихъ плечи пала тяжелая доля. Жизнь многихъ изъ нихъ оборвалась трагично и неожиданно: кто погибъ за идею на висѣлицѣ, кто ссылкой долженъ былъ искупить свое увлеченіе ею; но „не пропалъ ихъ скорбный трудъ и думъ высокое стремленье“... „пришла желанная пора“...

Что молодое поколѣніе Александровой эпохи вѣрнѣе видѣло истинныя потребности русской жизни, достаточно показала дальнѣйшая исторія...

---

*) „Къ временщику“, посланіе Рылѣева.

Что касается масонства, то оно, умеревъ въ 1822 г., больше не воскресало къ жизни. Въ царствованіе Николая I масонами были сдѣланы попытки получить разрѣшеніе на открытіе ложъ и на признаніе масонской дѣятельности, но всѣ такія попытки были отклонены самымъ рѣшительнымъ образомъ. Доносы на масонство и при Николаѣ I практиковались. Такъ, въ 1831 г. снова поступили къ императору два доноса на масоновъ, и въ нихъ русскіе масоны опять обвинялись въ иллюминатствѣ. Старая сказка все еще не умирала и находила внимательныхъ слушателей. Но, конечно, не запрещеніе помѣшало масонству возродиться. Правительство имѣло меньше всего основаній бояться возрожденія масонства. Его указы противъ масонства были выстрѣлами изъ пушекъ по воробьямъ. Роль масонства въ это время была уже сыграна. Люди, еще пытавшіеся вдохнуть жизнь въ масонство, не замѣчали, что въ немъ осталась одна лишь пустая форма, безъ содержанія, не видѣли, что то, въ чемъ прежде искали правду жизни, теперь уже не могло удовлетворять ищущихъ. Жизнь ушла впередъ, выдвинула такія требованія, на которыя въ масонствѣ отвѣта уже не было. Масонство, какъ общественная организація, умерло... На смѣну ему уже явились иныя общественныя организаціи, иные кружки и общества, съ иными задачами и цѣлями, созданными новыми потребностями жизни. „Новыя жизни

. . . . изъ темныхъ могилъ
Вышли въ сіяньи нетронутыхъ силъ;

Такъ травы душисты, такъ ярки цвѣты
На старыхъ кладбищахъ, гдѣ никнутъ кресты!

Чтобъ новому колосу жизни созрѣть,
Мы, старыя зерна, должны умереть *)...

Правда, жалкіе остатки масонства еще довольно долго влачили не менѣе жалкое существованіе въ разныхъ углахъ Россіи, но это было существованіе, потерявшее всякое общественное значеніе.

*) П. Я. (*Якубовичъ*).

Въ настоящее время масонскія ложи съ ихъ тайной, съ ихъ пустыми, смѣшными и ненужными обрядами кажутся намъ чѣмъ-то уродливымъ и страннымъ. Но какъ ни странны и уродливы кажутся намъ теперь масонскія ложи, каковы бы ни были ихъ недостатки—*въ свое время* онѣ имѣли смыслъ и значеніе въ русской жизни: онѣ были первой пробой русской общественности. Являясь полутайной общественной организаціей съ опредѣленными, выработанными формами, масонскія ложи располагали общественно-настроенныхъ людей къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ; онѣ подготовили обстановку для возникавшихъ тайныхъ обществъ и облегчили новымъ людямъ переходъ на путь нелегальной оппозиціи, на который должна была вступить мыслящая часть русскаго общества, когда правительство заподозрило общественное движеніе и стало ему противодѣйствовать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ.

Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи въ XVIII в.;— Кизеветтеръ. Къ исторіи законодательства въ Россіи въ XVII— XIX ст.;—его же: Реформа Петра Великаго въ сознаніи русскаго общества. Р. Б. 96 г., 10;—Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры;—Рожковъ, Н. Учебникъ русской исторіи;—Шелгуновъ, Н. Государственный классицизмъ; Попытки русскаго сознанія; (соч., т. I);—Чечулинъ. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Ж. М. Н. Пр. 89 г., 3—6;—Дубровинъ, Н. Пугачовъ и его сообщники;—его же: Русская жизнь въ началѣ XIX ст. Рус. Стар. 98 — 99 гг.; Незеленовъ. Н. И. Новиковъ;— Ключевскій. Императрица Екатерина II. Р. М. 96 г., 11;—его же: Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ. Р. М. 95 г., 1; — Ешевскій. Московскіе масоны 80-хъ годовъ XVIII стол.; Матеріалы для исторіи русскаго общества; — его же: Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ. (соч.); — Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты; — Пыпинъ. Русское масонство XVIII в. В. Е. 67 г., 2—4;—его же: Русское масонство до Новикова. В. Е. 68 г., 6, 7;—его же: Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. В. Е. 72 г. 1, 2, 7, 11; — его же: „Homunculus". Эпизодъ изъ алхиміи и изъ исторіи русск. литературы (сборн. „Починъ" на 1896 г.);—его же: Исторія русской литературы (Времена Екатерины II. Новое движеніе, выразившееся въ масонствѣ. Начало XIX в.) „Общественное движеніе при Александрѣ I";—его же: Времена реакціи 1820—30 гг В. Е. 69 г., 11— 12;—его же: Библейское общество въ 1812—26 гг. В. Е. 68 г., 8, 9, 11, 12;—Семека. Русскіе розенкрейцеры и сочин. имп. Екатерины II противъ масонства;—Усова, Н. И. Новиковъ. Біогр. очеркъ;—Тихонравовъ. Новыя свѣдѣнія о Новиковѣ и „Компаніи типографической"; Біографія Новикова; Біографія Шварца; Четыре года изъ жизни Карамзина (см. собр. сочин. Тихонравова);— Аксаковъ. Мартинисты (соч., т. III); — Якушкинъ. Н. И. Новиковъ (см. сборн. „Починъ" на 1895 г.);—его же: Сперанскій и Аракчеевъ;—Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в., т. I.—Дубровинъ, Н. Наши мистики-сектанты. Рус. Стар. 94— 95 гг.;—Мякотинъ, В. Изъ исторіи русскаго общества: Дворянскій публицистъ екатерининской эпохи;—его же: Изъ пушкинской эпохи. Сборн. Рус. Бог. 99 г.:—Звегинцевъ. Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX в.; — Шильдеръ. Императоръ Александръ I;—Мельгуновъ, С. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскомъ университетѣ. Правда, 1904 г., 2—3.

Народныя изданія О. Н. Поповой.

69. **Попова, О. Н. Севастополь и его оборона.** Посвящается па-
ѧти его защитниковъ. Съ 5 рис. и 2 картами. . . . . 30 коп.

Очеркъ написанъ по хорошимъ матеріаламъ и даетъ довольно яр-
ое представленіе о томъ ужасномъ состояніи русскаго общества, бла-
годаря которому получился севастопольскій разгромъ... Появленіе его
очень кстати.

„Крымскій Курьеръ", 1905 г., № 153.

Популярно написанный очеркъ г-жи Поповой въ главныхъ чертахъ
живо характеризуетъ ту эпопею, которая въ русской исторіи извѣстна
подъ именемъ Севастопольскаго разгрома. Настоящее познается изъ
сопоставленія съ прошлымъ. Въ прошломъ, приведшемъ къ ужасамъ
Севастополя, есть много цѣнныхъ уроковъ, которые, однако, мы до
сихъ поръ усвоили очень плохо. Книжка издана изящно и украшена
...тью рисунками. Двѣ карты даютъ возможность оріентироваться чи-
тателю въ ходѣ злосчастной войны, о которой до сихъ поръ еще жива
память въ народѣ. „Бирж. Вѣд.", 1905 г., № 8885.

70. **Попова, О. Н. Сорокъ два дня.** Разсказъ изъ русско-
японской войны. . . . . 10 коп.

Брошюра содержитъ въ себѣ разсказъ о томъ, какъ одинъ солдатъ,
татаринъ родомъ, оставшись раненымъ на полѣ битвы, нашелъ своего
товарища по ротѣ, русскаго, тяжело раненымъ и, охваченный чувствомъ то-
варищества и человѣколюбія, рѣшилъ спасти его. Безхитростный разсказъ
повѣствуетъ о тяжкихъ страданіяхъ двухъ инвалидовъ, скрывавшихся
въ окопахъ и гаолянѣ, и о высокомъ подъемѣ человѣческой души въ
подвигѣ солдата-татарина. Прекрасная тема и глубокая простота
разсказа производятъ сильное впечатлѣніе.

„Крым. Курьеръ", 1905 г., № 178.

71. **Загоскинъ, М. Н. Юрій Милославскій или Русскіе въ
1612-мъ. году.** Историческій романъ въ трехъ частяхъ. . . . . 30 коп.

72. **Пименова, Э. Георгъ Вашингтонъ и война за независимость.**
Біографическій очеркъ. Съ рисункомъ. . . . . 2 коп.

73. **Геффдингъ, Гаральдъ. Александръ Гамильтонъ и
сѣверо-американская конституція** . . . . 10 коп.

74. **Пименова, Э. Анри Дюнанъ, другъ раненыхъ.** Біографи-
ческій очеркъ. Съ портретомъ А. Дюнана . . . . 2 коп.

75. **Пименова, Э. Джонъ Говардъ, другъ заключенныхъ.**
Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Д. Говарда . . . . . . 3 коп.

76. **Пименова, Э. Іоганнъ Гутенбергъ и его великое изобрѣтеніе.**
Біографическій очеркъ. Съ 4 рисунками . . . . 3 коп.

77. **Берлинъ, Я. А. Исторія книги.** Культ.-историческій очеркъ.
Съ рисунками. . . . . 15 коп.

110. **Вологдинъ, Б. П.** Народная школа и рабочій классъ. Подъ
редакціей прив.-доц. Н. Рожкова. . . . . 8 коп.

111. **Лозинскій, С.** Революція 1848 г. въ Венгріи . . . 12 коп.

113. **Днѣпровъ, М.** Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. 5 коп.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Слово". Ул. Жуковскаго, 21

